

ГАФУР ГУЛЯМ

*Избранные
произведения*

В ТРЕХ ТОМАХ

Том первый

Стихи, оды, поэмы

Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1983

Уз
Г 94

Редколлегия:

РАШИДОВ Ш. Р., АЗИМОВ С. А., ДЖАББАРОВ Д. Д.,
ЗАХИДОВ В. Ю., ЗУЛЬФИЯ, УЙГУН, УДАЛОВ А. А.,
ФАЙЗИ Р., ШУКРУЛЛО, ЯШЕН К. Н.

Предисловие — Шарафа Рашидовича РАШИДОВА

Составители: Алмаз Ахмедова,
Раим Фархади

Г $\frac{70403 - 237}{M 352/04/ - 83}$ 99 — 82 4702570200

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма
1983.

ВСЕГДА С НАМИ

«Песни смерть не коснется», — так писал пламенный художник-коммунист, поэт редкого и сильного таланта Гафур Гулям в одном из последних своих стихотворений. Эти слова прозвучали поистине пророчески. Так было и так остается: поэты умирают, но живут их творения, запечатленные в них думы и чаяния народа, как прометеев огонь зажигают миллионы сердец своим ярким и чистым пламенем. «Огромный личный мир художника» (А. Блок) — это своего рода целая вселенная, вбирающая в себя все печали и радости мира реального, все проблемы добра и зла, которые испокон веков не дают людям покоя.

Жизнь и творчество больших поэтов можно уподобить величавой реке. Она течет сквозь время, утоляет духовную жажду народа, питается его мудростью и потому не теряет свежести и мощи. Мне представляется, что Гафур Гулям является именно таким поэтом.

Гафур Гулям принадлежит к тому славному поколению писателей и поэтов, на долю которых выпала трудная, но благородная миссия зачинателей новой узбекской советской литературы. Он пришел в литературу, обогащенный большим жизненным опытом. Он пришел в нее как труженик, как солдат, как борец за светлые идеи Великого Октября, всепобеждающее дело Ленина.

Гафур Гулям неотделим от истории становления и развития Узбекской ~~С~~. Вместе с ней он шел дорогами великих свершений, больших социальных преобразований. Вместе с республикой рос и мужал его поэтический талант. Уже первые стихи поэта — гимн новой жизни, советской эпохи, ленинской партии. С чувством гордости он писал:

На заре революции
Ленин
навеки
Твердой поступью
счастье народов
скрепил, —
И поэтому
радостный голос узбека
в хор свободных народов
как равный вступил.

История развития узбекской советской литературы богата славными событиями, значительными вехами. И нет ни одного этапа, который не был бы теснейшим образом связан с именем Гафура Гуляма, не нашел отражения в его творчестве. Вот почему с полным основанием можно сказать, что Гафур Гулям — это целая эпоха в литературе Советского Узбекистана. Он щедро одарил современников своей крылатой поэзией. Вышедший из гущи народа, посвятивший ему все свое творческое горение, он был глубоко народным писателем. И вполне закономерно, что именно Гафур Гулям первым после Хамзы удостоился высокого и почетного звания «Народный поэт Узбекской ССР».

Гафур Гулям был поэтом не только по призванию, но и потому, что стал сыном революции, сыном народа; он глубоко понимал, всем сердцем чувствовал заботы и надежды хлопкоробов, рабочих, интеллигенции. Начиная с самого раннего творчества, он чутко улавливал сдвиги, которые происходили в духовной жизни народа. Поэзия Гафура Гуляма во многом определяла и определяет прекрасный духовный облик современника:

Узбекский поэт я, народа певец,
И сердце мое та же радость волнует,
Что помнят сейчас миллионы сердец,
Что нам осветила дорогу земную.

«Всякая поэзия только тогда истинна, когда она народна...» — писал В. Г. Белинский. Народность поэтического творчества Гафура Гуляма в том, что он из самых глубин, из гущи народной черпал свое вдохновение, темы и героев для своих произведений.

Народность поэзии Гафура Гуляма в том, что его произведения отражали правду жизни советских людей, их думы, стремления, веру в светлое будущее.

Народность произведений Гафура Гуляма в том, что в них он неизменно выступает не только как художник и летописец

эпохи, но и как активнейший участник событий, как боец великой армии строителей коммунизма. Да, это был большой поэт. Всю свою жизнь, до последнего дыхания, он высоко нес знамя идейности, партийности и народности советской литературы.

Сейчас, окидывая взглядом жизненный и творческий путь поэта, все отчетливее представляешь, что Гафур Гулям всегда находился на переднем крае борьбы и труда.

В годы первых пятилеток его произведения были взяты на вооружение строителями Турксиба, индустриальных гигантов Ташкента и Чирчика, Большого Ферганского канала и Каттакурганского водохранилища, бойцами за хлопковую независимость страны, за переустройство узбекского кишлака на новый, социалистический лад.

В суровые для нашей многонациональной Родины годы Великой Отечественной войны пламенные стихи Гафура Гуляма звали воинов, тружеников тыла на ратные и трудовые подвиги, вселяли уверенность в победе над врагом.

В послевоенный период, в годы мирного созидания, Гафур Гулям, как и прежде, остается в рядах активных борцов за высокие идеалы коммунизма. Свое участие в строительстве новой жизни он всегда рассматривал как насущную потребность, как свой партийный и гражданский долг.

Гафур Гулям искренне радовался каждому успеху республики и всей страны. Трудовые победы советских людей, наша социалистическая новь были главным источником, который питал его творчество. Вся многонациональная братская семья советских народов знает Гафура Гуляма как убежденного интернационалиста, страстного певца ленинской дружбы народов.

Братской дружбы взрастили
мы в мире цветы,
Золотым кирпичом нашей
Родины зданье
Довели до невиданной мы
высоты,
Укрепив небывало его
основанье.

Гафур Гулям — пламенный певец новой жизни. Как постгражданин, как поэт-коммунист, общественный и государственный деятель, крупный ученый-литератор, он крепко был связан с народом, встречался с рабочими и колхозниками, с молодежью, с тысячами читателей. Каждая такая встреча оставляла глубокий след и в творчестве поэта, и в сердцах ее участников.

Поэт решительно выступал против косности и рутины, против пережитков старины, за утверждение всего нового, прогрес-

сивного. Он был боевым пропагандистом коммунистической морали.

Редкое дарование Гафура Гуляма сделало его одним из самых популярных поэтов Советского Востока. Его стихи и поэмы, повести и рассказы широко известны далеко за пределами нашей страны. Они переведены и изданы на 30 языках народов СССР и зарубежных стран. Страстное слово поэта, само его имя стало символом социальных и духовных достижений Советского Узбекистана.

Яркое, многогранное и самобытное творчество поэтанискало всеобщую любовь читателей, получило высокую оценку партии и Советского правительства. В 1970 году Гафуру Гуляму была присуждена Ленинская премия.

В одной из своих ранних статей Гафур Гулям писал: «Я всегда спрашиваю себя, что я сделал для народа? Приношу ли я пользу народу, что я делаю сегодня, чтобы поднять его славу, культуру, богатство, авторитет? Ведь и народ, который вскормил меня хлебом и солью, всегда может потребовать у меня справедливого отчета во всем этом. Ладно, не сегодня, так завтра, в 1975 году или 2000-м, но все равно — обязательно заставит отчитаться».

Это чувство ответственности перед народом и партией он пронес через десятилетия...

Подвижническая жизнь, яркое творчество и широкая общественная деятельность Гафура Гуляма всегда будут служить примером для нас, его друзей и соратников, для миллионов читателей его сильного и смелого таланта.

*Шараф РАШИДОВ,
дважды Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии*

ИЗ ПРОЖИТОГО И ПЕРЕЖИТОГО

Родился я в пятницу 10 мая 1903 года — года рыбы по деканскому счету¹ — в Ташкенте, в квартале Курган-таги Шейхантаурской части города.

Отцу моему, Гуляму Мирза Ариф, в то время было 35 лет, матери, Таш-биби Ша-Юсуф-кызы, — 21 год. Часто, когда это требовалось, я затруднялся ответить точно, чем занимался мой отец. Писал просто: «дежканин». Возле Каляма, за чертой города, у него было 5-6 танапов земли, которые он засеивал пшеницей, кукурузой, машем.

По тем временам отец был довольно грамотным человеком, кроме узбекского, он в совершенстве знал таджикский, немного говорил и по-русски. Для горожан отец писал заявления, справки, и поэтому к его имени обычно прибавлялась частица «мирза» — Мирза Гулям.

Литература была его увлечением. Помню, к нам в дом приходили из узбекских поэтов и каллиграфов Хислат, Шамурад, по прозвищу «котиб» (писец), и другие. Говорили, что в свое время у нас часто бывали и поэты из Ферганской долины: Мукими, Таш-Ходжа, Асири, Фуркат, Музи. Отец и сам сочинял под псевдонимом «Мирза» и «Гулям», но его стихи никогда не были собраны воедино и напечатаны. В последующие годы под псевдонимом «Мирза» выступал мой дядя (младший брат отца) Мирза Абдулла Мирза Ариф-оглы. Книжка его стихов «Баязи Мирза»² была напечатана в 1913 году в Ташкенте, в типографии «Гулямия».

Мать моя тоже была равнодушна к поэзии, понимала и ценила ее. Как любительница, она иногда импровизировала, складывала стихи в размерах, присущих народному творчеству. Некоторые из них, особенно посвященные памяти отца, надолго сохранились в моей памяти.

Отец скончался в 1912 году на 44-м году жизни. Его свела в могилу вечная сырость нашего старого дома, стоявшего на забо-

¹ Животному циклу.

² Сборник Мирзы,

лоченной усадьбе. Доктора к больному, естественно, не навевали, их просто не было тогда. И остались мы после отца пятеро сирот. Мне тогда было 9 лет, а самой младшей сестренке — 6 месяцев.

К тому времени я уже свободно читал Павои, Хафиза, Саади. Такое раннее развитие, конечно, никак нельзя отнести за счет занятий в старой школе. Грамотой и письмом я овладел с помощью отца, а затем матери.

Жили мы скудно. Жалованья моего старшего брата, служившего приказчиком, конечно, не хватало, а тут еще началась первая мировая война. Положение таких необеспеченных семей стало невыносимо трудным. В ту пору крупные баи богатели еще больше, а какие послабее — разорялись. Прогорел и хозяин моего старшего брата. Оказавшись без работы, брат каким-то образом устроился надомником на табачную фабрику «Тамерлан». Вскоре набивку гильз освоили и я, и две мои сестренки. Мы начали помогать брату, и все вместе за день вручную набивали около десяти тысяч папирос.

Осенью 1916 года брат отдал меня учиться в «Самсоновское русско-туземное училище», находившееся в квартале Укки.

— Надо учиться русскому, — постоянно твердил он. — Будешь держаться за полу русских, никогда не останешься на середине пути.

В русско-туземной школе я учился по «Первой книге» Л. Н. Толстого. Заучивал на память небольшие стихотворения Пушкина, Лермонтова, Фета.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года не принесла облегчения трудовому люду. Война продолжалась, дороговизна росла. Всем заправляли крупные баи, землевладельцы, казии и прочие. Им принадлежало и первое место за общественным дастарханом.

Мне шел пятнадцатый год, я жадно интересовался событиями. Старший брат приносил домой газеты «Туркестанский курьер» и «Туркестанские ведомости» и читал их мне вслух. Стало известно, что и в Петрограде и в Москве растет революционное движение среди русских рабочих и солдат. Осенью Временное правительство, ставшее у власти после февраля, было свергнуто. Победили руководимые Лениным, Коммунистической партией русские рабочие, крестьяне, солдаты — победила Великая Октябрьская революция. Мы — узбеки, таджики, киргизы, казахи, туркмены — пошли за этой революцией, вместе с русскими участвовали в борьбе, и нас тоже осенила ее великая освободительная мощь.

Вместе с другими свободно вздохнула и наша семья. По в 1918 году 36 лет от роду все в той же злосчастной усадьбе умерла моя мать. Затем вскоре женился и выделился старший брат. Я остался с сестренками. Приходилось начинать самостоятельную жизнь. В стране в это время полыхала гражданская война, у нас народ разорыва басмачи. Начинался голод, явившийся следствием еще мировой войны. Надо было как-то выжить из положения, и не было дела, за какое бы я не хватался, не было работы, за какую бы я не брался. Под конец я поступил наборщиком в типографию. Моим учителем был старый рабочий Абдурахман Саиббаев. Он, узнав, что я имею начальное образование, посоветовал мне поступить на курсы по подготовке учителей. Сестры мои тоже пошли учиться в советскую школу.

19 февраля 1919 года я вступил в комсомол, а 23 марта был назначен учителем начальной школы на Урде и в том же году стал членом профсоюза. Для меня началась новая жизнь.

Было ль то, не было, как говорится в сказках, но и мое сердце не миновала любовь. Я начал пробовать свои силы в любовных газелях. Это были несовершенные плоды, родившиеся под влиянием Павои, Мукуми, Фурката. Правда, поэзия не занимала меня целиком. Я находился в гущу событий и отдавался общественным делам со всем жаром юношеской души. Активно участвовал в комсомольских делах, искренне и с большой радостью откликался на все новое. Городской комитет комсомола часто поручал мне делать доклады на ответственные темы. Благоволил ко мне и городской отдел просвещения. Тогда шла борьба с детской беспризорностью. Создавались детские дома и школы-интернаты. В создании одной из таких школ участвовала и я в 1923 году. Называлась она «Урфан» и находилась на Урде. При школе был организован интернат на 150 детей. Мы называли этих ребят детьми Феликса, потому что Феликс Эдмундович Дзержинский был одним из непосредственных организаторов устройства и воспитания беспризорных.

Однажды в наш интернат перевели из детского сада 15 осиротевших ребятшек. Я не спал до рассвета, присматривая за ними. В эту ночь я написал стихотворение о своем сиротстве, об этих ребятах, о работе, какую проявляли к таким детям Ленин, наше правительство. Его и можно считать моим первым стихотворением. Второе мое стихотворение — «Ища красоту» — было напечатано в апреле месяце 1923 года. Третье — «Сурнай» — появилось в том же году в журнале «Маориф ва укигувчи». Как видите, я уже становился поэтом, меня уже начали печатать.

1924—1925 годы явились вехами на моем жизненном пути — я стал секретарем комитета городской комсомольской организации учителей, затем заместителем председателя Союза работников просвещения, заведовал двумя школами, интернатом. Работы было много, к поэзии я обращался лишь время от времени. В эту пору меня больше увлекали юмор и сатира. Почти в каждом номере журнала «Муштум» печаталась какая-нибудь моя вещь.

Как поэта меня вырастил Ленинский комсомол.

В те годы мною были написаны комсомольские марши, я активно выступал в местных газетах и журналах.

С 15 сентября 1928 года я стал секретарем газеты «Камбагал дехкан».

Работа в газете явилась своего рода творческим, и не только творческим, но и жизненным университетом. В республике завершилась земельная реформа, началась коллективизация. В городе и на селе шла острая классовая борьба. И не было дня, чтобы в газетах «Кызыл Узбекистан», «Камбагал дехкан», в журнале «Муштум» или в других журналах и газетах не появлялось моей статьи, фельетона, очерка или же злободневного стихотворения.

Вместе с редакцией «Камбагал дехкан» я переехал в Самарканд. В Ташкент вернулся в 1930 году и стал секретарем областной газеты «Шарк хакикаты». За эти годы я возмужал как поэт. Этому способствовал жизненный опыт и знакомство с творчеством русских писателей и поэтов. Любимым моим писателем был А. М. Горький. Особенно любил я «Мать», «На дне», «В людях», «Мои университеты». Я многому научился у великого

человека и гениального мастера слова. В 1931 году появился мой первый сборник стихов «Динамо». Затем один за другим два сборника юмористических рассказов.

В эти годы я переводил Пушкина, Лермонтова, Маяковского, в частности, его поэму «Во весь голос». Маяковского я считаю своим учителем, он оказал большое влияние на мое творчество. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть мои сборники «Динамо», «Живые песни».

В 1934 году я участвовал в работе Первого Всесоюзного съезда писателей СССР. Там я видел Алексея Максимовича Горького, слышал его доклад, беседовал с ним. Это были незабываемые дни и незабываемые встречи.

До 1942 года я работал в газете «Кызыл Узбекистан», а также в журналах «Муштум» и «Ер юзи» — литературным сотрудником, очеркистом, фельетонистом, секретарем. В эту пору я уже стал профессиональным писателем, и стихи мои находили читателя не только в республике; но и далеко за ее пределами. У меня завязалась дружба со многими русскими писателями, писателями Украины, Грузии, Азербайджана... Я переводил с русского, грузинского, таджикского, иранского, азербайджанского, татарского, украинского, туркменского. Я горжусь, что первым перевел на узбекский язык «Буревестник» и «Песню о Соколе».

Ознакомившись через русский язык с творчеством классиков мировой литературы, я взялся за перевод Шекспира, Моллера, Лопе де Вега, Бомарше. Одновременно, сколько мог, служил делу ознакомления узбекского читателя с творчеством крупнейших представителей современной мировой литературы. Начиная с 30-х годов, я перевожу произведения Иоганнеса Бехера, Пабло Неруды, Анатоля Гюдаша, Эми Ся, Ленгстона Хьюза и других писателей.

Когда началась Великая Отечественная война, я с первого же дня объявил себя мобилизованным и стал снаряжать на борьбу с фашистскими захватчиками своих солдат — стихи. Мои произведения тех дней, наверное, известны читателям, они вошли в книжку «Иду с Востока». За нее в 1946 году я был удостоен высокого звания лауреата Государственной премии.

До сих пор, если считать и переводы, издано сто моих книг. Я награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и медалями, являюсь членом Академии наук Узбекистана.

Как поэт-коммунист, вышедший из народа, и как слуга его, я был избран депутатом Верховного Совета Узбекской ССР.

Моя Родина, расцветая день ото дня, идет под руководством великой Коммунистической партии в прекрасное будущее. Народы нашей великой непобедимой Отчизны страстно желают мира во всем мире. Я являюсь скромным певцом этих счастливых мирных дней и советского народа, строящего коммунизм.

5 февраля 1953 г.

Гафур Гулям

Стихи

1923 — 1940 годы

ИЩА КРАСОТУ

— Красота без прикрас —
В блеске девичьих глаз,
В речи, звучной, как саз...
— Нет! Подумай-ка, брат,
Век у этой красы,
Как у летней росы,
Промелькнет за часы...
Жизнь прекрасней стократ!

Красота — в волокне
И в тяжелом зерне!
Знай, прекрасен в стране
Труд, достойный наград!

1923

ЖЕНИТЬБА

Жениться, не зная, не видя — на ком,
Не значит ли душу держать под замком,
Не значит ли ночью идти наугад?

Не то же ли самое это, — ответь, —
Что в спешке халат негодяя надеть?!
Беду принесет тебе этот халат.

Вдруг люди, приняв тебя за него,
Расправятся из-за халата того
С тобой? Объясняйся потом...

Не значит ли это — не зная пути,
В степи человека к несчастью вести?
Подумай, товарищ, о том.

Ты молод, правдив. И не слушай старух.
Любовь разве можно проверить на слух?
Будь к ней ты не слеп и не глух!

1928

ЗИМА И ПОЭТЫ

За последний месяц в отдел литературы и искусства редакции «Кызыл Узбекистан» поступило 103 стихотворения, озаглавленных «Зима», «Снег».

(Из ежемесячного отчета редакции)

Похоже, что нынешняя зима
так и не соберется в дорогу.
Похоже, что вся земля на себя надела белую тогу.

Все в жертву зиме принесено: все темы и все надежды.
У всех поэтов — «Снег» да «Зима».
Всё скрыли снега одежды.

Вот хут наступил, а за ним — хамаль.
Пошли трактора по пашням.
А души лириков наших спят, укрытые снегом вчерашним.

Вороны уж каркать забыли, к чему орать им одно и то же.
Поэты справляются с этим и так.
Их совесть, видно, не гложет.

Трава уже выросла. Хлеб взошел. А тут все зима...
Ну право,
Друзья, пожалейте ворон, прошу!
Оставьте им их забаву.

1929

НА ПУТЯХ ТУРКСИБА

Очень стар,
Незапамятно стар
Этот путь.
Здесь Руми Искандар,
Кровоопийца Чингиз,
И Джучи ягуар,
И Тимур,
Все живое губя,
Крови требуя,
Как буран, горячи,
Поднимая мечи,
Пронеслись,
Нанося за ударом удар.

Очень стар,
Незапамятно стар
Этот путь...
Здесь народ — каляндар,
Миллионы рабов и сирот,
Открывая со стоном
Почерневший от горя и от голода рот,
Обреченные
И униженные,
Через выжженные
Просторы земли,
Спотыкаясь, в оковах прошли,
Насекомым подобно, в пыли проползли,
Хлеба требуя,
Хлеба требуя —
За мученья единственный дар.
Очень стар,
Незапамятно стар
Этот путь...
Продавцы разных вер,
Провозя свой товар,

Кон-фу-дзы
И ислам,
Караванами
По барханам,
Воскликая во славу бурханам
И в бубны бряцая,
Жертвы требуя,
Жертвы требуя,
Здесь,
Вот именно здесь,
Прошли с обещанием рая
И с угрозой неслыханных кар.

Здесь поставил один
На оплечьях
Гор
Крепостной забор,
А другой вывел свода шатер
Не из камня,
А из черепов
человечьих.

Тимучин,
Пожирая простор,
Как пожар или мор,
От Пекина до Клева
И от Ганга до камских болгар.
Поднимая знамена,
Гремя в барабаны,
Прошел
И пропал,
Сгинул, как наваждение чар.
Но не каждое утро
Хромая собака
Иль бешеный волк
Будут лаять и выть
И в ответ
Барабаны греметь среди мрака
И свирепую конницу в битву будить.
Смолкнет
Тех берегов крутояр...
И опять
Даль безмолвней лазурных озер,
Над которыми спит ветерок, как сахар.
Близ пасущихся мимо отар.
Очень стар,

Незапамятно стар
Этот путь...
И теперь некий новый батыр,
Но не царь,
Не грабитель земель,
Не губитель культур,
А строитель,
Порвавший насилия цепь,
Сокрушивший владычество ханов и бар,
Тот, что вывел народы из тюрем и нор
На свободный, цветущий простор,
На которого смотрит с надеждой весь мир,—
Здесь со славой прошел,
Серп и молот

Подняв над землей.

Незапамятно стар

Этот путь...

Но отныне на нем лишь один властелин —

Богатырь,

Тот, что слил воедино

Туркестанский простор

И Сибирь,

И бескрайнюю ширь

От пустынь

До Москвы и бухарских чинар

В луг цветущий и пастбище превратил,

И теперь по нему,

Грохоча во сто пар

Неустанных веселых колес,

Мчится зычноголосый

Колосс-паровоз,

Извергая дыханием пламя и пар,

Как скакун легендарный тулпар,

Вместо шпал

Суеверий каноны топча,

Вдаль вонзая, как два огневые меча,

Два могучих луча

Своих фар.

Очень стар

Этот путь...

Но теперь по нему

От Китая, Ирана,

Индостана,

С берегов океана

Поздравления и пожеланья побед

От миллионов
Наших верных друзей
Вслед стальным караванам
Летят
Из-за гор
И пустынь, что мертвее сахар...

И теперь по нему,
По пути, что так стар,
Вереницей летят эшелоны,
Мчится хлеб, и железо, и лес,
И руда,
Днем и ночью, как неотвратимый,
Неуклонный,
В грудь врага устремленный
Удар,
Чтоб скорее покончить с врагом
Навсегда,
Чтоб исчезла беда
Без следа,
Чтоб не запахом крови и гари,
А свободой дышали степные ветра,
Обвевая счастливые наши года,
Лишь порою в сказаньях
О грозном «вчера»
Говоря, как домбра
И дутар...

1930

АЛКОГОЛЬ

Алкоголь
заодно с цепями-веригами
феодалных законов
и капитала,
заодно с чугунным ярмом религий
вступил с нами в долгий
изнуряющий брак,
вошел в наш дом,
в нашу кровь,
в привычки,
как вторшийся
в доверие
враг.

Алкоголь —
когда мы, став рабами,
к вину неотступно тянемся,
когда слаб человек,
и духом и телом разбит —
одуряет наш мозг,
как смазливая девка-жеманница,
как распутная баба,
пролезает
и в душу,
и в быт.

Алкоголь —
это чванство,
принимаемое за гордость,
это
дракон семиглавый ползет.
И каждая
ядовитая
драконья морда

все живое хватает
и, чавкая, жрет.

Алкоголь —
дурное веселье
и смех некстати,
когда пьешь и пьешь
и почти не хочется есть.
Алкоголь —
это температура
высокая в разврате
и низкая,
когда затронута честь.

Алкоголь —
если стройка, что высится гордо,
с пьяных глаз
представляется хаосом
балок, досок и камней.
Алкоголь —
это с каждой рюмкой,
бессмысленно влитой в горло,
будто падаешь в реку
и, барахтаясь,
тонешь в ней.

Алкоголь —
это кто-то глотнул
веселящего яда,
одурманил сознание и разум:
и вот —
задохнулась больница
от дыма и чада,
поезд врезался в поезд,
взорвался завод.

Алкоголь
значит или прогул,
или в цехе —
пьяная дрема.
Как в тумане — станок,
все идет кое-как.
От такого в работе
ни сноровки не жди,
ни подъема,

В результате:
продукция низкого качества —
брак.

Слушай, общество!
Финиш пятилетки близок.
В двери стучится
завершающий год.
Убери с дороги
алкоголизм.

Дружба с ним
к добру не ведет.
Для наших темпов
водка — преграда.
Мы преграды
разрушаем и сносим.

Слушай, общество,
обязательно надо
Сократить
проклятые
пятью восемь.

Партия призывает:
Строй, учись!
К этому призыву
сердцами тянемся.

Мы за партию!
Мы за жизнь!
Нам
не нужны
пьяницы!

1930

ХЛЕБ

Эй, вы, жулики,
 обвешивающие нас на весах,
Визжащие, как собака
 с ведром на хвосте,
Вы, ишаны и муллы,
 выклянчивавшие «капсан»,
Что дехкане платили вам
 в своей простоте!
Из дрянных рогаток
 вы горе-стрелки!
Знайте:
 кончились ваши
 даровые корма,
И любезные вам
 пауки-кулаки
Ни зерна не получают
 в свои закрома.
Не страшны провокации ваши
 для нас!
Так закройте же
 ваши поганые рты!
Смотрит пенависть черная
 из ваших глаз
На поля
 неслыханной широты.
Опирается мягко горизонт на поля,
На тяжелых,
 весомых
 колосьев край.
Словно шкура тигра,
 отливает земля.
Хлеб
как неба к земле
 золотой припай.

Словно ласточка,
крылья широко распластав,
Никуда не сворачивая,
прямым
Ветерок пролетает
над разливами нив,
Над колхозным током,
над зерна островком.
Он, как сторож, осматривает
колхозный хлеб.
Наше время суровое,
враги вокруг.
Если ты не глух,
если ты не слеп,
Будь суров и решителен,
не дремли, мой друг!
Как на шее девушки
бус прекрасных цепь,
По пескам горячим
караван бредет, —
Это в край мой хлопковый
через жаркую степь
Грузовых верблюдов
брат-казах ведет.
Здесь комбайн глотает
сразу гору снопов.
Силой трактора
выполняя план,
Без быков рабочих,
без тяжелых цепов,
Подсекая под корень
весь кулацкий хлам.
В элеваторах,
к небу растущих ввысь,
Мы сложили плоды
колхозных трудов,
К изобилию
мы всей страной поднялись,
Мы считаем хлеб
в миллиардах пудов.
Слово «голод»
оставим мы
лишь в листах словарей,
Но покуда —
будь бдительным:

обманчива тишь!
У хирмана на страже
встань, товарищ, скорей:
Пусть
ишанам и муллам
достанется шиш!
Их дела
не пойдут уже больше на лад,
Не дадим им
выманивать
«хаккулло» и «капсан»!
Мы за хлеб твой боремся,
рабочий Пулат,
Мы за хлеб твой боремся,
колхозник Хасан!

1931

ТАШКЕНТ

Ташкент построен в лучшей части света,
Он весь — в просторной синей чаше гор,
И в знойное сорокадневье лета
Здесь ветром оmyвается простор.

Горюет солнце над чужой землей
И радуется, восходя у нас,
Льет кроткие лучи живой рекою,
Идет... помедлить хочет хоть на час.

Как свежи и как звонки реки наши —
Чирчик, Ахангараи, Анхор, Салар.
Долина блещет бекасама краше —
Ташкента моего душевный дар.

Как драгоценный яхонт, персик рдеет —
Ждет, полускрыт серебряной листвой.
Свой праздник осень праздновать умеет
Здесь, где поставлен город древний твой.

Ташкент — алмаз бесценный в перстне мира;
Здесь кровлю угнетенные найдут,
Здесь люди Азии, чье сердце сирю,
Свой свет, свою надежду обретут.

Тоскует солнце над землей чуждой
И отдыхает сердцем, медля здесь,
И забывает горести и нужды,
Расцвет наш видя — о грядущем весть.

Ташкент, ты — сердце Азии Срединной,
Ты — равноправный брат в семье единой,
Ты — наша жизнь, ты — будущего свет!
И здесь национальной розни нет.

Не будь художником, не будь поэтом, —
За родину, за жизнь, за честь ее
Борись, трудись!

И будет вечным светом,
Как лал, блистать достоинство твое!

1932

ВОСПОМИНАНИЕ О КОМСОМОЛЬСКИХ ГОДАХ

Вот прошлых лет архив, вот юности заботы,
Вот вечной гордости моей билет —
«Четыре тысячи пятьсот двадцатый». Вот он,
Заветный спутник ярких юных лет.

С билетом этим я ходил на баррикады,
Начало жизни отразилось в нем,
Той жизни, что, в боях ломая все преграды,
Влюбившись в правду, шла прямым путем.

В нас мощь была сильнее, чем в грозном аммонале,
В нас видело себя светило дня,
Живые молнии в глазах у нас блистали,
Огонь брал жар от нашего огня.

Кто скажет, что вот здесь, в строительство
гигантов,

Рук наших юных сила не влилась?
Желанья юности, горенье сердца, верность
И посейчас сопровождают нас.
Пусть волосы мои уже не станут гуще,
Пусть по-отцовски борода седеа,
Ты, комячейка, в памяти всегда.
Ты, факел дней былых, и этих, и грядущих,

Нет, молодость моя еще не отшумела.
Вот в молодых рядах идет, поет она.
Нам, шедшим в гордый бой за ленинское дело,
Зарей рожденным, молодость верна.

Она обуздывает бурные потоки,
Заводы строит, в небесах парит.
Мы — первый комсомол, отважные потомки
Октябрьской славной, мировой зари!

КОНЬ

По степи, края которой
С горизонтом обнялись,
Мчится рыжий конь и ржаньем
Оглашает ширь и высь.

Посмотри — летит, как птица,
Слушай — ржанье, точно смех.
Будто хочет с ветром слиться,
Будто слаще нет утех.

Слушай, слушай! Утро, солнце.
И над степью все звучней —
Ржанье серых, пегих, чалых
Вольно скачущих коней

Мчатся вихрем. Прочь с дороги!
Топот, цокот точно гром.
Мыты, вычесаны, сыты,
Отливают серебром.

Норовисты, диковаты,
Не подступится чужак!
А резвее всех и краше
Этот рыжий аргамак.

Если ты, расправив плечи,
В гущу боя мчишься, друг, —
Слышишь во сто крат острее,
Видишь на сто верст вокруг.

Если ж нет в тебе задора,
Если в битве не таков,
То не смей касаться плеткой
Этих бархатных боков.

Этот конь носил в сраженьях
Смелого богатыря,
Этот конь кидался в битву,
Буйной яростью горя.

Но сейчас, когда в былое
Отошла от нас война
И земля, раскрывшись, примет
Не свинец, а семена,

Этот гордый конь на поле
Человеку верный друг,
Рядом с трактором не пушку
Тянет он, а мирный плуг.

1933

САД

Наша Родина прекрасна —
 розы, мак, полей атлас.
Голубое небо ясно,
 и сады ласкают глаз.
Наши девушки чудесной
 красотой чаруют вас,
И отвагою джигитов
 любовался я не раз.
Пред напором песни рьяным
 устоять могу ли я?

Алый мак росой наполнен,
 как большая пиала.
Шаловливо обласкала
 листья летняя чилла,
Под котлами для варенья
 пламя жаркое зажгла.
Над лозою виноградной
 жадная жужжит пчела.
Перед виноградом рдяным
 устоять могу ли я?

Если чувства пробудились
 и уста к устам влечет,
Если каждый палец милой
 сладким кажется, как мед,
Если жарким поцелуям
 второпях потерян счет,
Если ветви, зеленея,
 в вышине раскинут свод,
Перед яблоком румяным
 устоять могу ли я?

Всю живую прелесть сада
 отражает твой зрачок.

Ты сама подобна саду:
 губы — свежий лепесток,
С нежным персиком сравню я
 золотой румянец щек,
Очи схожи с виноградом,
 стан походит на цветок.
Перед розой и тюльпаном
 устоять могу ли я?

Сладко слышать смех веселый
 и румяный видеть лик,
Нашей Родиной взлелеян
 славных девушек цветник.
Я сказал бы: дружба с ними —
 освежающий родник.
Счастлив, кто к нему устами
 благодарными приник.
Перед юным гюльстаном
 устоять могу ли я?

Солнце гроздь винограда
 золотило поутру.
Он у девушек похитил
 красок нежную игру.
Шувиргона сок багряный
 разрывает кожуру.
Виноградом спелым жажду
 утолить легко в жару.
Перед этим соком пьяным
 устоять могу ли я?

И с восторгом на рассвете
 я пойду в душистый сад.
Он горячим залит солнцем,
 урожаем он богат,
Сердце дрогнет, затрепещет,
 как вздыбившийся Гыр-ат.
Садовод неутомимый,
 будь благословен стократ!
Перед садом осиянным
 устоять могу ли я?

Этот сад, возвращенный нами,
 источает сладкий мед.

Здесь больной, вкусив шербета,
исцеление найдет,
В час, когда мы отдыхаем,
утирая жаркий пот,
Всем из полного кувшина
наливает садовод.
Перед дружеским стаканом
устоять могу ли я?

Над тобой шатер зеленый
шелестит сквозной листвою.
Все твое в саду —
румяный
спелый плод и цвет живой.
Жизнь трудящихся подобна
полной чаше круговой.
Щедрой мерой воздается
им за подвиг трудовой.
Перед счастьем долгожданным
устоять могу ли я?

1934

НЕ МАРСИЯ¹

Друзья,
Звучит не марсия,
Не скорбный плач звучит,
То песня павшего в боях
Среди парижских плит.

Пусть
Недопета до конца,
И в горле клеток стих,
Песнь коммунара, песнь бойца,
Вошла в сердца других,

Таких же
Праведных борцов
Одной земной судьбы.
Повел их Марсельезы зов
Дорогами борьбы.

Вчера
Газету он читал,
Слова, как звенья бус,
Слились в глазах, и — темнота.
Ушел от нас Барбюс...

Я знал
Легенды. Люд простой
Когда-то их сложил.
Казненный палачом герой
Вставал и снова жил.

Он поднимался.
Не один —
Сильнее всех смертей,

¹ Стихотворение памяти умершего, плач.

Вставало много рядом с ним
Друзей-богатырей.

Не верю смерти.
Сгинь живой!
Подальше, смерть, держись!
Здесь точка жизни. А за ней
Опять начнется жизнь!

Я слышу,
Ветры говорят
Нам о начале бурь.
И троны в щепки полетят
От наших метких пуль.

Былых эпох ненужный хлам
Горит, как мошкара.
А пламя выше к небесам
Восходит от костра.

Не верю смерти.
Все светлей
Чарующая высь.
Здесь точка жизни. А за ней
Неугасима жизнь!

Склонив знамена в горький час,
Молчим у гроба мы,
Еще теснее становясь
Вдоль траурной каймы.

Ты —
Революции солдат,
Не гаснет жизнь твоя.
Сердца стучат,
Сердца стучат,
Звучит не марсия!

1935

НА ПОДСТУПАХ К НЕБУ

Товарищам Чкалову, Байдукову, Белякову

Вас, храбрых, манит голубая высь,
Вам путь открыт до самой звездной сферы.
Так высоко вы в небо поднялись,
Что слышно вам, как бьется пульс Венеры.

Проснулось солнце во дворце своем
От стука громкого в небесные ворота.
И утро сразу золотым дождем
Омыло крылья ваших самолетов.

Путь из Москвы на полюс вел одних,
Других Камчатка радостно встречала.
Два торжества героев дорогих —
Великих дел великое начало.

И Чкалова увидя самолет,
Услыша рядом рев моторов гулкий,
С опаской солнце знойное идет
На ежедневную свою прогулку.

На жаркой длани родины моей
Градинкою лед Арктики растаял.
Пленен лесами ветер-суховея,
В степях шумит пшеница золотая.

Придет пора, и смело полетим
Мы в звездный мир, не знающий предела.
Мы атома энергией хотим
Суровую природу переделать.

Мы ввысь взлетим, Памир пересечем,
Внизу мелькнут его вершины, кручи.
И легким опахала ветерком
Нам сверху вихрь покажется могучий.

Ни гнев вулканов, ни морей разлив
Не преградят пути нам к светлой цели.
Открыли возраст мы моей земли,
Вселенной тайну разгадать сумели.

Я славлю Чкалова, его друзей,
Уверенно ведущих самолеты.
Я славлю смельчаков-богатырей,
Штурмующих небесные высоты.

1936

ВСЕ ТВОЕ

Знаю, ты прекрасна, Родина моя!
Вновь к тебе с любовью обращаюсь,
Звон капли вешней, трели соловья,
Мне с тобой понятна радость бытия.
Песни в моем сердце, каждая — твоя.

Поцелую нежно горсть родной земли,
Мяту у арыков, в поле — ковыли.
Солнечные травы губы обожгли...
Красные поляны светятся вдали,
Розы и тюльпаны — все они твои.

Тянутся просторы. Камни-валуны.
Лес арчовый. Горы. Ясно с вышины
Видно, в степь отары гонят чабаны.
Ладны на работе и в бою сильны
Ловкие джигиты — все твои сыны.

На полях бескрайних зреет в летний зной
Гордость и богатство — хлопок золотой,
Звездочки Вселенной под густой листвой.
Урожай отменный — будет скоро той,
Слава хлопкоробов — это праздник твой.

Встречу сборщиц хлопка, девушек простых,
Восхищаюсь робкой красотой их.
Героиням наших будней трудовых
Скромно посвящаю вдохновенный стих,
Как искусны руки дочерей твоих!

Слышу гомон сада, шорохи полей,
Мерный шум каналов посреди степей,
На ветру звучанье стройных тополей —
Тысячи мелодий падают с ветвей,
Очарован вечной музыкой твоей.

Шли враги когда-то, взор туманя твой
Горьким суховеем, бурей огневой...
Кровь твоя цветами вспыхнула весной.
Ленинское знамя над родной землей.
Дель больших исканий — он перед тобой.

Ждут твоих питомцев славные дела,
Партия на подвиг новый позвала,
Чтобы ты, родная, краше расцвела.
Добрая на свете о тебе молва —
Путь твой прям, дорога дальняя светла!

1936

ВЕЧЕР НА СТАДИОНЕ

Тюльпаны закат расцвели. И солнце
Скатилось, как мяч, за черту небосклона.
И вот молодежь начала состязанье
На светлом, просторном лугу стадиона.

И вытянул рупор железные трубы
Над юной швеей и над мастером старым,
И пульс застучал напряженно и гулко,
Как в строфах Фирдоуси — удар за ударом.

«Батыры идут!» — вдруг воскликнули сотни
И тысячи граждан, в отвагу влюбленных;
И юноши, сильные плечи откинув,
Легко, словно птицы, поплыли в колоннах.

Притих стадион, даже спичка не чиркнет.
Любимцев приветствовать зрители рады,
Впиваясь глазами в красавцев спортсменов,
Впивая дыханье вечерней прохлады.

Движение каждое строго судили
По ловкости, четкости, хватке и силе,
И славу достойнейших аплодисменты
Превыше небесных светил возносили.

Вчерашний солдат или, может быть, плотник,
Иль токарь-стахановец, гордость завода,
Сегодня ты вновь на полях стадиона
Любовь получил и признание народа.

Любуясь движений твоих красотой,
Тобой, чемпион, мы гордимся по праву;
В победах твоих мы, товарищ, предвидим
Не меньше чапаевской ратную славу.

И смех, и биенье сердец, и волненье
Болезничков радостью вызваны к жизни.
Я всем существом понимаю: здесь праздник
Героев труда и батыров Отчизны.

1936

МАВДЖУДА

Еще в твоей памяти горечь былого жива:
Четыре сиротки и мать, молодая вдова,
Все время в труде, но на корку хватало едва.
Тебя вековая томила нужда, Мавджуда.

Вращался весь мир наподобие веретена:
Голодные дни и унылые ночи без сна.
Судьба, точно пряжа, была и скудна и темна...
Как нити, мечты обрывались всегда, Мавджуда.

Челнок по основе летел, и худая рука
Соседа была, как челнок, и суха и легка.
Бывало следишь за работой ткача старика, —
И медленно тянется дней череда, Мавджуда.

Укутана в бархат богатого казия дочь.
За жалкую плату служить ей должна день и ночь
Вдова, чтоб детей прокормить и нужду превозмочь.
Богатых и бедных извечна вражда, Мавджуда.

Все это — печальная повесть минувших времен.
Теперь кипарисом свободы твой мир осенен.
Заботою партии, шелком октябрьских знамен
Повиты твои молодые года, Мавджуда.

Навеки здоровья лишились и сна богачи.
Светило с небес на свободных бросает лучи.
В безводной пустыне забили живые ключи.
Зажглась над тобою свободы звезда, Мавджуда.

Ты ловкой рукою приводишь в движенье станки.
Задорно сверкают в глазах у тебя огоньки.
Струится, как плавные волны свободной реки,
Поток твоего молодого труда, Мавджуда.

Ткачиха искусна, красива, проворна, ловка.
Подруги ее разодеты в цветные шелка.
И песня о счастье звучит, широка, глубока.
Наполнены ею сады, города, Мавджуда.

Прядешь ты надежную нить небывалой длины,
Но более прочною нитью сердца скреплены.
Ты — славная дочь трудовой обновленной страны,
Республика наша, как ты, молода, Мавджуда.

В тебе отразилась великой Отчизны краса
И солнце ее, озаряющее небеса.
На выборах дружно тебе отдадим голоса.
Недаром Отчизна тобою горда, Мавджуда.

1937

ИТОГ

Звенит родник жемчужин вдохновенья,
Со времени Гомера не иссяк.
Милларды слов, закованные в строки,
Утешьте, подтвердите, что не зря
Живу, огнем поэзии горя.

Как Навои — взволнованная юность,
Как мысль Бедиля — зрелости пора.
Вся жизнь — поэма. Рифмы, ритм чеканный...
Но что хитрить! Уже недалеко
Финала неизбежная строка.

Ну что же, будем подводить итоги.
О чем писал я, что я воспевал?
Что, как рассвет, мне дали освещало,
Когда, родившись в сердце, как ручьи,
Текли стихи прозрачные мои?

— Любовь к отчизне, — отвечает сердце, —
Любовь и обещанье на заре:
Быть цельным, не менять своих воззрений
И так писать, чтоб хоры звучных строк
Вливались в души. Вот и весь итог.

1939

1941 — 1945 годы

НАРОД ПОДНЯЛСЯ

Идут сыны узбекского народа,
Отвага, ярость, ненависть в очах.
Узнает недруг вкус меча стального,
Немало лет висевшего в ножнах.

Как львы, могучи! Крикнут — дрогнет небо,
Рванутся — скалы рухнут к их ногам.
Их партия сама ведет к победе,
А если так — не сдобровать врагам.

Эй, воин, помни, чей ты сын, чье слово
Направило тебя на грозный бой.
Отважный сын узбекского народа,
Нелегко будет ратный подвиг твой.

Отцы твои в сраженьях львами были:
Их сын не может робким быть бойцом.
Трус, раненный во время бегства в спину,
Не сын — ублюдок, проклятый отцом.

Когда братались в Октябре народы,
Давая клятву дружбы на века,
Клялись и мы. И клятва эта свята,
И дружба эта, как алмаз, крепка.

От наших братских рук страна родная
Окрепла, стала дивным цветником.
Теперь ей угрожает подлый Гитлер,
Она в беде. Спеши на бой с врагом!

Будь смелым, беспощадным, верным клятве.
Не посрами отцов и дедов честь.
Пусть сполна узнает черный недруг,
Что значит кровь за кровь, что значит месть.

За горе матерей, за слезы сирот,
За боль седобородых стариков
Похорони фашистскую заразу
Надолго, до окончания веков!

Идут джигиты. Крикнут — дрогнет небо,
Рванутся — скалы рухнут к их ногам.
Их партия сама ведет к победе,
А если так — не сдобровать врагам!

1941

ПРОВОДЫ

Ты, жизнь моя, стала ясна, как алмаз,
Ты, жизнь моя, с солнцем навек подружись.
За все, что ты сделала в мире для нас,
Тебе я до смерти признателен, жизнь.

Под славной звездой все в нашем роду
Рождались. Я эту звезду и пою.
Волна революции в Пятом году
Начала, как мать, колыбельку мою.

В тот день, как столетье отпраздновал дед,
А внук его в школе за азбуку сел,
Разнесся на весь возмутившийся свет
Сигнал революции — Ленский расстрел.

Мой дед был рожден в год, когда из Москвы
Бежал Бонапарт в потрясенный Париж.
Ты, дед мой, под саваном чистой травы
Давно уж в объятьях безмолвия спишь.

(Джура, ты друзей рассмешил бы легко,
Сказав им: «Уж внучек за книжной сидит,
А дедушка в люльке спеленат лежит».
Молчи, что столетье меж нами легло).

Случайность ли это? Глупцам ли на смех
Рассказ мой о том, как мы начали жить?
Но нет, не случайность, — я знаю, нас всех
Борьба нанизала на счастья нить.

В году двадцать третьем родился мой стих,
И сын мой родился в просторах земли.
В сознании детищ обоих моих
Года проходили, пространства цвели.

Мой стих рос с тобою в родимом краю.
Теперь ты стал взрослым, мой смелый солдат.
Пусть рядом с тобою в поющем строю
И стих мой шагает, как друг твой и брат.

Случайность ли это? Глупцам ли на смех
Рассказ мой о том, как мы начали жить?
Нет, нет, не случайность,— я верю, нас всех
Любовь нанизала на счастья нить.

Я помню, стихи для тебя я писал,
Певучие строки вязал для тебя,
Сидел на плече меньший брат твой Усар
И слушал стихи, свой кушак теребя.

Спросил меня:— Скоро ли Гитлер умрет?
— В день лучшего праздника в нашей стране.
— А праздник когда?— А когда наш народ
Фашистов раздавит в священной войне.

Всегда удивляться я буду, друзья,
Случайностям нашей семейной судьбы.
В тот день, когда враг хлынул в наши края,
Созрел мой Джура для военной страды.

Лети же, мой сокол отважный, вперед!
Тебе восемнадцать исполнилось лет.
Тебя наша партия в битву зовет,
Тебя осеняют знамена побед.

Я в возрасте Пушкина. Враг мой, держись!
Но здесь не дуэль, здесь возмездье и суд.
В дуэли — лишь смерть. А в борьбе нашей — жизнь.
Свободу войска наши миру несут.

Усар, успокойся,— наш праздник придет,
И Гитлер умрет, и насилье умрет.
На битву в священный поднялся поход
Великий, свободный советский народ.

Окончится счастливо начатый бой.
С народом наш мудрый отец говорит.
Будь стойким и храбрым, мой сын,— над тобой
Священное знамя отчизны горит.

Я — ЕВРЕЙ

Я — еврей!
Имя мое не произноси,
Эй, вампир!
О родословной моей
 у прапрабабки своей
Спроси!
Когда предок твой
 скальпом рогатым,
 бычьим скальпом
 венчая башку,
Знать не знал,
 что такое
 и соль, и огонь,
 и лунги,
И нибелунги;
 Когда не было стрельчатых башен,
 готических храмов,
Когда травы,
 рождающие краски,
Еще не открылись взору,
На весь мир прогремел,
 словно гром над горами,
Грозный голос еврея,
 создавшего тору:
Я — еврей!

Истоки евангеля
Скрыта столетий мгла,
Ветры изгрызли
 пергаментов пыльный ворох.
А знаешь ли ты,
 что Христа создала
И сыном Марии его нарекла
 старая еврейская тора?

О моей родословной
 расскажут
 миллионы книг.
Дым изгнания горький
 в моих глазах...
Я — еврей.

Стих корана,
 что спит из кусков,
 как верблюжий потник,
 что заштопан
 и снова изорван,
Во мгле аравийских степей —
Лишь бродячая тень
 гордой мысли моей:
Я — еврей!

Э-эх!
Знал бы ты,
Сколько горя и слез
Я в скитаньях моих перенес,
Сколько я исходил стран.
Жизнь еврейская так не длинна,
Как дорога,
 которой идет
Бесконечно
 скитающийся
 караван...

И когда фараоны
 по пустыням
 скакали за нами,
И когда нас хватали
 холодные лапы морей,
Сохранял гордый разум
 отверженец и изгнанник
И дарил
придорожным народам
 крупницы культуры своей...
Я — еврей!

Оживите
Священного храма
 замшелые камни,

Стены плача
 седой Палестины,
Где стон мой схоронен навек!
Сотни, тысячи лет
 я хватал вас сухими руками
И приюта просил,
И кричал, что и я — человек.
Где отчизна моя?
Где могилу мне вырыть, о камни!
Иль отверженца труп
Будет
 небу подвешен,
 навек над миром торчать?
Все молчат —
 фараоны,
 пророки,
 хаканы
И сулейманы —
Молчат!
...Я — еврей.

Я — еврей!
Имя мое не произноси
Эй, вампир!
Пусть оно
 рыбьей кости острей
Застрянет в глотке твоей.
Терпи!
Когда голос твой,
 хриплый и резкий,
Поносит евреев
 и этак и так —
Знает мир:
 это воет
Схвативший сена обрезки
И оставивший голову
 в сенорезке
 ишак.

И когда ты
 кричишь на весь мир
 нахально,
Что Гитлер, мол, «высшая»
 из всех пород,

Думаю я,
до чего похвально
Прирезать тебя,
породистый скот!
Кровь народов
смешалась миллионы раз,
И моя
в народы
вливалась без счета,
«Нация,
религия,
чистота рас...»
Еще придумаешь
что там?

Я —
представитель
людской расы,
По национальности я —
человек!
Исчезнут с земли
и расы и классы —
Люди
останутся навек!
Душа не знает
наркоза религий,
Тело не знает
недугов яда.
Я гражданин
Советской
великой,
Нашей
земли-отрады!
И все, что есть во мне
настоящего,
Присуще всем людям
в нашем миру,
Я эту родину
сам
выращивал,
Здесь я живу
и здесь умру.

Эта земля —
 родина Ленина,
Светлая родина
 коммунизма.
Она — неприкосновенна,
Она священна!
И если ты это
 раньше
 не вызнал —
Узнаешь теперь!
 Узнаешь!
И это будет последним,
Что
 ты узнаешь!
И когда ты
 на четвереньках
 едва пополз,
К нам осмелившись сунуть
 свой нос гнилой,—
Пулей врагу
 стал каждый колос,
На теле нашем
 каждый волос
Отравленной стал стрелой!
Русский,
 узбек,
 еврей,
 белорус —
Рука одинаково
 в битве тверда.
Очистим
 земного шара арбуз
От гнили фашизма
 навсегда.
И сгинет
 твой труп
 в геенне навечно
С фараонами
 медными рядом.
А мы
 пройдем
 по земле человеческой
Победителей
 гордым парадом!

И встретят глаза наши
 сиюю даль,
И будут
 сердца
 радоваться:
Мир отогрел весну,
Эта весна — навек.
Именем
 гения,
 написавшего «Капитал»,
Гордым духом
 свободных народов праотца
Клянусь:
Я — человек!

1941

ТЫ НЕ СИРОТА

Разве ты сирота?..
 Успокойся, родной!
Словно доброе солнце,
 склоняясь над тобой,
Материнской,
 глубокой
 любовью полна,
Бережет твоё детство
 большая страна.
Здесь ты дома,
 здесь я стерегу твой покой,
Спи, кусочек души моей,
Маленький мой!
День великой войны —
 это выдержки день.
Если жив твой отец,—
 беспокойная тень
Пусть не тронет его
 среди грозы и огня,
Пусть он знает:
 растет его сын
 у меня!

Если умер отец твой,—
 крепись, не горюй.
Спи, мой мальчик,
Ягненок мой белый,
 усни.
Я — отец!
Я что хочешь тебе подарю,
Станут счастьем моим
 все заботы мои.

Что такое сиротство —
 спроси у меня.

Малышом пятилетним
в десятом году
Грел я руки свои
у чужого огня.
Полуголый,
таскал по дорогам
нужду.

О, как горек
сухой подаяния хлеб!
О, как жестки
ступени
чужого крыльца!
Я, приюта искавши,
от горя ослеп,
И никто
моего не погладил лица...
Испытал я,
что значит
расти сиротой.
Разве ты сирота?
Спи спокойно, родной...
Пока старый охотник —
кочующий сон —
На меня не накинуд
волшебную сеть,
Гордой радости —
чувства отцовского поля,
Буду я
над кроваткой твоею сидеть,
Над головкою русой твоей,
дорогой,
И смотреть на тебя,
И беречь твой покой...
...Почему задрожал ты?
Откуда испуг?
Может, горе Одессы
нахлынуло вдруг?
Иль трагедия Керчи?
И в детском уме
Пронеслись,
громыхая
в пылающей тьме,
Кровожадные варвары,
те, что губя

Все живое,
едва не убили тебя!
Может, матери тело
родимой твоей,
С обнаженными ранами
вместо груди,
И руки ее тонкой
порывистый взмах
Отпечатались в детских
тоскливых глазах?
Я припомню
печальные эти глаза,
Когда выйду на битву
громить палачей.
За ребяческий взор,
что затмила слеза,
За разрушенный дом,
За позор матерей —
Покараю я страшно
двуногих зверей.
Этот Гитлер —
ублюдок, не знавший отца, —
Он не матью —
подлой гневной рожден,
Отщепенец понурый
с глазами скопца —
Цену детства
как может почувствовать он?
Этот Гитлер —
навозный коричневый жук,
Плотоядно тупые усы шевеля,
Захотел,
чтобы свой
предназначенный круг
По желанью его
изменила земля.
Чтобы людям без крова
по миру блуждать,
Чтобы детям
без ласки людской умирать,
Но земле выносить его
больше невмочь.
Спи спокойно, мой сын,
Скоро кончится ночь!

Спи спокойно, мой сын...
 В нашем доме большом
Скоро утру цвести.
 И опять за окном
Зацветут
 золотые тюльпаны зарниц.
В нашей книге домовой
 без счета страниц.
Будет памятна книга
 на все времена.
Сохранит твое имя
 навек она!
Улыбаешься ты,
 и улыбка светла.
Не впервые ль
 за долгие, долгие дни
На лице исхудавшем
 она расцвела,
Как фиалка
 на тающем снеге весны?
И продрогший простор
 словно сразу согрет
Полусонной улыбки
 внезапным лучом.
Это — скоро рассвет,
Это — белый рассвет.
Это белый рассвет
 у меня за плечом!

1942

ЗИМА

Стужа. Сорок два градуса ниже нуля...
Только! Из хрусталия на потоках мосты.
Ветры быстры, как свет. Снег летит с высоты.
И, кружась, бесконечные кроет поля.
И под вьюгой гудят великаны-леса.
Это русской зимы несказанной краса!

Лед на окнах — иглистые ветви арчи.
Струны перебирает в избе паренек,
И ворчит и клоочет с борщом чугунок,
Поднимается хлеб, зарумянясь в печи.
Дом, что полная чаша, колхозный родной...
Это наша зима над счастливой страной!

Сруб колодца — подсвечник оплившей свечи,
Вот и девушки шумно бегут за водой.
Наклонись и прислушайся к жизни самой —
Чу, как песен весенних играют ключи!
Как весной, здесь любовь и зимою в крови.
Это русский январь — покровитель любви.

За окном — сорок два... Пятилетний Олег
С горки катится мимо отцовских ворот.
В шубке, в валенках, стужа его не берет.
И смеется он весело, падая в снег.
Щеки — будто заря умывала сама.
Он — сын русского! Это — родная зима!

Минус сорок два градуса... Гитлер кричит:
«Отступленья причины — мороз и зима...»
Но причина — народ, мощь руки и ума!
И Советское информбюро говорит:
«Вот — машина войны потеряла чеку:
И зима помогала, была начеку!»

Похвальбой о «победах» во всех кабаках
И себя и лакеев своих убедя,
И в объятиях у проституток найдя
Свое счастье, поганцы в смоленских снегах
 Замерзают сосульками тухлой воды.
 И зима беспощадно заносит следы.

Хорошо бы, кичливо топорща усы,
Грабить, красть без помех, обжираться и пить.
Хорошо б на почлеге костры разводить,
Мазать салом гусиным беспечно носы...
 Но ведь ясно, как зеркало, ясно сейчас,
 Что в России зима хороша не для вас!

Полководцы у нас закаленные есть,—
В свою пору у нас и зима — генерал!
До зимы вы хвалились пройти по Урал,
А теперь вы боитесь голов не унести?
 Ваше завтра — могила и вечная тьма.
 Вам могильщиком будет такая зима.

Пред великим походом народа всего —
Добродушной улыбки библейский потоп.
Я с копытцем водицы сравнил бы его,
Затерявшимся среди заброшенных троп.
 Это хуже потопа, беда для врага.
 А зима наша и холодна и долга!

Минус сорок два градуса... Только! Как свет,
Бурекрылая армия наша быстра,
Страшен гнев ее! Сталь ее пашек остра.
Ни пощады врагу, ни спасения нет.
 Впишем пламенем в книгу истории мы
 Дни начала победы, дни этой зимы!

1942

ЖДУ ТЕБЯ, СЫН МОЙ

На пути караванном, в седых полынях,
Верблюжонок стоит... Караван его где?
Красный отблеск зари на усталых глазах,
Слезы, слезы плывут, как круги по воде.

О, как он сиротлив и похож на меня,
Неподвижного, в серой дорожной пыли...
Солнце! Зоркое солнце! Лучи наклоня,
Об ушедших на битву мне вести пошли.

От Юпитера и до песчинок морских
Нерушима твоя лучезарная власть,
И среди неоглядных сокровищ твоих
И ресница не может бесследно пропасть.

Прошлым летом, когда собирали инжир,
И медовые дыни лежали горой,
И спянье плодов заполняло весь мир,—
Проводили мы сына любимого в бой.

В нем созрело достоинство предков моих.
Он, как я, горделив, младших братьев собрал,
Обнял каждого, встал на пороге, затих —
И к родимой земле поцелуем припал.

Он вернется, мой сын, победителем к нам,
Он приедет! Окончена будет война!
К его черным, как ласточки крылья, бровям
Не пристанет в пути и пылинка одна.

Но отец я! По древнему праву отцов
Я тоскую без вести о сыне моем.
Жду его,— чуть послышится цокот подков,
Жду его,— чуть поднимется пыль за холмом,

И лишь только мелькнет чей-то конь впереди,
«Вот он едет!» — беззвучно себе говорю.
Неподвижно стою на широком пути,
Неотрывно на запад багровый смотрю...

Вечерами, когда мы за пловом сидим,
Многолюдная вся соберется семья —
Только место твое остается пустым,
Остается нетронутой доля твоя.

И, бывает, усталая мать невзначай,
По привычке протянет тебе пшалу, —
Отвернусь я к стене. И остынет мой чай.
Мать уйдет и тихонько заплачет в углу.

Может, в небе твоя покатилась звезда,
Может, в эту минуту далеко от нас
Ты упал на снегу. И уже никогда
Не откроешь веселых мальчишеских глаз...

В эту ночь, до зари не смыкая ресниц,
Я Бедиля читал. И забылся в тоске.
И волшебная музыка тихих страниц
Оживала, звучала в саду вдалеке.

Ветерок на заре, как дыханье твое,
Пробежал по листам недочитанных книг,
И чистейшим, как ртуть, стало сердце мое,
Стали мысли прозрачными, словно родник.

Взял я серп и садовые ножницы взял
И пошел по тропинке, что к саду вела.
И, увидев меня через низкий дувал,
Вслед за мною невеста твоя побрела.

Пусть деревья в саду вырастают у нас,
Пусть цветы распускаются, солнце лоя,
Пусть слезинки, застывшие в сумраке глаз,
В ожерелье нанижет невеста твоя.

А победа придет! И когда поутру
Я услышу, что едут джигиты домой, —
Ароматные персики все соберу,
Положу их в корзину горой золотой.

И пойду, босиком, по намокшей траве,
С неохватной корзиной янтарных плодов,
Словно солнце неся на своей голове,
На дорогу,— встречать долгожданных сынов!

— Кушай персики, сын! Поспевали не зря,
Круглобоки, румяны, покрыты пушком,
Каждый персик — улыбка и каждый — заря,
И росинки еще не просохли на нем.

К этим сочным плодам ты губами прильни,
Как ребенок во сне к материнской груди,—
Только косточки эти, смотри, сохрани —
На родимой земле их опять посади.

И когда вы с подругой в саду молодом
Под деревьями будете рядом сидеть,—
Тихо с матерью, оба седые, придем
На счастливые лица детей поглядеть.

1942

ПРАЗДНИК НА НАШЕЙ УЛИЦЕ

Тяжесть листьев промерзших с деревьев упадет,
И под шелест весеннего сада
Время грозного горя и тяжких невзгод
Канет в бездну крошечного ада —
Будет праздник на улице нашей.

В этот день по широкой родимой земле
Дастархан многоцветный расстелем.
Приглашенья пошлем всенародной семье,
Золотое, на листике белом, —
Будет праздник на улице нашей!

Вина крымские хлынут по чаркам волной,
И, как солнце, подыметя в росах
Круглобокий украинский хлеб золотой
На огромных, как луны, подносах, —
Будет праздник на улице нашей!

И обнимутся юноши, вставшие в круг,
И расправят широкие плечи.
Зазвонят голоса тосковавших подруг
На торжественном празднике встречи, —
Будет праздник на улице нашей!

И, волнуясь, стихи прочтает поэт,
Те, что раз только в жизни читает.
В их прозрачности радостной черного нет:
Имя Гитлера их не пятнает.

Если я задержусь, опоздаю на той,
Извините меня, умоляю:
В сундуке выбираю платок поясной, .
Полосатый халат примеряю.

Если я задержусь, опоздаю на той,
Извините, подумайте сами:
Ведь друзья по дороге сойдутся со мной,
Поздравляя, обхватят руками.

А потом вдруг припомнив, что дочки мои
Хну просили для пальчиков тонких,
Я истрачу на хну все червонцы мои,
Все богатство карманов широких,—
Будет праздник на улице нашей!

Застучу я кольцом каждой двери резной,
Чтоб поздравить родных, разбудить их.
Если я задержусь, опоздаю на той,
Вы, герои, меня извините,—
Это праздник на улице нашей!

Мрак рассеется, радостный час недалек:
Бесконечной беда не бывает.
Знамя Ленина — нашей победы залог,
Утро счастья для нас засверкает.
Будет праздник на улице нашей!

1942

ЖЕНЩИНА

Честь для женщины нашей — святая святых.
Там, где труд с нею дружен, нужда — со двора.
Славься, женщина, мой вдохновившая стих,
Славься, женщина — мать, и жена, и сестра!

Мать... И, сердце в далекое детство маня,
Хлопотуньи седой возникают черты.
Ты вынашивала, ты вскормила меня,
Мир явила глазам и сознанию ты.

Долго ль в юность войти?.. Первой встречи вино,
Черных глаз колдовство и газелей поток...
Комсомолки, не смейтесь, — не так уж давно
Отшумел и Гафуровой юности срок!

Мы женились — жена оказалась щедра:
Осыпала детьми, как богач серебром.
И спасибо жене дорогой — детвора
Превратила в шумливый скворечник мой дом.

А иной и польбит соседскую дочь,
Да крупинку сурьмы ей купить — недосуг,
Смотришь — все прозевал! И в глазах — день и ночь
Паутину плетет сожаленья паук.

Вы — созвездье счастливое жизни моей,
Неразлучные спутницы: мать и жена,
И сестра, и дочурка — все женщина! С ней
Неразрывно душа моя сопряжена...

Без метлы запустенье и мерзость в домах,
Поцелуев не знавший подобен кроту.
Жизнь без женщины милой — пирушка впотьмах,
И вино без нее опреснеет во рту.

Я скажу откровенно, всем сердцем любя:
Без тебя и поэтом не стал бы Гафур,
Потеряли б окраску цветы без тебя
И остался б от музыки звуков сумбур.

Мед не сладким бы стал, не соленою — соль,
Мир пришел бы, лишенный тебя, к тупику.
Камню только неведомы радость и боль,
А любовь на земле — одному ишаку.

Если мы тебя спутницей не назовем,
Нам природа суровый свой вынесет суд.
Если жить и трудиться не будем вдвоем,
В прах рассыплется жизни священный сосуд.

Выше гор взнесены наши головы ввысь,
И не рушит их горе, не клонит их страх.
Видишь — молнии нашего гнева зажглись
В твердо сжатых руках и в орлиных бровях.

Ливнем слез может хлынуть на землю туман,
До макушки окутавший Гаурн-Зангар.
Но небес не обрушит немецкий таран,
Солица в яму не сбросит Адольф-янычар!

Как огонь и как мышление наше и речь,
Что вошли навсегда в человеческий мир,
Как преданья, в которых навеки сберечь
Мир сумел имена: «Александр» и «Кир», —

Так и наша борьба, жертвы, подвиги, кровь,
Может быть, даже наши с тобой имена —
В сердце дальних потомков зажгут к нам любовь,
Обессмертят на вечные нас времена.

Патерпелись мы горя! Но дух наш окреп.
Нас в совместном труде закалила судьба.
Славься, честно добытый насущный наш хлеб,
Славься пот, за работою стертый со лба!

Древний миф об Адаме для нас — чепуха:
Труд — не божье проклятие нам за грехи,
Но уж если была у Адама соха,
То и Ева шагала у ручки сохи.

Ты не только мне Евой — Зюлейкой была,
Ты — Мария, Марьям, мать пророка Исы.
И не ты ль подлила в мои песни тепла,
Воплощенная в лирике Зебнисы!

Ты — Ширин. Ты со мною в борьбе и в труде.
Ты давала мне столько дерзанья и сил,
Чтоб канал прорубил я в гранитной гряде,
Чтоб дракона свирепого я поразил...

Ни корней не подсесть, ни ствола не сломать
Древа жизни могучего — дикой войной.
Ты — всего человечества вечная мать,
Ты — залог нескончаемой жизни земной.

И пойми: если пасть мне в бою суждено,
Чтобы счастьем был край мой родной осиян,
Я б хотел, чтобы черного горя пятно
Не вожглось в твое сердце, как в алый тюльпан.

Лишь бы родине мир и свободу вернуть,
И — увидишь — мы кровь проливали не зря.
Мирный праздник труда — нашей радости путь,
Нашей будущности золотая заря...

Сыновей мы растили в семье-цветнике...
Наши мальчики там — на фронтах, далеко.
Молча прячешь ты мокрый платок в кулаке —
Я шучу, но и мне самому нелегко.

Но унынье в беде нам не друг, не родня —
Утешение в бодром труде обретешь.
Мы еще доживем и до светлого дня, —
А шайтану цена будет ломаный грош.

Мысли все на одной только сосредоточь:
Сыновьям нашим — воинам — помощь нужна.
Ты ведь, слава аллаху, не ханская дочь,
И любая работа тебе не страшна.

Если нужно оставить семейный очаг,
Стань к станку, заводскую спецовку надень,
Делай все, чтоб скорее разгромлен был враг,
Чтоб скорей засиял этот праздничный день.

Как сердца потрясет и взволнует умы
И весь мир триумфальная весь облетит!
Как обнимемся и расцелуемся мы,
Чтоб не знать ни размолвок, ни тени обид!

Честь для женщины нашей — святая святых.-
Там, где труд с нею дружен, нужда — со двора.
Славься, женщина, мой вдохновившая стих,
Славься, женщина — мать, и жена, и сестра!

1942

НЕБО ЗЕМЛИ

Ученые твердят, что меры нет,
Что нет границ пространствам мировым,
Где скорость света — скорость муравья.
Но где тот путешественник-фантаст,
Который нам отчет об этом даст?

Легенд неисчислимых древний свод —
Висит над нами голубой туман,
Оплот Язданов, Зевсов, Негов.
Ларец извечных тайн, ловушка дум,
Которую постичь не может ум.

Несчетных звезд несчетны имена,
И тысячи у них различных свойств.
Кто имена им дал, кто их познал?
Богинею любви Венеру чтят.
Юпитер — счастья первозданный сад,

Марс якобы суровый бог войны,
Звезда другая — вечной тьмы вратарь,—
Вот сонмище божественных светил.
Как синий таз в разводьях облаков,
Стоит загадкой цитадель богов...

Сыны отцов несчастных — мы всю жизнь —
В ушах, как серьги, носим их слова,
Взор — с колыбели — в небо окунув,
Мы в сердце тысячи легенд храним,—
Вот повод слово предоставить им.

Путем страдальцев Млечный Путь прослыл,
Путем — где от привала на привал
Тысячелетьям суждено брести.
Кто счастья ищет здесь — тому беда:
Угаснет, как угасшая звезда!

Звезда, упавшая в ночи, — стрела,
Которую архангел Гавриил
Шайтанов мерзких отгоняет прочь:
Им свергнуть захотелось божий дом
(Но люди спят, не ведая о том).

Ни Улугбека мир еще не знал
И ни обсерваторий, а народ
Открыл путеводителя небес:
Бестрепетной Полярною звездой
Ведом был путник в древности седой.

Неисчислим блестящий звездный сонм,
И каждая звезда — особый мир,
У каждой путь и солнце есть свои.
Что — истина, а что — фантазий плод,
Из книг узнаем, пусть страда пройдет.

Быстрее, чем луч летит от солнца к нам,
Мы к солнцу прилетели в дни невзгод:
Нас торжество грядущего влекло.
Горя любовью, мы спешили так,
Что в километры вытянули шаг.

Да, меры нет пространствам мировым,
Но родина — обширней всех пространств,
И средоточье мира в ней стоит,
Любви высокой колыбель — Москва,
Врата свободы, счастья цель — Москва.

Вот — книга правды в миллион томов,
Что в сердце перелистываем мы.
Дом гениев, оплот богатых
Москва — неугасимой жизни весть,
И небо чести, где всех звезд не счесть!

Шакальей стан бешеный вожак,
Исчадь тьмы, ублюдок возомнил
На крепость неба нашего напасть.
Но, пол-орды шакальей положив,
Он отступил отсюда полужив.

Стальная крепость, небо всей земли,
Светило человечества — Москва,

Учитель мира нового — Москва.
Как и всегда, неизблемо тверда,
Стоит величественна и горда!

Москва — Полярная звезда умов,
Вокруг нее вращаются миры.
Тот, кто по ней определяет путь,
Тот цель свою желанную найдет,
Страну обетованную найдет.

Эй вы, фашистские шайтаны, прочь!
Вам уготован безысходный ад, —
В горниле света места нет для вас!
Мы зори будущего здесь куем,
Надежды озаря оком!

Мы — сыновья эпохи грозных битв,
Наш каждый день, как вечность, величав,
И славою увенчан каждый час.
Вещает нам истории труба:
«Концом фашизма кончится борьба!»

1942

ПРОЩАНИЕ

Памяти товарища Ахунбабаева

Как сорванный цветок, как соловей,
Покинувший гнездо среди ветвей,

Ушел от нас наш дорогой отец,
Ушел любимый всей страной отец.

Не плакал раньше я, но в этот час
Сдержать не может слез никто из нас.

Ох, слезы, слезы!.. Нет, Юлдаш-ата!
Смерть — это не последняя черта.

От пышных роц зеленой Ферганы,
С Фархадских гор, со всех полей страны.

Порой весны, когда звенит ручей
И всходит солнце над землей твоей,

Твое дыханье, точно ветерок,
Обвеет нас, коснется наших щек.

В совете каждом мудрых стариков,
В звучанье лучших строк моих стихов,

В неповторимых трелях Халимы,
В речах, клеймящих злые силы тьмы,

В призывах зря не тратить даже миг
Услышится твой голос, твой язык.

Рабочий, кончив день свой трудовой,
Преломит хлеб, как бы делясь с тобой.

Мираб, пуская воду на поля,
Увидит в ней, как в зеркале, тебя.

Колхозник не забудет о тебе.
Немало значил ты в его судьбе.

В сердечной памяти твой вдохновенный труд
Семнадцать поколений сберегут.

На площадях, твою увидев стать,
Тебе поклоны будут отдавать.

Величье, справедливость, простота —
Вот качества твои, Юлдаш-ата.

Ты эти качества большевика
Нам завещал на многие века.

Наш первый президент! Гордясь тобой,
Узбек гордится и своей судьбой.

Для друга — смех, приветливая речь,
Для недруга — разящий насмерть меч.

Орел, в боях испытанный не раз,
Ты молодым орлам давал наказ:

«Зажги огонь бесстрашия в груди,
Ни одного фашиста не щади!

Землей, что Ленина следы хранит,
Не должен овладеть злодей-бандит.

Пусть гордо, вечно реет над страной
Святое знамя партии родной».

Отец, твое желанье, твой наказ
Мы выполняем каждый день и час.

Твои ученики, твои сыны,
Мы рвемся в бой, как сталь, раскалены.

Клянемся честью, скоро над врагом
Последний смертоносный грянет гром.

Жизнь закипит, не будет литься кровь,
Страна цветущим садом станет вновь.

Тогда, гордясь, что победили мы,
Поклонимся твоей могиле мы

И скажем: «Спи спокойно, аксакал.
Мы сделаем все так, как ты желал.

То зданье, что не смог достроить ты,
Достроим, воплотив твои мечты.

И Фергана и Самарканд опять
Все краше; краше будут расцветать.

Ташкент, одевшись в мрамор и бетон,
Навеки счастьем будет озарен.

Поэты создадут поэмы те,
Что грезилась тебе в твоей мечте,

И жизнь твоя алмазом в них блеснет.
Забыть тебя не может твой народ!»

Для нас, для блага Родины своей
Ты жил в заботах до скончанья дней.

Всегда твердил: «Все нации страны
Должны быть вечно дружбой сплочены».

Спокойно спи, отец. Клянусь душой,
Мы выполним завет священный твой.

О боль, о скорбь, Юлдаш-ата угас!
Такой живой, сомкнул уста, угас.

С родным отцом нас разлучила смерть,
Могучего орла сразила смерть.

Сердца горбуют, слезы — через край...
Прощай, орел, отец родной, прощай!

1943

СВЕТ И ВОДА

Сыновья мои, войны, слава моя,
Чутко слушайте сердце отчизны своей!
Вас на подвиг взрастила она, сыновья,
Молоком богатырским из белых грудей.

Непреклонной, подобно стальному коню,
Одарила вас гордостью наша страна,
Смелой грудью, что крепости крепче в бою,
Потому что свободою дышит она!

Сыновья мои, войны! Вы обрели
Два сокровища жизни — и воду и свет.
О сказании древнем узбекской земли,
О событиях новых расскажет мост.

Как дорога в степи, эта повесть длинна,
Неумолчна, как волны бурливые рек,
Из столетья в столетье кочует она
Столько лет, сколько жив на планете узбек.

Нел народ свою длинную песнь о воде
Пересохшим от жажды, обветренным ртом,
Он рассказывал сказку о яркой звезде
В непроглядную ночь над слепым очагом.

Песни-строки вливались в стиха океан,
О надежде звенели, просили любви.
Про Фархад и Ширин нел печальный дастан
Верный родине сын Алишер Навои.

Сказка путь пробивала в расщелинах гор,
Сырдарью по безводным пустыням вела
И созвездьем стихов озаряла простор,—
Сказка эта надеждой народа была.

У народа есть силы, чтоб горы варывать,
У народа есть мощь, чтоб поток преградить,
Нам Великий Октябрь дал свободу и власть
Сыновьям своим воду и свет подарить.

«Хорошо!» — мы сказали, подняв кетмени,
И пошли всем народом в поход трудовой.
Те ферганские ночи, ферганские дни
В книге века строкою писать золотой!

В летний солнечный день к пышноцветным полям
Две реки устремляют торжественный бег,
И должна тамбуром является нам
Со струнами певучих серебряных рек.

А ночами по струнам летают лучи,
Электрический свет озаряет простор:
Белый хлопок, янтарные дыни, бахчи,
Виноградом обвитый колхозный шатер.

С Мирзачуля сюда прилетают ветра,
Реки струны колышут, играют по ним:
«Нашу землю большую поднять бы пора.
Мы тоскуем по свету, воды мы хотим!»

* * *

«Хорошо!» — мы сказали. И слова кетмень
Драгоценный в Фархадских горах засверкал.
Мы боролись с природою изо дня в день,
Мы добились победы у сумрачных скал.

Усмирили строптивую мы Сырдарью!
Свет играет на гранях зеркальных плотин,
Где Фархада скала подпирает зарю,
Где река носит нежное имя Ширин.

Старый город, что имя носил Бекабад,
Озаряет Востока туманную даль.
Там величественный возведен комбинат,
Выплавляющий нашу, узбекскую, сталь.

В честь победы там празднество было дано —
У Фархада в саду пировали бойцы.
Молодые Ширин подавали вино,
Наполняли кувшины седые отцы.

Там стихи Навои, вдохновеньем согрет,
Пел певец над вершинами древними гор.
Там начало поэмы про воду и свет
Развернул пред Гафуром полночный простор.

1943

КЛЯТВА

Клянусь водой, пасущим хлебом,
Живым биением сердец,
Клянусь родной землей и небом —
Нам дорог Ленин, как отец.

И это чувство так высоко!
И то, что здесь я говорю,
От имени всего Востока
Я вновь стократно повторю.

И это с той поры я понял,
Когда, еще ярмо влача,
Как вешний гром на небосклоне,
Услышал слово Ильича.

Раскрепощающее слово!
Мужаем мы. За годом год
Мы строим мир — прекрасный, новый.
И ныне Ленин — весь народ.

Не потому ль такая сила
Живет в созвучье этих слов,
Что их писали не чернилами,
А кровь бессмертная борцов?

Мы свергли древние преграды,
Щитом свой светоч осеня,
И жизнь отдать за дело правды —
Нет высшей доли для меня.

1944

ПОБЕДИТЕЛИ

Делегатам II съезда хлопкоробов Узбекистана

Не каждый, честно говоря,
Достоин прав людских.
Кто оторвался от людей,
Тот не достоин их.

На белом свете больше тех,
Чьи руки любят труд,
Они на дастархан страны
Плоды труда несут.

Висит, как яблоко, Земля,
А мирозданье — сад.
Прожорливые червяки
Его не осквернят.

Есть благодатный, светлый край,
Родной Узбекистан.
Востоку он своей судьбой
Примером ярким стал.

Идущий ленинским путем,
Дорогами побед,
Окреп, расцвел родимый край
За двадцать кратких лет.

Народ наш — труженник, и в том
Основа из основ,—
В большом и малом не привык
Бросать на ветер слов.

Пришли на съезд богатыри,
Колхозники пришли,
Все те, кто доблестным трудом
Украсил лик земли.

Отрадно, что любой из вас,
Входящий в шумный зал,
Старался, урожай растил
И фронту помогал.

Здесь больше женщин и девчат,—
Мужчины на войне...
Влюбленные разлучены,
Сердца горят в огне.

Но, одолев потери боль,
Вы трудитесь, друзья.
В бою фашистов смело бьют
Отцы и сыновья.

Мы честь Отчизны отстоим,
Победы час придет.
Свое бессмертье утвердит
Советский наш народ.

Прогонят красные бойцы
Бандитов и невежд,
Не заглушить, не замутить
Родник людских надежд.

Вы гордо в этот зал вошли,
Волшебницы полей.
Не видел я прекрасней лиц,
Не ведал рук светлей.

Нет, вы не модницы,— грубы
Ладони ваших рук,
Печаль глубокая в глазах,
Уставших от разлук.

Пад белым хлопковым кустом
С утра наклонены,
Вы знали — это тоже бой
За честь родной страны.

Душа народная щедра —
В труднейшие из дней
У нас найдется хлеб и кров
Для дорогих гостей.

Друзей согреет хлопок наш,
В морозы сбережет.
Огнем он станет для врага,
Безжалостно сожжет!

Уж на исходе ползимы,
В поля пора идти.
Победы дружная весна
Нам встретится в пути.

Наступит утро. Грянет весть:
Берлин войсками взят!
Получат право вместе встать,
В один победный ряд,
Герой сражений боевых
И хлопкороб-солдат!

1945

АРАФА

(Канун Дня Победы)

Звездной россыпью покрылся темно-синий небосвод,
Соберу за стол сегодня черноглазых сыновей.
Нам грядущее сияет словно солнечный восход.
И блещут, как звезды, взоры из-под бархата бровей.
Дождались мы Дня Победы, дождались!

В день победы долгожданный ликование нет конца,
Чтоб на светлый лик народа не упала скорби тень,
Чтобы снова засняли омраченные сердца,
Сквозь моря огня и крови пронесли мы этот день.
Дождались мы Дня Победы, дождались!

Песня счастья переулки захлестнула, залила,
Песню звонкую мальчишки подхватили на бегу,
А красавицы глядятся торопливо в зеркала.
Сквозь моря огня и крови пронесли мы этот день.
Дождались мы Дня Победы, дождались!

Ждет любимая с волшебьем победителя-бойца.
Истомленные войною, мы прошли тяжелый путь,
Чтоб настал конец разлуки, чтобы вновь цвели сердца,
Чтоб опять в глаза друг другу с ясной радостью
взглянуть.
Дождались мы Дня Победы, дождались!

После горечи разлуки встреча праздника светла.
После слез недавних ярче заблестел счастливый взгляд.
На поля сражений жарких опустилась ночи мгла.
Пусть ликующее солнце озарит весенний сад.
Дождались мы Дня Победы, дождались!

Возвращаются со славой храбрецы под отчий кров,
Развевается над ними стяг победный, боевой,
Бросим под ноги джигитам сотни шелковых ковров,

Победившая отчизна, как прекрасен праздник твой!
Дождались мы Дня Победы, дождались!

Ахмаджан-ата сыграет савт и звучное наво,
Гул прокатится по саду, по сияющим полям.
И, советского народа прославляя торжество,
Лучшее стихотворенье сочинит Гафур Гулям.
Дождались мы Дня Победы, дождались!

1945

ПРАЗДНИК ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Боевые орудия зачехлены,
Бог войны умолк. Фронтовой старожил,
За четыре года большой войны
Этот праздник честно ты заслужил.

Увенчалась победой твоя страда.
На трибуне неба зажегся свет,
Засверкала утренняя звезда,
Точно камень сказочный, самоцвет.

Наши плечи крепче гранитных скал,
Наше сердце — пламенный монолит.
В землю втоптан тот, кто земли взалкал,
Над землей опять тишина царит.

Той земли, где воздвигнули Мавзолей,
Что хранит священный прах Ильича,
Той земли, чье сердце зари алей,
В мрак не ввергнет злая воля ничья.

Слову партии внемлет моя земля,
Слово партии — это к победе мост.
Сколько алых звезд над стеной Кремля,
Светоносных зорь, путеводных звезд!

Русский брат, возвестивший нам новый век,
Хлопкороба узбекского старший брат,
Вечной дружбой с тобою связан узбек,
Он — один из стаи твоих орлят!

Двадцать восемь лет, двадцать восемь зим,
Двадцать восемь весен прошло с тех пор,
Как вплели мы свой пролетарский гимн
В петроградских ветров неумолчный хор.

Нынче праздник победы — счастливый день,
Пересверк ракет и салюта гром.
Только тень утрат, только тень смертей
На солдатском сердце лежат тавром.

Ты четыре года шагал, солдат,
По большим дорогам большой войны,
Не для вас одних эти залпы гремят,—
За свободу павшим они слышны!

Слава павшим во славу земли родной!
Умирая, они отстояли жизнь;
Проливалась их дорогая кровь
За родимый край, за отчизну отчизн!

И в руках наших нынче веков судьба,
И о счастье поют ветвей голоса.
Завершилась победою наша борьба,
Победитель-народ сотворил чудеса.

Лишь вчера гранату сжимала рука,
Неразлучным другом был автомат,
А сегодня песня звучит, громка,
А сегодня молот рукою сжат!

Так живи и крепни, родимый край,
Твой народ втоптал вражьи орды в прах.
В голубую высь над землей вздымай,
Знамя партии — алый победный стяг!

1945

МОЯ ЗОЛОТАЯ ЗЕМЛЯ

Как вернувшийся с поля победы отец,
С дорогими подарками осень пришла.
С караваном верблюдов, с напевом домбры,
С одежнями яркими осень пришла.

После трудной дороги распахнута грудь,
Паутинки в кудрях иль содин серебро...
С хитрецей добродушной глядела она
На нечисляное, на земное добро.

Если летний скворец, прорезая простор,
Прямо к солнцу взлетел над моей головой,
Будет осень ясна и дарами щедра,
И щедроты ее пригодятся зимой.

Если старый пастух, охраняя стада,
Слышит шелесты ранних осенних дождей,
То весенней порой много новых ягнят
Златорунных пройдет по просторам степей.

Станут льдинками струи сентябрьской воды,
Станут капельки пота ценней жемчугов,
Когда полные спелой пшеницы мешки
Взгромоздятся до неба, к созвездию Весов.

Над равниной тягучий плывет аромат,
Заквашат в котлах виноградный шербет,
Кто, шербета вкусив, выпил это вино,
Проживет девяносто, не менее, лет.

А в тенистых беседках сокрыты листвою
И рубины, и яхонты, и янтари.
То сокровище, тающее на губах,
Прохлаждается в утреннем блеске зари.

Это прячет под листья тугой виноград
Сорок пять разноцветных сладчайших сортов.
Будь здорова, моя золотая земля,
Осененная тихую тенью садов!

Говорят, что за яблоко только одно
Изгнан был из эдемского сада Адам.
Дорогие братья! Спешите гурьбой
К нашим красным, как вешние зори, плодам.

Сто пятнадцать сортов разных яблок у нас.
Розмарином, ранетом корзины полны.
Наше яблоко — символ великой любви,
В нем, прозрачном, грядущего зерна видны.

От предместий Ташкента до горных вершин
Вижу хлопковый жемчуг среди свежей листвы.
Поле, полное белого хлопка, шумит
В бликах солнца, в сиянье большой снежевы.

Наумрудными пальцами держит оно
Золоченые чаши с кипящим вином,
В этих чашах дарующий силы нектар.
Мы его в честь победы, друзья, разопьем!

В честь того, что хорошей осенней порой
Долг свой выполнил славный узбекский народ
И с полей по широким дорогам своим
Караваны отборного хлопка ведет.

Будь здорова, моя золотая земля,
В изобилие своих многоцветных плодов!
Будь здоров, человек, счастлив будь, человек,
Славься, мудрый народ мой, во веки веков!

1945

ВРЕМЯ

Мгновенье! В твоих глубочайших просторах
И розы раскрыты и жизнь мотылька,
И могут погаснуть в течение вдоха
Те тысячи звезд, что горели века.

Из красного тяжкого золота скован,
Качается маятник жизни часов;
Одно колебанье его золотое
Рождает созвездие новых миров.

Вот юноша смотрит возлюбленной в очи,
Мгновенье дано, чтоб ответ увидеть,
А миг, когда губы к губам прикоснутся,—
Отрадной супружеской жизни печать.

Раскрыта судьбы золоченая книга,
Сверкает своей многоцветной красой.
В ней труд, и любовь, и служение людям —
Величье взволнованной силы земной.

Размерно звучанье кремлевских курантов,
Наполнен событиями каждый их звон:
Родился герой, новый город построен,
Народ от насилия освобожден.

Когда мы взметнули над черным рейхстагом
Священное знамя победы своей,
Короткая первая вспышка салюта
Воздвигла священное счастье людей.

Великое время! Мгновенья святы!
Цени их, о друг мой, достойной ценой.
Чтоб каждая строчка из жизненной книги
Могла вдохновенной назваться строкой.

Пусть только кирпич ты внесешь по
стропилам,
Он — твой, как твои капли пота на лбу...
Построим общественный памятник общий
Мгновеньям, творящим столетий судьбу!

Как в капле воды отражается небо,
Так мира грядущее — в наших зрачках.
Победного века огромное солнце
Несем на задымленных битвой руках.

Будь щедрым, мой кравчий! О, дай мне, Гафуру,
Глоток многолетнего жизни вина...
Мгновенье огромно и неповторимо,
Во имя бессмертья пью кубок до дна.

1945

БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК КАЗАХСКОГО НАРОДА

Казахи, доблестный народ, вам шлет привет узбекский
брат,
Над нами в веяньи утра знамена алые горят.

В одну мы спаяны семью, одно дыханье нам дано,—
У нас теперь один котел, и пламя под котлом — одно.

Джейляу разделяет нас, как скатерть в праздничных
цветах...
— Узбек-ага — мой кровный брат,— от сердца говорит
казах.

И расцветает на глазах, прекрасна, радости полна,
Как девушка в кругу подруг, казахов вольная страна.

Благословляю твой расцвет, твой ум живой благословен,
И озаряющий века народный той благословен...

Наполнен светом небосвод, и пламенеют небеса,
И песни новые поют людей счастливых голоса.

Одни лишь старики порой о прошлом заведут рассказ,
Как жили мы в неволе злой, как богачи терзали нас,—

Но Ленин нас освободил и, дружных, нас повел туда,
Где озарила небосвод пятиконечная звезда.

И этот ровный, теплый свет смог растопить седые
льды,—
Я слышу в голосе Куляш дыхание Амангельды.

Джамбул поет под звон домбры, и над горами песнь
летит,—
О русском брате эта песнь, она его благодарит.

У нас история одна, мы кровным связаны родством,
И если древние тома мы перелистывать начнем,

О Казахстан, увидим мы, что наши судьбы сплетены,
Как эти книжные листы, граничат наши две страны.

Но, возвещая новый день, для нас в один и тот же час
Звезда восхода в вышине огнем пурпуровым зажглась.

В алтайских шапочках своих, слегка их сдвинув
набекрень,
Прекрасны девушки твои, как Ала-тау в майский день,

Миндалевидные глаза полны ума и доброты,
Румяны щеки и свежи, как яблоки Алма-Аты.

Я слышал их счастливый смех, — он словно пенье
родника.
Как сестры, мне они близки. Да будет жизнь у них
легка!

Вчера пустыня здесь была, об этом нам забыть пора.
Земля сокровища таит, она богата и щедра.

Здесь золото, а там свинец, в огнях горит Караганда.
Где мертвый шелестел песок, теперь сады и города.

Как драгоценности в ларце, здесь в глубине лежит
металл.
Как будто Менделеев здесь свою таблицу открывал.

Светлее солнца самого казахский трудовой народ,
Стране дал миллиарды тонн пшеницы золотой народ.

И в дни войны своих сынов благословил на бой народ.
И, верный слову своему, победу празднует народ.

О Казахстан, пускай всегда твои лазурны будут дни.
Будь верен в дружбе, мудр и прост, святой обычай
сохрани.

Сегодня всенародный твой, и праздник окрылил меня, —
Карабаира я взнуздал, неутомимого коня.

С Сабитом состязаться я хочу приехать на айтыс,
Там все акыны и певцы республик наших собрались.

О нашей дружбе я спою, ее лучами я согрет.
Казахским братьям в этот день Узбекистан прислал
привет!

РАЗУМ И ПЕРО

Перо, пустой чурайся фразы,
Не отставай и не спеши!
Ты подчиняешься приказам
Народа доблестной души.

Гераклу, связанному в яме,
Подобен разум в путях тьмы,
Принес нам Ленин ясный самый
Свет, озаряющий умы.

Ты наделен чудесной властью,
Поэт, петь вольным языком.
Воспой же нам дорогу к счастью
И мудрый ленинский закон.

Когда с народом связь ослабла,
Забудь о песнях и молчи.
Ищи в цветах полей и яблонь
От вдохновения ключи!

Не торопись, перо стальное,
Ты у народа в толмачах.
Я вижу небо над страной
В горячих солнечных лучах.

Когда от жизни избыточной,
Друзья, я смертью буду взят,
Пусть над моим холмом могильным
Перо, как знамя, водрузят.

1945

1946 — 1966 годы

НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА

Поры грозовой не забыть никогда,
Пылающий бой
 не забыть никогда.

Друзей, чьи сердца закалила война,—
Всех призванных в строй
 не забыть никогда.

Глаза, словно уголь, в котором сверкнул
Огонь золотой,
 не забыть никогда.

Победу добудем! Но наших друзей,
Что спят под землей,
 не забыть никогда.

Им вечная слава! Да здравствует жизнь!—
Наш клич боевой
 не забыть никогда.

1946

РАССВЕТ СЧАСТЬЯ

Над широкою рекою
 тает лунная завеса.
 Глухо голуби воркуют,
 пробужденные чуть свет.
 Ветер утренний играет
 с огоньками Фархадгеса.
 Нашей родине сегодня
 двадцать девять славных лет.
 дни, потрясшие планету,—
 мир всегда их помнить будет.
 Высоко поднимем чаши.
 Полон счастья каждый взор.
 Здесь на праздник всенародный
 собрались сегодня люди.
 Кундузой уже танцует
 зажигательный уфор.
 Кудри — вьющийся каракуль,
 грациозна, руки гибки,
 В маргиланский шелк одета,
 глаз за ней не уследит.
 Сталевары и шахтеры
 на нее глядят с улыбкой —
 Эта илюстка огневая
 глаз и сердце веселит.
 А в мартенах Беговата
 пышет днем и ночью пламя,
 И ангренские шахтеры
 гонят уголь на-гора.
 Бадахшанские рубины
 пламенеют, будто знамя.
 Шлют Москве привет сердечный
 и Ташкент и Бухара.
 Слышишь грохот водопада —
 то Чирчик неутомимый.
 Мы воздвигли новый город,
 имя дав ему Ангрэн.

На полях везде хирманы,
а на них, как клубы дыма,
Груды собранного хлопка,
выше горных снежных стен.
Шакархон в соревнованье
и задорна и упряма,
На щеках ее играет
алым отсветом восход.
Собирает в поле хлопок
осторожно, грамм за граммом.
Горсти шелковых жемчужин
в фартук бережно кладет.
— Друг Канаш, искусный мастер,
поделись секретом, ну-ка, —
Для хлопчатника такого
где достал ты семена?
— В каждом зернышке таится
большевистская наука,
Непокорная природа
ей теперь подчинена:
Кто, скажи, не пожелает,
чтоб земля была богата?
Поспльнее наши люди,
чем река Амударья!
Погляди, как зеленеют
виноградников квадраты,
В юном зеркале канала
отражается заря.
Мы хотим спокойно строить,
«миру — мир» — вот слово наше.
Моего народа слово
бомбы атомной сильней.
На замке границы наши,
и стоят на верной страже
Миллионы неподкупных
и отважных сыновей.

1946

ТАШКЕНТ

(12 ноября, 6 часов утра, 1946 г.)

Заря на темный небосвод живую краску льет,
Венера, ясная звезда, светлеет поутру.
И воробьиныш на стрехе готовится в полет
И в ранних хлопотах спует старуха по двору,
И от льда вода в арыке сияет с утра,
И побелели кудри трав от инея с утра.

Суворовцев высокий дом с асфальта подобрал
Свою разостланную тень, и вновь светла панель.
И фанфарист: «Подъем! Подъем!» — надувшись, замграл,
И Саша щеткой что есть сил шерстит свою шинель.
В осенней утренней заре такая бодрость есть.
И в маленькой его груди кутузовская гордость есть.

Лишь час назад начав свой путь на площади Ходры,
Трамвай прогрохотал перед крыльцом у нас:
И круглый месяц, чтоб заснуть тихонько до поры,
С трибуны неба, побледнев, скатился и угас.
С «Текстиля» слышен бас гудка — настал работы срок.
И шум Боз-су издалека доносит ветерок.

Как длинный черный караван меж солнечных лучей,
Плывет мазутный жирный дым, а хлебокомбинат
Всю ночь без устали шумел, и от его лучей
Струится сытости, тепла и счастья аромат.
Угля трещат в печи торцы, уж хлебы подошли.
В райшищеторге продавцы прилавки подмели.

Окутавший аэродром серебряный туман,
Рыча, пропеллеры секут и режут на куски.
И самолетов косяки плывут из дальних стран.
Над изобильною землей пути их высоки.
— Снесите, соколы, от нас друзьям большой салам.
Москва? Кавказ? В счастливый час летите, братья, к
нам!

Машины, раздвигая лбом сияющий рассвет,
Гудят на весь Узбекистан, друг друга обходя;

И хлопок бел, как горный снег, как яблоневый цвет,
Плывет меж стен, на облака немного походя.
Для сбора хлопка горожан на помощь ждет кишлак.
Их провожают до полей Салар и Куркилдак.

Показывают три часа вокзальные часы,
С московской точностью состав доставил паровоз,
И путники спешат узлы поставить на весы.
— С прибытием, друзья! Экспресс вас хорошо доведет?
Широкогрудый город мой, встречай своих гостей!
Дорожную усталость их водою смой скорей!

Напротив дома моего — специалистов дом.
За этим вот большим окном живет мой друг Попов.
Минула ночь, а лампы свет не гас в проеме том.
Работе преданный Попов ей жизнь отдать готов.
Заря сквозь музыку в окно вливается заалев,
Сегодня за ночь музыкант соткал из нот напев.

Почти по-заячьи пуглив у акушерки сон.
Дремоту робкую у ней забота гонит с век.
Раздался вдруг младенца крик; о, как прекрасен он!
Сегодня в ночь на белый свет родился человек.
С утра над городом плывет как бы далекий гром,
И в общий хор свой голосок принес родильный дом.

На улице поднялся шум. В чем дело? У Алмас,
Смеясь, чернила пролила шалунья Хадича;
Бегут учиться школяры, уже девятый час.
Я и не спал еще, а ночь дотлела, как свеча.
Дневное солнце поднялось на высоту копыя,
И начинается пир труда рабочая семья.

Как поцелуя одного не хватит на всю жизнь,
Так этот стих, что поцелуй, и сладостен и мал.
Но утра моего заря позолотила высь,
Еще день жизни впереди, он только что настал.
Его сокровища трудом себе добуду я.
Писать стихи, писать стихи до ночи буду я.

Твоя заря, родной Ташкент, прекрасна для меня.
Как друг, ты примешь все мое и мне свое отдашь.
Теплей весны твоя зима, а ночь светлее дня.
Я не сменяю ни на что тебя, мой древний Шаш.
Узбекистана красота, веселья чаша ты.
Востока светлое окно, столица наша ты.

СНЕГ

Снег падает и падает в саду,
Летучий, легкий, словно пух гусыни,
Застыли горы, тишина в долине,
Иль это небосвод линяет синий
И осыпает чистую слюду?

Глаза прищуря, выйдешь на крыльцо,
Все стало светлым, пышным, незнакомым,
А ступишь на дорожку перед домом —
И станешь сам бесшумным, невесомым,
Как рой снежинок, веющих в лицо.

Все краски летней радуги забудь —
Сплошная белизна перед глазами,
Слилась земля с седыми небесами,
А сад расцвел колючими цветами,
Блестит, играет, хочет обмануть.

Как будто пыль алмазная летит
Сквозь тонкое, невидимое сито,
Все серебром чешуйчатым покрыто,
И белой шалью, жемчугом расшитой,
Одеты плечи девушек-раки.

Смотри, как слезы детские чисты,
Крупинки снега на ладони тают,
В глазах завеса зыбкая блистает
И белою мерлушкой оседает
На берега, дувалы и кусты.

Красавица ли равнодушно рвет
Ненужное любовное посланье?
Снег падает, как тихое прощанье,
И все ровней становится дыханье,
И сердце больше ничего не ждет.

Желтея, точно масло в молоке,
Повисло солнце в пелене туманной,
Кругом застыли сказочные страны,
И легкий рой, алмазный шестигранный,
Мерцает на моем воротнике.

...А к ночи прояснело. Млечный Путь
Искрится, как тропинка снеговая.
Сажусь к столу. И, как снежинок стая,
Слова и мысли кружатся, сверкая...

И, строчки торопливые слагая,
Мне до утра, наверно, не уснуть.

1946

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ В НОВОМ ГОДУ

Кем ты был,
кем ты стал,
чем богата душа твоя?
О сердце, дай полный отчет,
ничего не тая!
Есть в крови твоей
притязанье на первенство.
Радуга — твоя соперница.
Ты оспариваешь у нее
Лучезарность,
сердце мое!
Как сияет, горит по весне
Солнце в капле —
солнце во мне!
Благодатна сладость жизни!
Она
И в крупинке соли
заключена.
Ждет под снегом весну фиалка,
Спит земля, дыша тяжело,
Спят снега на земле вповалку,
А ячмень, лишь станет тепло,
Язычок свой вытянет,
влаги жаждая,
Все и вся — бытие,
Клеточка каждая.
Скрытая в атомах мощность вулканов злая.
В электрический волосок
Тайну рек
вгоняет воля людская,
Разноцветен
и одноцветный цветок.
Всюду жизнь — ее напряженье.
Сам покой — загадка движенья.
Среди размышлений,

полных радости
сокровенной,
Тает ночь,
я светлей не знавал почей.
Излученьем действительности,
как лучами рентгена,
Я пронизан весь
до мозга костей.
Триста биений сердца
до Нового года.
Жизни равно
Биенье одно.
Каждый кирпич
наши созданного
мира свободы —
Это наша душа.
О мой мир,
за твое торжество
Я отдам все свое сердце.
Все биенье его.
Новый год мы встречаем...
В эту ночь друзья прилетели.
Старый год оставляет
Новому году на память
Очень многое —
все, что мы сделать успели.
Словно том недочитанный
с павлиньим пером меж листами.
Пирамиды, сфинксы...
Навои, Аристотель...
И сонмы
Древних песен —
не вечные образцы
достижений на нашей планете.
О дыхание современников,
ты лишь одно способно
Обновить на звезде нашей древней
воздух тысячелетий!
О битва кровопролитная,
в которой
мы победили.
Испытанье терпения
и мужества
нашего стана!

Знамя
каждой нашей дивизии
в силе
Написать
кровью павших
тысячу новых дастанов!
Фархадгэса огни,
как драконовых глаз
горенье,
Как сверкающий водопад.
А берега Сырдарьи
Словно том
из собрания
исторических сочинений.
Приходи и читай
от зари и до новой зари.
Счастье истинное —
Та земля, где родился ты,
где трудился.
Мать, цветник, колыбель,
мастерская твоя, пот со лба...
И могила твоя в день кончины твоей,
то, чем жил, чем гордился,—
Все она,
мать-земля твоя....
Совесьть твоя и судьба!
На земле твоей
осуществлены
права,
Составляющие гордость
каждого человека,
Поднята высоко твоя голова.
Счастлив ты,
носящий
имя узбека.
Партии
спасибо!
Партия — источник света!
За нее бокал
поднимаю
этот!

1947

КОЛЫБЕЛЬ ОТЧИЗНЫ

Москва родная, колыбель отчизны,
Что может быть тебя милей, родней!
Ты нам дала незаблемое счастье,
Что стало смыслом наших светлых дней.

Отцам счастливым сыновья — отрада,
В руке надежный посох — сыновья.
Ты вырастила сыновей могучих,
Их сила — сила гордая твоя.

История запомнит Сорок первый
Громовый год, шестое декабря.
Приказ вождя. Удар по вражьей своре —
Побед грядущих первая заря.

Мы — комсомольцы — шли на бой без страха,
Шли как на праздничные торжества.
Встречая смерть, врага карая смертью,
Мы восклицали: «Пусть живет Москва!»

Священный прах сынов твоих бесценен,
Величье их бессмертный Кремль хранит.
Тех, кто тебе душой и сердцем предан,
Златая птица счастья осенит.

Играют гимн Кремлевские куранты,
У нас в сердцах их отзвук повторен.
Горят твои рубиновые звезды,
Их отблеск — пурпур боевых знамен.

Мы родились, чтоб оправдать надежды
Того, кто жил для счастья людей.
Нам освещает совесть, сердце, разум
Бессмертный светоч ленинских идей.

Как хорошо учиться здесь, как славно
Знать, что в Москве ты, знать, что ты студент.
Как хорошо, впитавши соль науки,
Опять увидеть свой родной Ташкент.

Где б ни был ты — на севере, на юге,
Снега вокруг или сочная трава, —
Везде с тобою рядом друг, советчик.
Везде ты слышишь: «Говорит Москва!»

Цвети на радость нам, страна родная!
Родная партия, на счастье нам живи!
Живи, Москва, опора нашей жизни,
Опора счастья, силы и любви!

Везде, где круг братьев соберется,
Везде, где радость светлая жива,
Услышишь тост: «Родной отчизне слава!»
Услышишь тост: «Да здравствует Москва!»

В восьми столетях стяг твой гордо реет,
Незыблем свет московского Кремля.
Великий город, вечной славы город,
Ты будешь жить, пока жива земля.

Со всей семьей народов благодарных
Узбеки шлют тебе любви слова.
Мы все — сыны твои, столица счастья,
Родная, красноезвездная Москва!

1947

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Сегодня в пять последний лунный отблеск
Потух, скользнув по моему окну.
Настал рассвет, умолк, сопя, дворняга,
Всю ночь скуливший, глядя на луну.

Что ночи? Ночи — половина жизни.
Но жизнь не любит тьмы, ей свет милей.
В стране победы нету места мраку,
Все наше время — время светлых дней.

Призвание наше — делать мир прекрасным,
Нам от всеенной нареканий нет.
Где кровь бойцов текла, цветут тюльпаны —
Отваги и бессмертья алый след.

Как завещали нам отцы и деды,
Мы охраняем честь родной земли.
Творцы свободы, радости владыки,
В сплоченности мы счастье обрели.

Хлеб переломленный на дастархане —
Святой залог единства на века.
Как вечен дастархан даров природы,
Так наша связь нетленна и крепка.

Огромен мир. Что в нем планета наша?
Лишь маленький осколочек звезды.
Так что же делать с тем, кто дышит ложью
На этой горстке почвы и воды?..

Как луч луны светло горит на море —
В сердцах у нас горит надежды свет.
Всему, чем вправе мы сейчас гордиться,
Предтечей были бури давних лет.

Весна. Созрела, налилась черешня,
Посаженная нами в прошлый год.
Ну что же! Если мир подобен саду,
То в нем садовник мудрый — мы, народ.

Двухсотмиллионный, тот, что жизнь и счастье
На море, на земле, на небе спас.
У нас в ладонях тайны всей Вселенной:
Беда тому, кто потревожит нас.

Стократ беда! Так пусть запомнит каждый:
Затронешь нас — пощады не проси.
Не убыла, не оскудела сила,
Что гнула силу государств оси.

Так будем же, друзья мои, как прежде,
Плечо к плечу, душа с душой, идти
Из года в год, трудясь и побеждая,
По ленинскому славному пути.

Сегодня, в День Победы, в час рассвета,
Оплоту этих и грядущих лет —
Труда героям и героям ратным —
Мой дружеский, сердечный мой привет!

Как завещали нам отцы и деды,
Мы охраняем честь родной земли.
Творцы свободы, радости владыки.
В сплоченности мы счастье обрели.

1947

САМАРКАНД

(К двадцатилетию Узбекского государственного университета)

Как небеса средь неба — купола,
Индиговые, синие... Над ними
Фарфоровые стаи голубей
В лазури плещут крыльями своим.

О мира блеск, лазурный Самарканд!
Являешь ты истории преданья
И нового Востока красоту,
Величественный пафос созиданья.

О Самарканд! На улицах твоих,
В цехах заводов, во дворцах науки, —
Везде забота Партии видна,
Строителей заботливые руки.

Здесь бродят тени Навои, Джами,
Любви и верности слагавших песню;
Их стих читает молодой поэт,
Наполнив силой новой и чудесной.

Здесь Улугбек, открывший тайны звезд,
Погиб средь ночи смертью роковою...
Но просвещения, но солнца луч,
Упавший в пыль, не затоптать ногою.

И нынче наш родной Узбекистан —
Маяк свободы для всего Востока.
Имеет он свой величавый герб,
Где серп и молот и сиянье хлопка.

Живи, расти, свободный мой народ,
Строй города, их украшай садами!
Ты, дом науки, — университет,
Владей счастливой юности умами!

Будь цитаделью марксовых идей,
Великой школой большевизма,
Заботливо, по-ленински учи
Прекрасных юных граждан коммунизма!

Мы — на заре коммуны, о друзья,
Ее строители, ее горнисты.
А радость наша высшая и честь
В том, что мы носим имя — коммунисты!

О Самарканд! Отцов обычай чтя,
Я для тебя сложил стихи привета.
Я славлю юность города наук,
Ведь с юностью слита душа поэта.

1947

МОЕЙ ДОЧКЕ

В стране у нас есть книга золотая,
Ее мы Конституцией зовем.
Там золотыми буквами, родная,
О счастья написано твоим.

Дитя мое из алой крови сердца,
Души услада и отрада глаз,
Что можешь ты быть темной, мне не верится,—
Алмаз должна быть светлой, как алмаз.

Окончишь ты ученье, дорогая,
Совьешь гнездо ты с другом по весне,
Свой будет дом, фамилия другая...
...Вот с этим трудно согласиться мне.

1948

БЕСЦЕРЕМОМНОСТЬ

Ворвалась мне в жизнь и все смешала
Вдруг бесцеремонная весна.
Как букет из весен — из фиалок.
Я букет поставил у окна.

Отвлекли вдруг розы неучтиво
От работы помыслы мои.
Принесли весенние мотивы
В сад без позволения соловьи.

Прискакавший на гнедом баире,
Друг на свадьбу звал меня с утра.
Это тоже оттого, что в мире
Воцарилась вешняя пора.

Что ж, когда уже спасенья нету
От вторжения весенних див,
Я решил прибавить в мире цвету,
Новых роз на клумбах насадив.

Старость — враг для чувств неугомонных;
Все же мне пока еще не сто!
Пара горлинок бесцеремонных
Свили над моим окном гнездо...

1948

НОВЫЙ ДЕНЬ

С пробуждением весны поздравляю народ,
Для него это утро в расцвете лучей...
Трудовая пора, день великих работ
Начинается рано в отчизне моей:

Распахнулась, как древняя книга, земля.
Каждый пласт, как страницу, переверни.
Дышит утро прохладой, шумят тополя,
В блеске солнечном чисто звенят кетменн.

Нет бездельникам места в семье трудовой,
Лишь глупец, прохлаждаясь, сидит в чайхане,
Гибнет в поле росток, не политый весной,—
Подымаясь с рассветом, работаи вдвойне.

Славьтесь, солнце, кетмень, день колхозный весны,
Славься, утро, заполненное трудом!
Золотые колосья в наш герб вплетены,
Окружая наш труд лучезарным венком.

Утром встань, вдоль борозд лиловатых пройди,
Каждый глинистый ком разомни, разрыхли,
Чтоб добротнo легло в землю семя, следи,
Чтобы хлопка веселые всходы взошли.

1948

МОСКВИЧ

Самолет из Москвы над ташкентской землей,
Над тюльпановым полем кружил...
«Что за скопище там разноцветных жуков?» —
Друг, взглянув на землю, спросил.

Да и верно — жуки на зеленой траве
Всех цветов и оттенков весны:
Розоватых, коричневых, и золотых,
И лазурной небес глубины.

А пропеллера каждый тугой поворот
Приближает к нам землю скорей,
Наполняет весеннею радостью грудь,
Ароматом ташкентских полей.

За ступенью — ступень вниз идет самолет...
Там цветы, как в костре огоньки.
В этот миг жалко мне покидать высоту,
Золотого простора круги!

«Гурс-гурс-гурс», — самолет опустился, пыхтя,
Поздравляю с ташкентской землей!
Друг один колокольчики стал собирать.
«Четверть пятого», — молвил другой.

А навстречу ташкентцы спешат по траве.
«Ассалам!» — «Вааллейкум салам!»
Обнимаются спутники и земляки...
Но не здесь окончанье стихам.

Я домой приглашаю московских друзей —
Друг обязан у друга гостить,
Мы по трое садимся в машины свои...
Я добавлю, чтоб вас удивить:

То, что в небе жуком мы назвали цветным,
Оказалось машиной «Москвич».
По цветущим просторам машины летят,
Ветру быстрому их не настичь.

1948

ЧЕРНИЛЬНИЦА

Когда-то Алишер воздал хвалу каламу,
А про чернильницу забыл... Во тьме ночной,
О черноглазая, прищурившись упрямо,
Ты скромным зеркальцем блестяшь передо мной.

Хочу, чтоб капелька в тебе любая стала
Горящей, словно кровь отважного бойца,
Ты славу громкую моим стихам стяжала,
Сама ж молчальницей осталась до конца.

В любом моем труде есть и твоя частица.
Ты, помогая мне, ночами не спала.
Хоть с виду ты черна, но нечего стыдиться —
Ведь главное, чтоб мысль всегда была светла.

А в яростные дни, когда война пылала
И жгучим мщением душа была полна,
Порой об извергах писать ты не желала:
«Уж не настолько, — говорила, — я черна!..»

...Стихи дописаны. Спасибо, дорогая!
Чернила кончились? Давай я подолью.
Вдвоем трудились мы. Тебя я поздравляю,
А выйдет книга — книгу подарю.

1948

ОБЫЧАИ ВЕСНЫ

Чтоб написать стихотворенье о весне,
Фиалки многих весен собирал я,
Чтоб алых роз костры весной смеялись мне,
Кусты колючие усердно прививал я.

К шиповнику привил ту розу я,
И вот сейчас над алыми цветами
Запели два залетных соловья,
Справляя свадьбу лунными ночами.

Что ж, таковы обычаи весны...
И тут меня два парня посетили,
Они, торжественны и смущены,
К себе в колхоз на свадьбу пригласили.

Две горлянки укрылись меж ветвей...
Меня чужие тайны не смущают,
Не первый год под крышею моей
Они гнездо заветное свивают.

Я каждой паре говорю: живи.
Благословляю каждое растение...
О Родина моя, земля любви,
Весеннее мое стихотворенье!

1948

ПОЛЮБУЙСЯ НА УЗБЕКСКИЕ КРЫШИ

Словно праздника флаги — узбекские крыши!
Полюбуйся, как принарядились, глянь:
Кумача и атласа не сыщется краше.
В мире мастера нет, чтоб соткать эту тканьь.

Тополя уже сбросили весь свой пушок,
Все ягнята заблеяли, все верблюды сливляли.
Хорошо, что поэтом на свет я пришел —
Благодатью весны удивите меня ли?

Коксултан и зеленый урюк — для ребят.
Нет забавы древнее и лучше весною.
Пусть мальчишки мелькают в листве и рябят.
Я — под деревом. Это местечко — за мною.

Вот развилкой камышины, как соловья,
С крыши ловко ловлю эту сладкую сливу.
Все прекрасно, но бабушка кличет меня —
Мыть в тазу и ругается нетерпеливо.

Новый саженец или скворец-старожил —
Здравствуй, юность! Душой никогда
не черствую.

Я однажды все это уже пережил
И подписку даю: с молодыми в родстве я.

Амальгамою с зеркала, нет, не сошла
Та почтительность к юности, не сократилась.
Разве молодость — выстреленная стрела?
Вопреки всем присловьям она возвратилась.

Если шкуру тигровую гладят рукой,
Что она для живого ревущего тигра?
Ах, с какою охотою весь свой покой
Я б сменял у природы на детские игры.

1948

ДЕВУШКАМ

О, если вишни — отраженье ваших губ,
То губы ваши — спелых вишен пыл.
Чуть я подумал стих вам посвятить,
Усмы зеленый сок вы дали для чернил.

Цветите, девушки, кустами алых роз,
В цвету готовьтесь матерями стать.
Ведь если б Евы не было, друзья,
Кто род Адама стал бы продолжать?

Когда сирень цвела в моем саду,
Сорвал я ветку — память о весне,
И ветку ту в сиреневых цветах
Почтительно я преподнес жене.

Хвала тебе, о солнце дней моих,
Твоим лучам шестнадцати — хвала!
Шестнадцать сыновей и дочерей
Любимая подруга мне дала.

Так, девушки, вдруг старого ствола
Растет семья побегов молодых.
У каждого особая судьба,
Но в каждом есть частица чувств моих.

Когда же старшая приходит дочь
С ребенком, с мужем — дружная семья, —
В глазах дочерних вижу я себя,
Гафуром внука называю я.

Целуя в лоб внучонка моего,
Бессмертия я светом озарен...
Цветите, девушки моей страны,
Весенний стих мой вами вдохновен.

ВОЛОСЫ

Стали мои волосы жидки и белесы,
Их как будто ветер с головы унес...
А моя дочурка, пока расчешет косы,
Целый вечер мучается, сердится до слез.

А порой по-модному волосы уложит
И собой любуется в зеркале тайком.
Посмотрю на это — досада сердце гложет,
Словно мой цветочек испорчен сорняком.

Мне в карман расческа попала по ошибке.
Я сперва не понял, подумал: как же так?..
А жена ответила, не сдержав улыбки:
«Это сын твой старший надевал пиджак».

Сын — того же роста, только чуть потоньше,
Как же он так быстро успел меня догнать?
А ботинки носит уже на номер больше —
Будет он по жизни широко шагать!

На детей любуюсь, я счастья им желаю,
Их густые волосы треплет ветерок...
Сам же перед зеркалом иногда вздыхаю:
Надо мной смеется беззубый гребешок.

1948

КОВЕР

На самом уголке я имя отыскал
Туркменской девушки, соткавшей мой ковер.
Ее искусный труд превыше всех похвал,
Вплелась ее душа в причудливый узор.

Возьму пригоршню звезд, в чернилах растворю,
Чтоб написать о ней лучистые стихи.
Всю ночь работаю, но жадно жду зарю,
Поглядывая вдаль — на горные верхи.

Уже ряды чинар зарделись вдалеке,
Становятся видней края прибрежных круч.
Все радостней писать. И от строки к строке
Скользит мое перо, как солнца первый луч.

Как золотая шерсть, поток внизу кипит...
Быть может, в этот миг, приветствуя рассвет,
Смеется девушка и в зеркало глядит,
И тихо зеркало смеется ей в ответ.

АЛИШЕР

Мы чувствуем ныне в свободной стране
Тебя, Алишер, гражданин и поэт.
Как львиное эхо, твой голос в горах
Гремел, не смолкая, полтысячи лет.

Нам песни твои согревали сердца,
Борьбу воспевали и славили труд.
Вскормленные грудью Отчизны, они,
Как матери ласковой зов, не умрут.

Любовь с материнским впитав молоком,
Узнав в ней и честь и призванье свое,
Ты песнями славил к Отчизне любовь,
К богатствам ее и красотам ее.

Страданье живому судьбой суждено, —
За счастьем — невзгода, за смехом — беда.
И были отпущены в жизни тебе
Для счастья секунды, для горя — года.

Но счастьем твоим был бушующий ум,
Как ливень обильный, могучий, как смерч.
В лучах его света увидели мы
Конец Тимуридов, их жалкую смерть.

Ты был, точно лев на железной цепи,
Вместилище мудрости, чести пример.
До звезд искрометных твой вздох долетал.
Любовь кто посадит на цепь, Алишер?!

Читаю, как в книге, гератский рассвет
По дням твоей юности, бурной, как гром,
И черную ночь Хорасанской страны
Я вижу в ненастном закате твоём.

Мы творчество славим твое, Алишер,
Богатое светом, как солнечный день.
У входа в святилище разума ты
Свою положил золотую ступень.

Полтысячи лет отшумело. Но нам
Дни жизни твоей, точно детство, близки.
А завтрашний день, будто сокол ручной,
Следит за движением нашей руки.

Полтысячи лет прославляет узбек
Тебя, Алишер, гражданин и поэт,
И будет от чистой души восславлять
Еще и столетья и тысячи лет.

Великий учитель, провидец судеб,
Отцом ты приходишь в наш праздничный дом.
Газели твои наполняют сердца
Любовью, и радостью, и торжеством.

Навеки в сознании сохранены
Бессмертные строки — шах-бейты твои.
Они как нефрит в драгоценных серьгах,
Как в рощах заливистые соловьи.

Да, мы не из тех, кто не помнит родства.
В истории славен узбекский народ.
И если, враги, вы не верите нам —
Прочтите хоть то, что писал Геродот.

Для вас — муравьиная куча Восток,
Сподручнее так вам оружием бряцать.
Но правда истории бьет по рукам,
Кто вздумал бы славу ее отрицать.

Исток человечества, старый Восток
Был славен величием творческих сил,
Соцветие гениев в небе ночном
Горит, как созвездие вечных светил.

Раздвинулись шире просторы земли,
И вспыхнуло ярче сиянье зари,
Когда на узбекское небо взошел
Поэт Навои, как звезда Муштари.

Хотите Фархада увидеть — прошу
Приехать в наш солнечный Узбекистан.
На стройках здесь каждый рабочий — Фархад,
К нам древних мечтаний пристал караван.

Тенистые здесь вам покажут сады,
И белый хлопчатник, и зреющий хлеб,
Как счастья достигли Фархад и Ширин,
Добром одарив Мирзачульскую степь.

Взгляни, Алишер, как мечтанья твои
Достигли у нас завершения поры,—
Свет тысячевольтовых ламп Ильича
Светлее, чем свечи дворцов Байкары.

Взгляни, Алишер, как в боях и труде
Клад дружбы великой нашел человек.
И ты не о нас ли в сказаньях мечта,
Провидел не наш ли сияющий век?

Герои в сраженьях, в искусстве, в труде,
Любви бескорыстной и дружбы пример,
Не мы ли живем в той чудесной стране,
Которую видел в мечте Алишер?

Мы чувствуем ныне единой семьей
Тебя, Алишер, гражданин и поэт.
Рождая отзывное эхо в сердцах,
К нам песни твои шли полтысячи лет.

И видишь — дошли и вошли в наш дворец,
В мир дружбы народов, в наш день золотой.
Так здравствуй, наш добрый, наш солнечный век
И алое знамя над нашей страной!

1948

ЛЕТО

Проходит лето. Тот, кто скажет: «Вот
Жаре конец, и все!» — мне жалок тот.
Достойно лето слов иных. О нем
Писать хочу я золотым пером.

Писать о вишнях алых, как заря,
О том, что юность не пропала зря.
Когда звенит над полем в летний зной
Напев девичьей песенки простой.

Наполнен жизнью предрассветный сад:
Там яблони тихонько шелестят,
И каждый куст успел за ночь расцвести,
И каждый листик — новой жизни весть.

Прерывистый и чистый слышишь звук —
То соловей ударил трелью вдруг
И замолчал... Вновь тишина кругом,
И только розы куст горит огнем.

Как золотая пуля, с высоты
Гудящий жук свалился на цветы.
...Мы в мир пришли, чтоб он зацвел, как сад,
Работай в нем, садовник и солдат!

Цветет хлопчатник, утром розов он,
Трудом своим горда Масудахон.
Лучится солнцем винограда гроздь,
И косточки виднеются насквозь.

А на дорожках сада в летний день
Толчется солнце, там и свет и тень.
Пушистый персик, как щека, румян.
Им славится недаром Маргилан.

Нас радует природы щедрый дар:
Гранат — непотухающий пожар.
Черешни, и миндаль, и спелый тут —
Вознаграждение за упорный труд.

Под старым вязом в полдень холодок,
Там отдохнуть приезжий гость прилег.
Здесь рядом грядки, руку протяни —
Вот огурец, сорви, поешь в тени.

От зноя в полдень вся трава рыжа,
Вкуснее плова в этот час гуджа.
Нам бригадир кричит: «Кончат пора!»
Мы на кошму садимся у костра.

Я сам растил пшеницу, сеял, жал,
Зерно молот и в печи хлеб сажал,
Да здравствует наш труд, земля, кетмень.
Моя отчизна, наш счастливый день!

А кто гулял все лето напролет,
Кто праздно жил за наш колхозный счет,
Тот пусть уйдет!

Мы гнать таких должны —
Семье рабочих трутни не нужны.

Сокровищ неизведанных полна,
Зовет земля, посева ждет она.
Гуди, наш трактор, землю разрыхляй,
Пусть колосится новый урожай.

...С ветвей летят на серый глинозем
Плоды джиды серебряным дождем.
Душа поет — и я беру тетрадь,
Дастан о лете я хочу писать.

1948

ПРАЗДНИК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Над родиной встает заря. Румяная, живая,
Она ликующую весть о благах жизни шлет.
Храня обычай давних лет, день счастья отмечая,
Навстречу солнечным лучам выходит мой народ.

Вот это солнце торжества, мои друзья вот эти
Неотделимы от страны, восставшей в Октябре.
Весельем, гордостью полны и взрослые и дети,
И в этом благодарность их торжественной заре.

Из века в век царила мгла, бесправье, гнет, невзгоды...
Построив новый, вольный мир, их победил народ.
Что ясность неба, солнца свет в сравнении с народом?
Он солнца во сто крат светлей, ясней, чем небосвод!

Седобородые отцы — соратники вождя,
В сединах ваших отражен октябрьских дней рассвет.
Вы авангард борьбы труда; за вами вслед идя,
Как сплав стальной, сплотились мы для славы и побед.

Почтенных наших матерей мы славим в эту дату,
Как Млечный Путь из века в век, мерцаая, не погас,
Как вечно свят для нас Октябрь, так вечно будет свято
Чистейшее их молоко. Оно вскормило нас.

Проект прекрасного дворца чертил любовно зодчий,
В бетон и сталь его проект сегодня воплощен.
Механик изобрел станок. Сегодня он воочью
Увидел детище свое, и полон счастьем он.

И в Сталинграде в этот день два мощные гиганта,
Литыми трубами дымя, восстали из руин,
Здесь, в эту землю, полегла фашистов черных банда.
Вовеки враг теперь сюда не ступит ни один!

Выращивает хлебороб богатство для отчизны,
До срока выполняет план рабочий заводской.
Мы влюблены в наш вольный труд. Задача нашей
жизни —
Трудиться для своей страны, для радости людской.

Чтоб памятник о наших днях оставить светлый, гордый,
Ночами долгими не спит, творя стихи, поэт.
Нет, черчилли, нет, господа, и лорды, и милорды,
Остановить нас, запугать вам не удастся, нет!

Когда сознание людей, ища во тьме просвета,
По длинной лестнице времен шло, поднимаясь ввысь,
Тяжелый путь пройдя, оно нашло свой факел. Это
Великий светоч наших дней — грядущий коммунизм.

А эти черчилли? Чума — для них сестра родная!
Война, нажива — догмы их и больше ничего.
Капитализма дряхлый мир людей боится, зная,
Что революции пожар испепелит его.

А революция придет, бесправье уничтожив,
На крыше мира стяг побед, ликуя, водрузит.
Что ж будет тем, кто злобой жил, бесчестьем жил и
ложью?
Их бомб расплавленный металл им в глотку будет влит.

Ведь настоящий человек не может жить под гнетом.
Оковы гнета раздробить — вот цель его забот.
Что удивительного в том, коль, сбросив все тенета,
Свободы солнце, засияв, над всей землей взойдет.

1948

ОСЕННИЙ САЖЕНЕЦ

Багряный лист ложится наземь ровно.
Не выгнать воробьев из-под застрех.
Долбит на ветке хмурая ворона
Ребятами не сорванный орех.

Сороки бодро на жнивье стрекочут,
Проскачет суслик, спрячется в норе,
Петляет кролик между мокрых кочек,
Пуглив и бел,— утеха детворе.

Все спит в саду. Ни грозди винограда!
Укрыты лозы,— им в земле тепло,
Спят яблонь у глиняной ограды,
Вода в ручье — как жидкое стекло.

Лениво солнце. Бронзовым подносом
Среди ветвей как бы висит оно.
Оно к земле обращено с вопросом:
— Взойти ли, нет?
Я сплю. Мне все равно...

Но он не спит — старик с могучим станом.
Наш добрый дед, наш Миршакар-ата.
В руках кетмень. Садовник неустанно
Хлопочет возле юного куста.

Еще не скоро саженец привьется,
Еще не скоро принесет плоды,—
Их старику отведать не придется,
Но знает он: не пропадут труды!

Садовник смертен,— то закон природы,
Но у народа нескончаем век;
Не для себя — для внуков, для народа
В саду работой занят человек.

1948

РАЗГАДКА СНА

Ты видел яркий сон и хочешь знать разгадку?
Приснилась радуга — большая радость ждет.
Приснился бурный дождь — быть миру и достатку,
Пышнее станет сад — быстрее созреет плод.

Чудесен был твой сон, и это не случайно:
Он отражает чувств и мыслей чистоту.
В ком нет ни зависти, ни лжи, ни злобы тайной,
У тех и сны светлы, как яблони в цвету.

Весна расщедрилась: поля — в зеленых волнах,
По пояс выросли пшеница и ячмень,
Роса на клевере блестит в лугах привольных,
Где тучные стада пасутся целый день.

И для хлопчатника — отличная погода:
Чигит уже взошел, окучен и полит.
Пусть план прибавили нам с нынешнего года,
Богатый урожай наш дружный труд сулит.

Ты видел бурный дождь? То мощными волнами
Живых, народных сил клокочет водопад.
Ты видел радугу? То ярко перед нами
Грядущих радостей все семь цветов горят.

Конечно, жизнь — не сон. Но если по порядку
Расскажешь мне о нем, — нетрудно дать ответ.
Взгляни вокруг — и сам найдешь его разгадку:
Цветет твоя земля, могуч ее расцвет.

Да, радуга и дождь — хорошая примета,
Но и без вещей снов сегодня ясно нам:
Дорогой радости, труда, добра и света
Народы движутся к счастливым временам.

1948

ЛЕНИНУ

Ученье великого Ленина —
 победное знамя века,
В нем свет, Восток озаряющий,
 в нем мудрости вечной родник.
Прекрасный памятник Ленину —
 народная библиотека
В Ташкенте, на Ленинской улице,
 с тысячью тысяч книг.

На здании библиотеки
 плита из мрамора гордого
Ступенью Пятого года
 в истории утверждена.
На ней — имена героев,
 что отдали жизнь для народа,
Большевиков нашей родины
 светлые имена.
И я говорю горделиво,
 от полного силой сердца,
О том, что и мы, узбеки,
 полвека тому назад
Знали Ленина имя,
 называли себя — ленинцы,
Что капли и нашей крови
 на стягах борьбы горят.

История революции
 проходит перед глазами...
Сраженья в песках туркестанских,
 далеких восстаний дым,
Двадцать шесть комиссаров
 недрогнувшими шагами
Идут, на песке оставляя
 крови своей следы.

Напомнить хочу: англичане
 кровь чистую их пролили.
Нефтью и нашим хлопком
 желали они владеть;
Турецкого офицера
 Энвера в песках могила.
Возмездье нашло бандита.
 Собаке — собачья смерть!

Господам нас сломить не под силу.
 Из стали наши границы,
И крепче крепчайшей стали
 сердца советских людей.
Книга великого Ленина
 в каждом доме хранится,
В ней наша мощь и сила,
 оружие наше — в ней!

Русское слово «товарищ»
 стало узбекским словом,
Стало оно всемирным,
 народы оно роднит.
Веселое слово «спичка»
 живет в каждом доме колхозном,
И не помнит никто, что спички
 по-арабски зовутся «кибрит».

Октябрьское красное знамя
 сплотило в борьбе народы.
Народ, давший миру Ленина,
 великий русский народ,
Как брат, протянул нам руку,
 вывел на путь свободы,
Спас нас от власти ханов,
 наемников и господ.

На улице Карла Маркса
 трудящимся Средней Азии,
О Ленин, впервые в истории
 ты создал университет!
Я знаю первых студентов,
 я помню их лица ясные,
Я видел подписанный Лениным
 о нашем САГУ декрет.

Здесь ты зажег навеки
маяк для всего Востока.
Мы выполнили заветы
твои, наш отец родной:
Узбекистан советский
бросает лучи далеко,
Для угнетенных народов
горит путеводной звездой.

О Ленин! Когда ты умер,
январскою снежной ночью,
Склонясь над твоей страницей,
заплакал я, как дитя.
Но эти чистые слезы
мои не слепили очи,
Сквозь них я увидел бессмертье
учителя и вождя.

По ленинской воле потоки
вращают гэсов турбины,
И каждый дом зажигает
лампочки Ильича.
Так имя твое, о Ленин,
на просторах твоей отчизны
Вписано в вечность силой
электрического луча!
А я написал на съезде
эти скромные строки,
На съезде, где комсомольцы
свой разговор вели.
В глазах их огни сверкали
коммунистической стройки,
И будущего просторы
навстречу к ним сами шли!

1949

СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Тот полдень юности моей запомнил я навек.
Бежим из города. Метель. Морозный колкий снег.
Вокруг бело, а вести вслед — одна другой мрачней.
И нет конца им, и в груди от страшных тех вестей
Трепещет сердце, как листок под ветром ледяным.

В Ташкенте Осипов разжег предательский мятеж.
Лютуют выродки: «Дави! Хватай за горло! Режь!»
В селеньях — банды басмачей чертям в аду под стать.
Кто защитит? Земля жестка, до неба не достать.
Разор и смерть. Горят дома, клубится черный дым.

Арба. Усталый тощий конь с потертою спиной.
Идет наш нищий караван дорогою степной.
Сироты, вдовы, старики, голодный бедный люд.
Спешим в кишлак. Быть может, там спасенье и приют.
Увы, спасенья нет и там, и там кровавый ад!

Мороз все злей. Наш караван застрял на полпути.
Похоже, всюду басмачи. Как быть? Куда идти?
В каком краю не встретит нас английский пулемет?
Да, стало видимым для нас в тот беспощадный год,
Кто их купил, отцеубийц, кто нашим бедам рад.

Но вот в буденовке солдат возник из вьюги злой,
Взял повод нашего коня, повел нас за собой.
И конь бодрей пошел, и день теплей как будто стал.
«Вы — это мы! — сказал солдат. — Нас Ленин к вам
прислал.
Мы вместе отстоим теперь и нашу жизнь и честь».

Потом подсумок развязал: «Кто хочет сахарку?
Бери, не трусь!» — и роздал нам, ребятам, по куску.
Могу ли я забыть тот день, тот поворот в судьбе?

Посасывая сахарок, я говорил себе:
«Смотри! Выходит, у меня большой защитник есть!»

Родная армия, оплот рабочих и крестьян,
Благодаря тебе мой край свободой сиян.
Лохмотьев жалких больше нет, в одеждах светлых он,
Для ярких дней, для славных дел чудесно возрожден.
Родная, счастье дарит нам твоя стальная мощь.

Где Лоуренс, Аман-Палван? Где Осипов?.. Их нет.
Зачеркнут в летописи дней их жизни черной след.
В реестр незыблемой в веках семьи советских стран
Как равный с равными, как брат внесен Узбекистан.
Развясв мглу, нам руку дал великий мудрый вождь.

Прошла пора, когда наш путь был мрачен и кремнист.
Теперь пред нами светлый тракт, ведущий в коммунизм.
Хранят могучие орлы наш мирный славный труд.
Попробуй только сунься к нам — с лица земли сотрут.
К вершинам совершенства мы идем из года в год.

С тех пор как существует мир, еще никто не знал
Такого взлета и таких не заслужил похвал.
Республика, столица, герб, священные права,
Неугасающий рассвет труда и мастерства.
Большой ли, малый ли народ — всем слава и почет.

В пустынях, где земля всегда была суха, тверда,
Мы вырастили цветники, воздвигли города.
Мы обуздали сотни рек, и реки дали свет,
Как огнедышащий дракон, дремавший сотни лет.
И горы подарили нам богатства недр своих.

Мы свет наук во всех домах зажгли в мильон свечей.
Под этим светом мы растим сынов и дочерей.
Мы каждый день кладем, борясь за вечный мир, за
жизнь,

По сто ступеней золотых, ведущих в коммунизм.
Неповторима их краса, прекрасна сущность их.

А темпы нашего труда? Они, как свет, быстры.
А детвора? На всей земле нет лучше детворы.
Граница наша — рядом с ней пылинка Млечный Путь.
Мы можем ею шар земной три раза обернуть.
И что ни шаг — в дозоре страж, отважен, звездоок.

Когда позорно пал Париж, фашисты, опьянев,
Рванулись нагло на Восток, наш разбудили гнев.
На грозный, смертный бой с врагом поднялся весь народ.
Земля разверзлась, рухнул в ад проклятый черный сброд.
Могилой, бездной роковой стал для врага Восток.

Отчизны красные бойцы, компартии сыны
Не посрамили честь свою в кипении войны.
За всех погибших в лагерях, за всех, кто пал в бою,
Мы отомстили палачам — фашистскому зверью.
Сполна воздали им за боль народов и племен.

Родная армия, ты свет, сразивший сумрак зла.
Ты правду счастья и добра от гибели спасла.
Запомнит мир на много лет бесценные листы
Прекрасной повести побед, что написала ты.
И твой простреленный в боях петленный шелк знамен.

И снова мы в своем дому, смелы, горды, вольны,
Стеной сплоченности стальной от зла ограждены.
В семье народов мы идем за партией своей.
В сердцах животворящий свет, свет ленинских идей.
И коммунизма первый луч уже сверкает нам.

Беда тому, кто не учтет, как наша сталь тверда.
Кто снова схватится за меч, беда тому, беда!
И если жадный дядя Сэм плз лорд какой-нибудь
По скудоумью захотят войной нас припугнуть,
Пусть вспомнят сорок пятый год и заодно — Вьетнам.

И пусть запомнят навсегда и лорд и дядя Сэм:
Того, кто цени рабства рвет, не удержать ничем.
Свои надежды, цель своя у всех племен земли.
Они к свободе путь найдут, как мы свой путь нашли.
Нет в мире силы, чтоб сдержать порыв их огневой.

Я Красной Армии солдат, как все в моей стране.
И если прозвучит призыв, он прозвучит и мне.
Воспитанная Ильичем для славы и побед,
Прими же, армия моя, душевный мой привет.
Честь и хвала тебе в веках, отчизны часовой!

РУКОПИСЬ СЛАВЫ

(Ответ английскому лорду, назвавшему нас племенем)

Что знает он о нас, узбеках,
Чванливый, глупый бритт?!
Гробницы наших предков старше
Хеопских пирамид.

Приди в Хорезм, взгляни, потрогай
Любой кирпич его.
Под силу разве англосаксу
Такое мастерство?

Как угадать тот век, в который
Мы встали в полный рост?
Мы логарифмами владели
И знали тайны звезд,

Когда с деревьев предки лорда
Едва успели слезть
И не умели даже пальцев,
Не сбившись в счете, счесть.

Когда наш хлопок стал известен
Во всех концах земли
И караваны с белым грузом
До Англии дошли —

Сказали тамошние снецы,
Большие мудрецы:
«Понятно. Это шерсть какой-то
Особенной овцы».

А мы и в даль небес проникли
И в глубь земной коры.
В содружестве с народом русским
Мы создаем миры.

Хозяином своей отчизны
Стал навсегда узбек.
На нашем небе паше солнце,
Свободное навек.

Оно струит алмазы счастья
Селеньям, городам...
За это мы и ненавистны
Заморским господам.

О, как им снится власть над нами
Навечно возыметь,
Чтоб мы брели в цепях, как негры,
Чтоб нас хлестала плеть!

Не выйдет! Мы тропой страданья
На светлый вышли путь.
Ничья рука нас не заставит
Обратно повернуть.

Ничьей чужой недоброй силе
У нас не отобрать
Святую рукопись свободы,
Величия тетрадь.

Насочиняв десятки пактов,
Дельцы хотят сейчас
Опять открыть ворота ада,
Не для себя — для нас.

Узбек, махни на них рукою,
Кетмень свой заостри,
Копни свою родную пашню,
Копни и посмотри.

В твоей земле тот самый атом,
Которым нам грозят.
А если так, то кто же раньше
Низвергнут будет в ад?

В твоих ладонях горстка хлопка.
В ней сила сотни тонн.
Ты хлопка этого хозяин,
Тобою он возвращен.

Пусть о тебе тупицы лорды
Толкуют вкривь и вкось.
Твое искусство хлопководства
С тобою родилось.

Пускай оно еще пышнее
Сегодня расцветет.
Я славлю подвиг твой, я славлю
Тебя, родной народ.

Могуч и прозорлив твой разум,
Тверда твоя рука.
В тетрадь величия и славы
Ты вписан на века.

Я знаю: не в твоей привычке
Впустую обещать.
Дав слово партии великой,
Ты не отступишь вспять.

1949

ДЕВУШКА ИЗ ФЕРГАНЫ

Песню я спеть захотел
Для вас, дорогие друзья,
Слово хочу я сказать
О прекрасной моей Фергане.
Каждый, кто слышит меня,
Поймет, что не выдумал я,
Девушка — повод для песни —
Лучшая в нашей стране.

Здесь, где свобода народа
Гнездо свое мудро свила,
Здесь, где за жизнь и свободу
Пролил народ свою кровь,
Где соловьиным раскатом
Вечерняя полнится мгла,
Труд здесь и подвиг, и доблесть,
И высшей наградой — любовь.

Если пред песней любовной
Рот приоткроет она —
Будто две сросшихся вишни
Ветер,дохнув,разделил.
Заговорит, зарыдает
Двуструнного тара струна —
И соловьи, нарыдавшись,
Падают с веток без сил.

Дед твой был славным поэтом,
На зависть иным соловьям,
Мастером дойры и пляски...
Ветер напевы несет.
Передал песен искусство
Внучке и двум сыновьям.
Славный их лад, их уменье
Славит узбекский народ.

Если и впрямь я настроюсь
Нашу хвалить Фергану,
Юноша будет Фархадом,
Девушка станет Ширин.
Здесь самолеты садятся,
Мирно вспугнув тишину,
Летному полю в ладони,
В свежесть полынных долин.

Пусть же под солнцем палящим —
Пусть никогда, никогда, —
Пусть никогда не увянет,
Радость, твоя красота!
На поле хлопковом, знойном,
На поле знойном труда
Пусть ты всегда будешь так же
Свежа, молода и чиста!

Хлопок ферганский известен
Миру, всем странам чужим.
Мы ведь умеем посеять
Хлопок — и в пору собрать.
Мы хлопкоробами горды,
Честь им сполна воздадим,
Труд их высоко оценит
Светлая Родина-мать.

Если мы коконов нити
В яркие ткани сошьем,
Лучшие Чина-Мачина
Смолкнут в восторге ткачи.
Коль темно-синего шелка
Волны мы валом польем,
В зависти, синее небо,
Стой, замирай и молчи!

Если историю ткачества
Нашего хочешь узнать,
Нашей парчи или бархата
Тюк разверни и взгляни —
Будут рекою в отливах
Они пред тобою сиять,
Солнцем блестеть... и вовеки
Их не погаснут огни.

В гулком шелкокомбинате
На неустанном станке
Статная и молодая
Девушка ткет чесучу.
Где ее милый? Он где-то...
Летчик он, — там, вдалеке.
Как я вам оба, родные,
Встречи и счастья хочу!

Вспомнив о девушке этой,
Начал я песню писать,
Будто бы за перевалом
Переходил перевал,
Чтобы свободно, как горы,
Ровно и мерно дышать,
Чтобы мой взгляд просветленный
Раннее утро встречал.

То не алмазные ль капли
Твоих родников, Вуадиль,
Вижу на губках красавиц,
Как на живых лепестках?
Девушки здесь как весна,
Как наша цветущая быль.
Только об этом хотел я
Сказать в моих бедных стихах.

В черных глазах-зеркалах
Девушки из Ферганы
Милая вся Фергана
Ярко отражена.
Волосы девушки этой,
Как вечер темный, темны,
Взгляд ее — день. Вся она
Как прекрасная наша страна!

1949

НЕ СОБЛЮДАЙТЕ УРАЗЫ

Пытаясь разведать секрет мироздания,
Веками на небо взирал человек.
Там падали звезды. Их много упало,
Пока человеком не стал человек.

Когда бы он смог оказаться на солнце,
Земля бы сияла звездой перед ним.
Какие же тайны она не раскроет
Сынам любознательным, детям своим?

Мы знаем ее, как раскрытую книгу,—
Что скрыто в Тянь-Шане, что прячет Монблан.
Понятна дрожащая капелька ртути,
Понятен бездонный гигант-океан.

Инстинкт сохранения жизни ничтожен
Пред ясностью разума. Холод и зной?..
Всего лишь вращение нашей планеты
По вечной дороге ее круговой.

Блуждал человек, добиваясь ответа:
Где истины свет, где неправды дурман?
Но не были подлинной истины светом
Ни Тора, ни Новый завет, ни Коран.

Учили: «Смирись, опустишь на колени...
Покайся, покайся!»— и жрали твой хлеб.
То адом стращали, то раем манили,
И ты покорялся, доверчив и слеп.

Религия Будды, канон Моисея,
Учение Христа, Магомета закон —
Куда им до нашей раскованной мысли,
Постигшей все связи судеб и времен!

Долой уразу! Нам поститься не надо.
На что нам, счастливым, сдался Магомет —
Голодный пророк в Аравийской пустыне,
Печальный и хилый от тягот и бед.

Довольно вам! Хватит, ишаны и шейхи,
Крадущие свечи с могил бедняков!
Неужто бесчисленные гадости ваши
Должны мы терпеть до скончания веков?!

За дань, что ценой нашей крови и пота
Взимали с нас шахи, ишаны, мечеть,
Любому туркмену, любому узбеку
Корону на голову можно надеть.

А Мекка? Все наши дары-приношенья
Миллона верблюдов не смогут поднять.
На всем, что творится от имени бога,
Тавро лицемерья, корысти печать.

Я это писал при негаснущем свете,
Народ этот свет «ильичевым» зовет.
Вокруг мои дети стояли, притихнув:
«Чем папа закончит, куда повернет?»

Я вот чем закончу: кто ложь обнажает
И, мерзкую, гонит ее со двора,
Тот щедро вливает в умы поколений
Сияние истины, солнце добра.

1949

ПОЕТ ПОЛЬ РОБСОН

Дрожит небосвод, потрясенный рычанием льва,—
Поль Робсон поет
На подмостках среди площадей.
И в песне могучей гремят огневые слова
О горьком бесправье,
Об участи черных людей.

Поет свою песню сын черного негра раба,
И в ней возникает сознание народа само,
В ней горе и ужас,
В ней вечных скитальцев судьба,
В кварталах Гарлема до смерти влачащих ярмо.

Звучат в этой песне
И страсть, и надежда, и гнев,
И весть о грядущем,
И отблески будущих лет.
Да, солнце взойдет, вековечную тьму одолев,
И в хижине дядюшки Тома настанет рассвет!

Когда, подчиняясь послушно велению души
И зная надежды в сознание своем водрузив,
Сажусь я за стол
И перу повторяю: «Пиши!» —
Грядущего солнце горит предо мной, как призыв.

У каждой страны
Свой обычай, свое естество
И собственный строй,
До которого дела нам нет.
Кто лезет к соседу подглядывать тайны его,
Тот будет ему уже враг,
А не добрый сосед.

Вблизи Уолл-стрита
Огромное кладбище есть.

Здесь гангстеры заперли клад золотой под замок,
И волю народов
Хотят схоронить они здесь,
Чтоб мир на земле никогда воцариться не мог.
Теорию расы они повторяют в наш век,
Чтоб ссорить народы,
Но верить в их расовый бред
Глупей, чем искать среди льдов Арарата
Ковчег,
Где будто бы плавали с Ноем
Сим, Хам и Яфет.

В колониях мучатся люди уж множество лет:
Индус, и малаец, и негры —
У всех на виду.
У рабовладельцев английских к ним жалости нет
И совести меньше,
Чем влаги в горящем аду.
Суд Линча над неграми
Длится столетья подряд.
Не знаю: какой негодяй его выдумать мог?
Но дым от костров,
Где несчастные негры горят,
Для белых мерзавцев милей, чем сигары дымок.

«Господством над миром»
И «образом жизни» своим
Гордится и хвастает американский банкир,
Но это — пустые мечты,
Что растают, как дым:
Вовек не допустит господства Америки мир!
Народы внимают:
Великий Поль Робсон поет!
И песня —
Предвестник великих и мирных побед.
Тьму доллара солнце рассеет —
Под ветром свобод
И в хижине дядюшки Тома настанет рассвет!

1949

РЕКА ФЕРГАНЫ

Зеницею, зрачком очей Востока
Стал наш свободный край, Узбекистан.
Могучий, солнечный, для многих угнетенных
Стал факелом, звездой надежды стал.

Любой народ, большой он или малый,
В одно ли или несколько племен,
Тогда лишь счастье обретет и славу,
Когда оковы рабства сбросит он.

Сто лет свободной жизни в дружбе, в братстве —
Беседа, пиршество за дружеским столом.
В любой минуте рабства — грозы, бури,
И ты повержен, точно бурелом.

В Иране, в Индии, в Афганистане
Великий наш пример бодрит сердца,
Зовет разбить, порвать насилья цепи,
Бороться за свободу до конца.

Уж десять лет с тех пор, когда народ мой
Мечту былых веков осуществлял,
Когда по слову партии великой
Большой Ферганский рыли мы канал.

Плечо к плечу узбеки и таджики
На благо милой родины своей,
Кипя в труде, не ведая покоя,
В горячем бурном ритме сорок дней

Копали реку в триста километров,
Меня географию веков,
Вписав еще одну страницу славы
В анналы родины большевиков.

Да, десять лет! Как будто бы недавно!
А между тем к исходу этих лет,
Те, что тогда пришли впервые в школу,
Сегодня входят в университет.

Забуть ли труд в долине Куйганьяра,
Когда сияньем в тысячи свечей
Бессонно лампы Ильича сверкали,
На сотни верст отбросив мглу ночей!

А наш отец — Юлдаш-ата? Веками
Народ мой будет вспоминать о нем.
Заботливый, на стройке вместе с нами
Рубил он грунт тяжелым кетменем.

Когда мы раскрываем книгу сердца,
Родные имена мы видим в ней.
Мы видим имена вождей народа,
Великой нашей партии вождей.

Историю творят не единицы,
Но в мире есть великие мужи,
И если человек горел, как пламя,
Ему в сердцах народа вечно жить.

Народ по праву чувствует героев
И в памяти хранит их имена.
Богатырей, Дусматову подобных,
Запомнит благодарная страна.

В письме народа к партии великой
Есть золотая подпись «Алимджан».
О, если б жив он был, мы с ним теперь бы
Сложили вместе не один дастан.

В кругу друзей к рассвету Коммунизма
Идет цветок Отчизны — Фергана.
О жизни, сходной с нашей жизнью светлой,
Мечтает мир — народы, племена.

По слову партии мы путь себе избрали,
В труде и в битвах обрели почет.
В десятилетье этом троекратно
Героем стал узбекский наш народ.

На сотни верст у берегов канала
Простор полей богато орошен,
И он дает высокосортный хлопок
Не в тысячах, а в миллионах тонн.

Расцвет страны и слава в этом хлопке,
В нем наших праздников краса, размах,
Как звезды счастья, блещут капли пота
На перетянутых платками лбах.

Вода, журча, бежит по грядкам хлопка,
В ней отблеск солнца золотых лучей,
Как в чистом зеркале, богатство наше
И наша радость отразились в ней.

Плечо к плечу с великим русским братом,
Создав прекрасный мир, идет узбек,
Сельджукам не потомки мы! Своею
Тропой вошли мы в этот светлый век.

Хозяева страны своей прекрасной,
В сиянье дня, рожденного в Кремле,
Мы партии, мы Родины питомцы,
Шагаем гордо по своей земле.

1949

ДИПЛОМ

Тихою ночью, звездною ночью
Мир перед взором до дна раскрыт...
Юношу вижу: строг, озабочен.
Над книгами он до утра сидит.

То не резец на гранитных плитах
Врезает надпись на сотни лет, —
Это в мозгу, в извилинах скрытых,
Врезается знания светлый след.

Страницы шуршат, и весенней почы
Все глубже становится тишина...
Нашел наконец! Из тысячи строчек
Именно эта мне нужна.

И словно в единственной строчке этой
Все тайны Вселенной заключены:
Жгучей, слепящею вспышкой света
Мысли внезапно озарены.

Тихо вокруг...
Темнота сгустилась,
И, как невидимое крыло,
Ласково будущее склонилось,
За плечи юношу обняло.

Нет, не напрасны его усилия,
Такого большая дорога ждет.
Близится день — и, расправив крылья,
Он устремится в первый полет.

В зачетной книжке ряды пятерок —
Это ступеньки вчерашних дней.
Уже он диплом защищает скоро,
И берег будущий все видней.

Все вперед: и борьба с рутинной,
И неудачи, и торжество!
С гордостью, как на достойного сына,
Будет страна глядеть на него.

Светает...

Работою увлеченный,
Всю ночь не сомкнул он упрямых глаз...
Вот он уже молодой ученый,
Входит на кафедру в первый раз,
А сердце стучит горячо, тревожно:
Отныне науке всю жизнь отдай!

Отец постучался в дверь осторожно,
Входит:

«Сынок, остывает чай...»

1949

ВЕК КОММУНИЗМА

Год, завершивший половину века,
Ведет последним дням январским счет,
Полсотни лет стоят у перевала.
Итог побед — пятидесятый год.

Полсотни лет назад ростки надежды
С трудом, сквозь мрак пробившись, зацвели,
Теперь они растут могучим лесом,
Преображают облик всей земли.

В начале века призрак коммунизма,
Бродивший по Европе, ныне — явь,
Дыханье жизни, светоч, что над нами
Горит, свободой вечной засияв.

Кровь русских, тех, что шли на бой за волю,
Пролитая полсотни лет назад,
Сегодня пламенеет на знаменах,
Ведущих всей земли пролетариат.

Слова, что наша партия сказала
За эти пятьдесят минувших лет,
Нам были зеркалом. Мы в них узнали
Себя, и нашу мощь, и правды свет.

Всю боль узнала в них Европа,
Восток узнал себя во весь охват.
И каждый, кто, как солнца, ждал свободы,
Узнал, кто враг ему, кто друг и брат.

Могуществом двадцатого столетья
Всегда гордиться будет человек.
Мир будет прославлять имевших счастье —
Жить в этот век и двигать этот век.

Мечтой победной быть опережая,
Уже мы видим, как, светло горя,
Над Индией и Африкой зарделась
Свободы лучезарная заря.

Мы видим: раздробился, как осколки
Разбитого булыжником стекла,
Капитализм. Мы видим суд народов
И мертвых поджигателей тела.

Так будет! Победившая надежда
Что караван, прошедший полпути.
Еще полсотни лет эпохе этой
Идти вперед, победами цвести!

С тех пор как люди днями, месяцами,
Годами измеряют бег земли,
Они годам таким благословенным
В веках минувших счета не вели.

В движенье караван. Идет сквозь бури,
Сквозь пламя яростных атак.
К великой, самой главной цели жизни
Идет наш караван за шагом шаг.

Так будет: распрямится угнетенный,
Не будет рабства ни в одной стране.
Подаром говорят у нас в народе:
«Хороший год приметен по весне».

Влечет меня грядущего сиянье,
Но и сейчас, в соцветье наших дней,
Широк простор моих стихотворений,
Взлелеянных Отчизною моей.

Отчизна! Партия! Всегда вы в нашем сердце,
Открывшие народу светлый путь.
Горжусь любовью к вам. Любовью этой
Полна моя душа, согрета грудь.

Сплоченные советские народы,
В дом ваш пришел прекрасный новый день,
В дом ваш пришла эпоха коммунизма.
Что создан вами в битвах и труде.

Отчизна милая, опора счастья, мира,
Любовь к тебе навек сплотила нас.
Горсть каждая земли твоей священной
Целительный бальзам, сурьма для глаз.

О партия! Ты от побед к победам
Ведешь народы. Цель твоя светла.
Сердца у нас чисты, ясна дорога —
Все это ты, великая, дала.

Приходит новый день. Его приходу
Ты заложила первую ступень.
В страну труда к свободному народу
Приходит коммунизма светлый день...

Друзья мои, в честь этого рассвета
Налейте до краев фарфор пиал.
Я, вдохновенный веком коммунизма,
О нем, пришедшем, оду написал.

1949

ЭТО ПОДПИСЬ ТВОЯ

Сокровеннейший смысл нашей жизни найти
Можно в строках волнующей оды.
Эти строки твои озаряют пути
Всем народам, что жаждут свободы.
Соотечественник дорогой,
Это подпись твоя.

Вот колонны рейхстага в Берлине стоят,
Как чинар, что червями изъеден.
А на стенах повсюду сверкает подряд
Величавое слово «Победа».
Соотечественник дорогой,
Это подпись твоя.

Победитель, ты радость земле возвратил,
Мир нарушенный снова упрочил.
На страницах истории ярче светил
Пламенеет уверенный почерк.
Соотечественник дорогой,
Это подпись твоя.

И шантаж и насилие чужды тебе —
Уолл-стрита лакей лицемерен.
Ты народ, не имеющий равных себе,
Договорам и клятвам ты верен.
Соотечественник дорогой,
Это подпись твоя.

Там, где строчка твоя золотая видна,
Солице щедрое светит свободно.
Книгу счастья ты создал, и стала она
Для народов звездой путеводной.
Соотечественник дорогой,
Это подпись твоя.

«Миру — мир!» — голоса миллионов звучат.
Правды их не задушишь в темнице!
Под воззванием советских народов печать,
Слово наше на первой странице.
Соотечественник дорогой,
Это подпись твоя.

1950

ДРУГ У ДРУГА УЧИМСЯ

Рад учитель, когда его
Превзойдет ученик молодой —
Ведь наукой всегда человек
Дорожил, как зрачками глаз.
Расцветает отчизны сад
Под умелой хозяйской рукой,
Труд и доблесть, борьба и честь
Породнили, как братьев, нас.
Мы счастливую жизнь обрели,
Жаждет мира наша земля.
Друг у друга учимся мы.
Мы друг другу — учителя.

Мастер лирики Физули
Алишера своим отцом
Признавал и образ его
В своем сердце с любовью носил.
А Сеид-Азим Ширвани
Вдохновенья живым родником
Был для нашего Мукими,
Что сатирой врага разил.
Двух народов во мгле веков
Величаво сверкали умы.
Мы друг другу — учителя,
Друг у друга учимся мы.

В Палванташе сегодня нефть
Бьет фонтаном во весь размах —
Щедрый опыт брата Баку
Палванташ родной перенял.
И пока электричества мы
Не имели еще в домах,
Сам хранитель сокровищ Баку
В наших лампах огонь зажигал.
Два народа, творящие свет,

Сокрушители вечной тьмы,
Мы друг другу — учителя,
Друг у друга учимся мы.

«Хорошо!» — я скажу, если ты
Силу, скрытую в мускулах рук,
Всю потратишь, чтоб счастья дворец
Горделиво высился наш.

«Хорошо!» — я скажу, если ты
Светлый ум, откровенье наук,
Все упорство смелой мечты
Беззаветно народу отдашь.
Проживи свою жизнь как герой,
Озаренный созвездьем Кремля!
Друг у друга учимся мы,
Мы друг другу — учителя.

Показать мастерство свое
Хлопкороб янгиюльский ведет
На поля дорогих гостей —
Их прислал к нам Азербайджан.
Процветающей родины мощь
Укрепляет советский народ
Благородным и честным трудом,
Выполняя намеченный план.
Хлопок тянется к солнцу ввысь,
Урожай нам обильный суля.
Друг у друга учимся мы,
Мы друг другу — учителя.

1950

АМУ

Древние хорезмийцы называли Аму
Вахшем, Вахш означает «бог воды».

Бируни

I

В века были, в древности глубокой,
В полумифические времена
Вставала над Амударьей широкой
Туркмен прекрасная страна.

Вдоль розовых садов Хорезма к морю,
Земле туркмен живую кровь даря,
С пустынею победоносно споря,
Прекрасная текла Амударья.

Бесценной влагой степи оживляя,
Чтоб жизнь кипела, как в котле вода,
Как будто к молодому молодая,
Аму спешила к Каспию тогда.

К нему спешила, как на быстрых крыльях,
И разливалась, устремясь вперед,
По скатерти волшебной изобилья
Напитком красоты, вином щедрот.

Да вот беда! Хотя в века седые
Река считалась богом, бедняки,
Измученные люди трудовые,
Не пользовались благостью реки.

Хотя благодаря ей — смуглолицей —
Оазисом страна туркмен цвела,
Аму была лишь пленной танцовщицей,
Невольницею ханскою была.

А время шло. Бесчестная подруга,
Рассталась с Каспием река Аму.
Арал нашла прелестная подруга
И устремилась по пескам к нему.

А над оазисом нависли тучи.
И так погиб цветущий сад былой,—
Песок летучий и песок ползучий
Его похоронили под собой.

Ни власти сила, ни молитвы шейхов,
Ни плач голодных не могли вернуть
Амударью с ее дороги новой
На старую дорогу, древний путь.

И Каракумов повесть бесконечна,
Как путь верблюда, дрящущийся века.
Казалось, эта повесть будет вечно
Горька, как соль на месте цветника.

Казалось, в темноте веков бессонных
Конец и края страшной нет беде.
В глазах народов, жаждой истомленных,
Мечтанья загорались о воде.

Мечты, как звездный жемчуг, загорались,
Но не доступен жемчуг высоты,—
Желания людей не исполнялись,
Несбыточными были их мечты.

II

Но кончились глухих веков невзгоды,
Сменилась ночь великолепным днем:
В стране бессмертной правды и свободы
Из полной чаши мы довольство пьем.

Туркмены, и узбеки, и таджики, —
Весь наш Восток — мы встали в полный рост.
Союз объединяет нас великий,—
В созвездье мы вольнолюбивых звезд.

Мы распахнули в коммунизм ворота,
Идем дорогой славной по земле,
Работаем, и наших рук работа
Себе не знает равной на земле.

Страны советской братские народы,—
По ленинским мы строим чертежам,

Нам силы подчиняются природы,
Стихии служат, солнце служит нам.

Не за горами, близко время это,
Уже отчетливо видны года,
Когда родная Волга ярким светом
Зальет счастливой эры города.

Уже мы утром коммунизма дышим.
Амударья, прав укротим и твой,
Главу и о тебе, Аму, допишем
В победной книге славы трудовой.

Осуществляем то, о чем мечтали,—
Туркменский начинаем мы канал.
Подходят сроки — Каракумов дали
Аму алмазный расчет кинжал.

Туркмения, полями зеленея,
Ликуя, встретит солнце этих лет.
Мы дружбою сильны, и нас сильнее,
И нас упорней не было и нет.

Там — по обоим берегам Узбоя —
Век коммунизма, долгожданный век,
Откроет взорам поле молодое,
Чего так долго жаждал человек.

Полей просторы за Каспийским морем
Сокровищницей хлопка заблестят.
Степей просторы за Каспийским морем
Прокормят и ягнят и жеребят.

Пройдет везде о почве плодородной,
О здешнем климате здоровом весть.
И над Каракалпакией свободной,
И над Хорезмом будет слава цвeсть.

1950

В ЧЕСТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Братство и дружба сплотили навеки
Наши народы в большую семью.
Свет коммунизма восходит над нами.
К счастью идем мы в едином строю.

Наши стремленья ясны и едины.
Правду и мир — отстоим на века!
Мы монолитны. Так каплю от капли
Не различаешь в струе родника.

Дружба народов — единства основа.
Помыслы наши — грядущего свет.
Братской семьей мы выходим на подвиг,
Верности в дружбе мы дали обет.

Все для Отчизны — хлопок и ткани,
Хлеб и зажатый в цемент водопад.
Все для Отчизны — уголь и руды,
Свет и в пустыне взлелеянный сад.

Счастье Отчизны — радость народов —
Членов единой советской семьи.
С русским народом — старшим собратом —
Слили навеки мы судьбы свои.

Мы нерушимы в таком единенье.
Солнцем согласия наш путь озарен.
Силы нет в мире, которая сможет
Поколебать монолитность колонн.

Весть о победе страну облетела.
В честь победителей — лучший дастан.
Тоннами хлопка стране рапортует
Славный собрат наш — Азербайджан.

С ним соревнуясь на хлопковом поле,
Шлет поздравленья узбекский народ.
В битвах, в труде наша дружба окрепла,
Партия всех нас на подвиг ведет.

С каждой победой Отчизна все краше.
С каждой победой Отчизна сильней.
В подвигах наших — спокойствие мира,
Радость грядущих безоблачных дней!

Пусть народ мой подарок готовит
Славной Отчизне ко дню Октября.
Вон над бунтами отборного хлонка
Нашей победы сияет заря!

Братство и дружба сплотили навеки
Наши народы в большую семью.
Ленина имя — на знамени нашем.
К счастью идем мы в едином строю.

1950

НАШИ СТАРИКИ

Эти белые бороды расчесывают ветра.
Эти чистые думы — как утренняя заря.
День трудовой начинается с самого утра:
Присматриваясь, проверяя и на заметку беря.
Песенки монотонные тихо поют старики.

То, что было и сплыло, жизненной смыто рекой,
Ведомо им, как орехи на дереве, наперечет.
Их ожидает долгий, заслуженный ими покой.
В почете и уважении жизнь стариков течет.
Словно чай с леденцами, ласку пьют старики.

Тысячу месяцев жизни, полных забот и труда,
Отпировав с ровесниками, с теми, с кем он рос,
Приумножив доходы, увеличив стада,
Целое стадо овечьё он отводит в колхоз.
Даже пери не знает, что знает старик.

Смысл тысячелетия слышен в его речах.
Поступь его внушительна, величественна она.
Опыта всенародного он — итог и очаг.
Мудрость сокровенная в нем до конца видна.
Общество украшает старик.

Горница, как фарфоровая, — так чиста и ясна.
В узелках, узелочках скоплено столько добра!
Редкостного гороха, богарного семени,
Семечки летней дыни обертывает кожура.
Розового хлончатника половина кулька.

Сколько знают умельцы, как премудры отцы!
Клад их воспоминаний ученого поразит:
Арбузы в годы Рыбы слаще, чем в годы Овцы.
Тля виноградишкам нашим в этом году не грозит.
Молодой ученый слушает старика.

Словно руке монета, послушна наша земля
Мудрому хлопкоробу с белою бородой.
То с отцовскою мощью он разрыхлял поля,
То с материнской нежностью их поливал водой —
Много вложил он труда.

Что же удивительного, если опыт его
Колышками золотыми наш урожай подпрет,
И ни жара, ни холод не сделают ничего:
Мы соберем достаточно в плохой и хороший год.
С хлопком будем всегда!

На огромных картах доброй, тучной земли
Зелень целует почву, колени свои преклонив.
С рокотом готовности машины ее облегли.
Окружили просторы наших полей и шив,
Как скатерть самобранную.

Сыновья и дочери, молодки и молодцы
Стелют дни и ночи, как большие ковры,
Чтобы на них ступили их дорогие отцы,
Знанием изобильны, опытом мудры,
Радуются и праздную.

Белые-белые бороды расчесывают ветра,
Полевыми дорогами шествуют старики,
Зрелостью хлопчатника интересуясь с утра,
Добрые вести про осень приносят нам старики.
Хлопка вдоволь добыто!

Сколько труда упорного каждый кустик таит!
Сколько ума и силы в каждую завязь вложено!
Радости урожая нам испытать предстоит.
Эта нежная песня ныне уже сложена
Братством науки и опыта.

1951

У МОГИЛЫ ХАМЗЫ

Пройдя тропой, тебе, Хамза, знакомой,
На мрамор твой я возложил цветы,
И с новой силой закипело сердце
На всех проклятых, с кем боролся ты.

Дурман ислама. Нашему народу
Принес он сотни мук и сотни бед.
Па что он нам? Свободному Востоку
Ни в нем, ни в англичанах нужды нет.

Цветы багряны. Это символ крови
Норвакских цепь неволи вековой.
Мы знаем, как в интернационале
Им предстоит еще последний бой.

Ну что же! Будем думать — не напрасно
С шипами эти розы... А для нас
Уже светлы и этот день и завтра.
Мы радостно встречаем каждый час.

Солдатам нашим памятники ставят
Во многих странах, многих городах.
Того, кто отдал жизнь во имя жизни,
Мы любим, помним, чтим, хоть он и прах.

Священный прах! Но есть иные люди.
У них святого нету ничего.
Я видел фото: бравый англичанин,
На сытой, гладкой роже торжество.

Вдали горит малайская деревня,
В дымах багровых неба синева...
В одной руке у парня сигарета,
В другой — отрубленная голова.

Девичья голова... Ох, и поныне
Трепещет сердце, как стальной клинок.
Настанет час: я на ее могилу,
Роняя слезы, возложу венок.

А палача ее, ее убийцу,
Сам вадушу, клянусь тебе, Хамза!..
На мраморе огнем пылают розы,
Роса на них блистает, как слеза.

Нет, не купцам-убийцам светит солнце.
Сиянье жизни не для палачей.
Оно для нас горит, оно корейцам
Шлет благодатный дар своих лучей.

Когда я говорю: сверкает солнце —
О Ленине я это говорю.
Не потому ль я каждый день как счастье
Встречаю лучезарную зарю?

Хамза, учитель! Я к твоей могиле
Принес цветы, душой и сердцем чист.
Я, как и ты, противник всех религий.
Сын своего народа, коммунист.

Я, как и ты, заклятый враг ислама —
Темницы сердца, кандалов души...
Ну вот и все. Прими стихи, учитель.
О, если б знать, что вышли хороши!

1952

МАТЬ

Как любой человек,
от любви происходит поэт.
Было так: я спеленат,
кто-то люльку тихонько качает...
Я не помню, конечно,
день, когда появился на свет, —
Все равно, благодарный,
ежегодно его отмечаю.
Знаю: слабым глазам
ширь земли недоступной была,
Мысль дремала,
подобна
еще расплавленным рудам.
Повитуху не помню.
Жаль, наверно, уже умерла.
Но ту грудь, что вскормила меня,
никогда не забуду.
Сорок лет, словно миг,
пролетели уже надо мной.
Мать, тебе бы увидеть
зрелость нашей отчизны родной,
Видеть новое солнце,
что над старой землей разгорелось.
Мать,
в достатке и в мире
живет нынче наша семья:
Дом как полная чаша, и дети,
как маки, цветущие в мае.
Я гляжу на кольцо — от тебя,
дорогая моя,
И пехитрым стихом
сегодня тебя помню.

1953

КАПЛЯ МЕДА

Друг, в капле меда вся весна
Отражена, как в капле мир:
Так пахнет яблоня, пежна,
Так пахнет сладостный инжир.

В ней сок, в пей сок наверняка
Ириса, груши, миндаля...
Ей принесла издалека
Все запахи весны земля.

А может — севера пчела
Через сестер передает
За сотни верст, в страну тепла,
Как эстафету, сладкий мед.

Ведь есть рябины горечь в нем,
Смолы сосновой аромат...
Горжусь я тем, что весь мой дом
В цветах. Что сам сажал я сад.

Взяв мед, в стране, где снег и льды,
Быть может, Арктики герой
Услышит аромат джиды,
Посаженной моей рукой.

И я собрал все для людей:
Цветы, любовь и вешний злов,
И светлый мир в строке моей,
Как в капле меда, отражен.

1953

ПРАЗДНИК ЧЕСТИ

Приходят дни торжеств. Опять в цвету долина.
Был в битвах и трудах заслужен праздник наш.
Веселые дары — искрящиеся вина
Нетерпеливо ждут золоточеканных чаш.

Хочу я кубок взять с отделкою старинной
И, выйдя из ворот кремлевского дворца,
Отправиться, как встарь, дорогою былинной
На резвом скакуне шумливого гонца.

Наполнить до краев сей кубок долгожданный
Да тост произнести, как триста лет назад,
Во славу братских уз, за мудрого Богдана,
За устремленный вдаль орлиный, зоркий взгляд.

Стих, собери в себе смысл этих трех столетий:
Что выше дружбы двух стальных богатырей?
Покуда время мчит, покуда солнце светит,
Волнуясь, видит мир пример достойный в ней.

За праздник общий наш хочу свой тост поднять я,
За щедрость наших нив, за красоту земли,
Где в радостном строю идут народы-братья,
Могучий русский брат — глава большой семьи.

Есть книга бытия. В ней первая страница
Принесит о весне ликующую весть.
Чудесным майским днем салютом озарится
Победы торжество — народов наших честь.

Спасенный нами мир как будто улыбнется,
Страхнет печальный груз, следы былых невзгод,
Так утренней порой от ласкового солнца
Светлеют облака, синее небовод.

Ловлю дыханьем всем прозрачный, ясный воздух.
После грозы ночной повсюду благодать;
Шумящая листва, травинки в светлых росах,—
Какое счастье жить и свежестью дышать!

Скажите, как не петь, как тут молчать поэту?
Когда весь мир поет — в стволах струится сок,
Когда любой листок сейчас стремится к свету,
И к морю ищет путь здесь каждый ручеек.

Кузнечики стучат, щебечет звонко птица,
Живое на земле — все тянется к теплу.
Даже калям ростка сквозь плотный грунт пробился,
Чтобы восславить жизнь, сложить весне хвалу.

Люблю, когда в саду цветущие деревья.
Легки халаты их на солнечных ветвях.
Деревья учат нас быть мягче и добрее,
Смотреть на лепестки и думать о плодах.

Мальчишка озорной, летит весенний ветер,
В арыке поднял зыбь, коснулся стройных ив.
Куда ни поглядишь — мир первозданно светел,
По-своему влюблен, порывист и красив.

Жить! Слово как призыв, как возглас всей Вселенной —
От солнца до росы — не ведая конца.
Жить — просит сердце,— жить! С мольбою неизменной:
Жить — жаждою одной наполнены сердца.

Весна родной земли вовеки не увянет,
Покуда время мчит, садам страны цвести.
А если тучей злой в безумстве враг нагрянет —
Весна грядущих дней сметет его с пути!

Весенняя пора. Волнуется долина.
Приходит майским днем любимый праздник наш.
Веселые дары — искрящиеся вина
Нетерпеливо ждут златочечанных чаш.

ПРИВЕТСТВИЕ ТАДЖИКСКОМУ НАРОДУ

Блестателен союз двух братьев, двух друзей —
Народов, любящих друг друга с давних дней!
Столетия назад, в глубокой тьме времен,
Вскормила Азия отважных сыновей.

Кто может различить Варахш и Панджакент?
Там те же горы снят меж синих водных лент...
Два имени у нас, два разных языка —
Но прям и краток путь из Душанбе в Ташкент.

Саудовских племен горячие сыны,
Мы узами родства спаяли две страны.
И если сын — таджик, сноха — узбечки дочь.
Из Бадахшана — мать; отец — из Ферганы.

Сливая звон стихов, как две речных струи,
Нам песнь поют одну Джамии и Навои.
Для нас разлуки нет, как нет для нас вражды —
Мы братья, сыновья одной большой семьи.

В торжественные дни приятно вспомнить мне,
Как подвигом своим мы помогли стране,
Историю творя, эпоху создавать,
Слепящую глаза всем недругам извне.

Да здравствуют все те, кем наш Союз велик, —
Украинец, узбек, казах, грузин, таджик
И русский — старший брат народов СССР!
Нас знамя Ленина сплотило в грозный миг.

Чтоб праздник племени таджикского воспеть,
Как волны Вахша, я хотел бы закипеть,
Чтоб, затопив Памир — сокровищницу стран, —
Два края братские слились навеки впрядь!

Как Авиценна, мысль в краю твоём мудра,
Прекрасна, как узор таджикского ковра,
И, как Камал, глубок поэзии язык, —
Прими же, друг, мой стих, сорвавшийся с пера!

Да наградит судьба тебя, Таджикистан!
Всех Табоширских гор обширней твой хирман.
Да будет славен твой усердный хлопкороб
На зависть всем врагам, на радость братских стран!

Когда пишу стихи я в честь твоей земли,
Я слышу аромат твоих мирсанжалы,
И, как фишашка, мой наполнен соком стих,
О дивный Гулистан, где розы расцвели!

Не сочностью плодов твой горд Ленинабад —
Гиганты в нём растут, он весь — цветущий сад.
Тысячелетний гнет нужды исчез навек,
И песни радости в устах людей звенят!

Когда я чувствую веселье или печаль,
В ушах моих звучит таджикская газаль,
Где каждая строка как тоненькая бровь
Дарбозских чаровниц, чьи очи как миндаль.

Ташкент и Душанбе! Два ярких маяка,
Чья слава на большом Востоке велика!
Как в небе две звезды пред утренней зарей,
Они сердца людей манят издалика.

Компартия! Тебя наш Ленин создал сам,
Чтоб ты народ земли учила чудесам.
Ты нас вела вперед, прислушавшись сперва
И к речи стариков и к юным голосам.

Да здравствует твой свет, зажженный нам во мгле!
Да здравствует заря коммуны на земле!
Хочу, чтоб вечный мир царил в моем краю —
В цехах, у очагов, в столице и в селе.

Ты четверть века жил, Таджикистан, по нам
Пришлось прожить года, подобные векам!
Тебе узбекский край шлет жаркий свой привет —
Его передает поэт Гафур Гулям!

ЛУЧШАЯ МОЯ СТРОКА

Как мотыльки, мои ребята
Весь день порхают во дворе,
Их покрасневшие лица
Светлей, чем небо на заре.

Один закашлялся случайно —
И я встревожен, я смущен.
Другой опять исчез куда-то, —
Гляжу с испугом: где же он!..

Ах, мотыльки мои! Вы краше
Тюльпанов в нашем цветнике,
Ну где же спрятались вы снова,
В каком укромном уголке?..

Так целый день на ваши игры
Любуюсь я исподтишка,
И ваше свежее дыхание —
Как лучшая моя строка!

1955

БУМАГА

Какими словами тебя воспою,
Мой друг бескорыстный, бумага простая!
Как пылкий влюбленный подругу свою,
Я взглядом тебя восхищенным ласкаю.
Чиста ты, бела, как белки моих глаз,
А точка в конце, как зрачок, оживает.
Газель иль поэму пишу — всякий раз
Твой шелест мне тысячи дум навевает.
Ты — поле сраженья для слов-храбрецов,
Что водит в атаку поэт-полководец,
Арена для игр молодых удальцов,
Что выкопать могут иголкой колодец.
Хочу жемчугами опять и опять
Твою серебристую грудь украшать!

1955

ЗНАМЯ НАДЕЖДЫ

Красотой своей неброской так понятны и близки
Скромные цветы улыбок, дорогие цветники.
Нам они приносят радость и манят, как огоньки.
Многие еще в бутонах, оболочки им тесны,—
Солнечны, неутомимы на земле шаги весны.

Трудятся простые люди. Родина — цветущий сад.
Яблони-дички привиты. Подрастает виноград.
Кто-то режет шелковицу, кто-то кипятит гульканд.
Хлопкороб шагает в поле. Ласково его рука
Гладит тонкий стебель хлопка, на котором три листка.

У речного водопада зазвенел листвою тал.
Вечер. Луная прохлада. Час заветных встреч настал.
Дед седобородый внуку «Мир» — такое имя дал.
Верно, именем высоким назван мальчишка неспроста:
В мире жить — мечта народов, вековечная мечта.

Разве можно задохнуться воздухом родной земли,
Тесной клеткою для сердца свои ребра станут ли?
Только бы на свете люди вольно жить, любить могли...
Грохот дальних континентов слышен с четырех сторон —
То ли это гром весенний, то ль многоголосый стон?

На земле еще поныне есть края, где правит гнет,
Все сильнее по черным спинам в том аду плантатор бьет.
Преступлениям злодея, кажется, потерян счет.
Внешне он благообразен. С человеческим лицом,
Господин в зеленой форме, бьющий дьявольским кнутом.

Никогда умершей тени с тех камней не оторвать,—
Хиросимы тень сквозь время снова будет проступать,
Над умершей тенью Память, словно плачущая мать...
Средь руин на пепелищах строят мрачные творцы
Горестных скорбей жилища, безысходности дворцы.

Будто эта чаша горя у народов не полна:
Благоденствуют тираны, и вокруг — разбой, война.
Над поверженной Европой вновь пожаров пелена.
Рим горит. Костры Перона. Кровью залита заря.
Смута. Выстрелы. Погромы. Казни. Тюрмы. Лагеря.

Взять бы и рывком все цепи на груди земли снести,
Страшные дворцы разрушить, крепость мира возвести,
Проводя к единой цели человечества пути!
Не убить людской надежды. Встанут тысячи преград,
Но она светлей, чем прежде. С ней сердца стучат в набат.

Это будет — скоро всюду победит свободный труд,
Вольные народы-братья счастье жизни обретут.
На одну большую стройку люди всей земли придут.
Утолят в пустынях жажду воды рукотворных рек,
Над ростками-деревцами наклонится Человек.

Расцветет лицо планеты в ярких солнечных лучах.
Для грядущего сиянье ночь не будет омрачать.
Мгла ночная озарится лампочками Ильича.
Ветер шумный, ветер свежий веет доброю весной,
Знамя мира и надежды гордо реет над землей!

1955

ВЕЛИКОМУ ИНДИЙСКОМУ НАРОДУ

Внжу

тобою влетенные нити я
В летописей золотую парчу.
Рядом с Китаем

спяла ты, Индия,

В гимне

тебя я восславить хочу!
До Магомета еще, до Конфуция
Сокровища духа хранились тобой.
Хотел бы стихами своими коснуться я
Сердца народа,

принявшего бой.

Как слон, терпеливая и величаявая,
Шествуешь ты

к золотым берегам.

Пусть песнь о тебе

переполнится славою,

Так же, как водами

солнечный Ганг.

Алай и Урду

(как гласило предание)

Топтали сады твои,

жадны и злы.

И тебе красота

приносила страдание,

Твое золото шло

на твои кандалы.

Народ словно слон:

тих, но страшен он в ярости.

Страшен твой Ганг, если бурю взметет.

Нынче враги на тебя не позарятся —

Сбросил ты рабства проклятого гнет!

Грабить священный твой дом не осмелятся

Заморские гости

со львом на гербе.

СЛАВУ ЛЕНИНУ, ПАРТИИ СЛАВУ ПОЮ

Я, узбек, на кремлевской трибуне стою,—
Ты, Советская власть, мне дала это право!
Я великую партию славлю свою,—
Ей народ мой обязан всесветною славой.

Не могло и присниться отцу моему,
Чтоб держал свою голову так высоко я,
Ленин дал эту гордость мне,— слава ему!—
От светлейшего солнца мне счастье такое!

Братской дружбы взрастили мы в мире цветы;
Золотым кирпичом нашей родины зданье
Довели до невиданной мы высоты,
Укрепив небывало его основание.

От позорного рабства избавив людей,
Делом чести мы сделали труд человека.
Свой у каждого путь среди многих путей,—
Хлопководство — вздревле дорога узбека.

Чтобы семечко хлопка пустило росток,
За весной миновать лету с осенью нужно;
Чтобы золото выдал нам хлопка цветок,
Светом глаз облучать мы должны его дружно.

Как своих земляков тут приятно встречать!
В сердце радость поет, как веселые трубы.
Кумрихон! Твои косы цветами венчать
Здесь, в Кремле, мне сегодня особенно любо!

И тебя как я счастлив тут видеть, Шермат,—
Своего Избаскента ты слава и чудо!
На узбекских полях — всем отец я и брат,
Все мы дочки и сестры, и гость я повсюду.

Вы, что здесь заседаете нынче в Кремле,
Вы, чей хлопок в стране, словно золото, ценен,
Вы — счастливейшие из людей на земле:
Ведь сюда пригласил вас бессмертный наш Ленин!

Кто в голодной степи свет науки возжег?
Это ленинский гений и Ленина подпись!
Кто свободы завет, великан мой — Восток,
Начертал на груди твоей жемчугом строк?
Это ленинский гений и Ленина подпись!

Мы растем, и наш хлопок растет что ни год,
Мы работаем, знания и силы утронв.
Щедро партией ты награжден, мой народ, —
Мы имеем и дважды и трижды героев!

Ты, Ташкент мой, — ворота Востоку всему,
А Москва, наша мать, — средоточье Вселенной.
Нам дала она мир — и несем потому
Знамя мира народам и дружбы священной.

Как чиста Алишера совесть и стих,
И как светел в столетиях ум Улугбека,
Как горячая кровь древних предков моих,
Что бурлит в моих жилах поэта узбека.

Наша братская дружба чиста и светла,
Мы от ленинского не отступим завета,
Нас забота о мире сюда привела —
И об этом, друзья мои, слово поэта!

Хлопок стал знаком дружбы на мирном пути,
Он принес для узбекских дехкан изобилье.
Окрыленный народом, ты, стих мой, лети
И народ вдохновляй, чтоб тебя не забыли...

Размышляя о будущем, здесь я стою —
И рокочут, ликуют души моей струны.
Славу Ленину, партии славу пою,
Приношу им спасибо с кремлевской трибуны.

1956

ЛЕНИНУ

Шумят
согретые солнцем
травы,
Их шум
словно ода
солнцу весны.
Истоки
бессмертной ленинской славы
Идут
из народных сердец
глубины.
Он нашу свободу
навек нам отдал,
И сердцем горящим
он путь осветил
Для малых
и для больших народов —
Для русских,
индийцев,
болгар,
осетин,
Он партию коммунистов создал,
Что знамя свободы
несет до конца.
Мы славим
свободы высокие звезды.
Мы отдали
делу коммуны
сердца!
Он жив
в нашем деле
и в нашем дыханье,
Он в наших умах,
в наших душах живет.
Имя его знает каждый дехканец,

Ученье его помнит каждый народ.
Узбекский поэт я, народа певец,
И сердца мое та же радость волнует,
Что полнит сейчас миллионы сердец,
Что нам осветила дорогу земную.
Народ мой вершины науки постиг,
Он духом окреп, и душою он вырос.
Придет коммунизма сверкающий миг,—
Ведь занят народ новостройкою мира.
Мы ленинским братством соединены
С великой Россией, с могучей страной.
Спасибо народы сказать ей должны,
Нам всем она стала сестрою родною.
Все Ленина помнят, кто молод иль стар.
Везде виден свет его ясный и добрый.
Когда б я имел вышивальщика дар,—
На себе я вышил бы Ленина образ!

1956

МАТЕРЯМ

Справляют праздник женщины,
 кругом весенний свет,
И я держу застенчиво
 в руках большой букет.
Нашел цветы, купил цветы
 и стал среди пути:
Не знаю я, кому мои
 цветы преподнести.
Я б девушке-красавице
 поднес охотно их,
Да вот боюсь, обидится
 идущий с ней жених.
А там — еще красавица.
 Не подарить ли ей?
Кругом так много девушек,
 одна другой милей!

Вот смелой гордой поступью
 веселый пир справлять
Идет хозяйка праздника —
 семьи счастливой мать.
В ней красота особая,
 она полна забот,
Принадлежит по праву ей
 букет мой и почет!
Шестою пятилеткою
 живет моя страна;
Той пятилетки первая
 приходит к нам весна.
Приходит хлопотливая,
 как мать большой семьи,
Осматривает весело
 владения свои.
Лирическую песенку
 я нынче спеть хотел,

Но мне сейчас так весело,
и столько в мире дел!
Беззвучно в поле хлопковом
поет любой побег...
Пусть распевают юноши,
а я уж прожил век!
Теперь могу я лишь смотреть
на их веселый рой
И головой покачивая,
следя за их игрой.
Детьми когда-то были мы —
отцами стали мы.
У нас богатство опыта,
солидные умы.
Нельзя пускаться в пляску нам,
пора уже не та:
Ведь сдержанности требуют
солидные лета.
Да, мы — отцы и матери
могучих сыновей
И добрых и старательных
красавиц дочерей.
А жизнь большая пройдена,
и велики дары,
И, как объятья родины,
дела у нас щедры!
Минуты — это зернышки,
а годы — жернова.
Чтоб стал румяным счастья хлеб,
ты труд вложи сперва!
Двадцатым съездом партии
проложен к счастью путь.
И говорят нам матери:
трудись и счастлив будь!
Работницам старательным
даются все права.
Вперед, хозяйки-матери!
Засучим рукава!
Отчизна все прекраснее,
все больше в ней чудес.
Растут по плану Ленина
ряды колхозных ГЭС.
И труд колхозных матерей
повсюду засверкал.

Он светит нам яснее дня
и ярче всех зеркал.
Вы, труженицы-матери,
дорогою труда
Ведете нас, как яркая
Полярная звезда.
В любых делах закваска вы,
и ваш пример хорош,
Уверенно и ласково
он учит молодежь.
И вы не устаете всем
доказывать всегда,
Что в нашем светлом обществе
нет счастья без труда!
Нет! Лучше вас, милее вас
на свете женщин нет;
Вам, труженицы-матери,
я подношу букет!

1956

ПОЭТ — ПОЭТУ

Памяти Саеда Вургуна

День ото дня все ярче в небе моей страны
Звезды труда и славы светятся с вышины.
Все дальше несет поклажу — историю многих стран —
Медленный, нескончаемый времени караван.
Не только жестокою повесть крови, борьбы и слез —
Он к нам голоса поэтов из древних времен донес.
Всюду — в степях раздольных
И в крепких объятьях гор —
Поэзии вольный голос слышится до сих пор.
Где сохнет любви источник, нет счастья, нет красоты,
Где смолкнут стихи и песни, нет радости, нет мечты,
Но светочи вдохновения сильнее, чем тлен и тьма, —
Вот почему поэзия вечна, как жизнь сама!
Долго сжимал нам горло ислама аркан,
Ржавчиной наши души едкий покрыв обман.
Думали слуги аллаха, что смогут в конце концов
Навсегда упрятать в клетку смелую жизнь певцов.
Но тусклой, свинцовой тучей солнце не потушить,
Заветные струны сердца угрозами не заглушить.
Упрямо, как с гор весною клокочущие ручьи,
Текли соловьев-поэтов газели и рубаи.
Бессмертны, как жизнь остались,
Чтоб вечно дружить с людьми,
Торжественные дастаны премудрого Низами...

О мой по крови близкий, по духу родной поэт,
Не хватит ли вспоминать нам о горестях прежних лет?
Вечно живи в народе, звонкий певец труда,
Будь как на небе славы утренняя звезда,
Будь, как душа ребенка, доверчив, чист и пытлив,
Будь, как глаза героя, бесстрашен и прозорлив,
Будь бескорыстно щедрым в строгом своем труде,
И слово твое правдивое отклик найдет везде!

Враги из-за моря скалятся — стая голодных львов,
Нас запугать пытается их разъяренный рев.

Но побеждает в схватке не ярость, а правда —
Ленинской мысли пламя, ленинская мечта!
Мы долго брели вслепую, пока не зажглось во мгле
Солнце алмазной правды — единственной на земле.
С тех пор мы крутым и трудным,
Но самым прямым путем
К орлиным вершинам счастья народы свои ведем.
Победоносное знамя крепко мы держим в руках,
Слава деяний наших будет снята в веках,
И направляет силы наших умов и рук
Мудрая партия Ленина — лучший наставник и друг.

Партией ты воспитан, партией вдохновлен,
Вот почему твой голос так звучен, горяч, силен.
Горным ручьем гремит он, вливается в нашу жизнь —
Твой вдохновенный голос, славящий коммунизм.

В сердце перебирая лучших друзей моих,
С гордостью имя Вургуна я назову среди них.
С ним я в одну эпоху боролся, любил, творил,
С ним я до поздней ночи о будущем говорил.

1956

СТРОКА БУДУЩЕЙ ПЕСНИ

Огромная, как ленинская правда,
Заря взошла...

Гремя, пришла весна.
Мы вышли на поля. Нам труд — отрада.
Бегут, поют ручьи, не зная сна.

Любовь народа, свергнувшего цепи,
Способна мир огромный охватить.
Мы провели каналы, чтобы степи
Водою изобильно напоить.

И если сердцем впрямь ты полн стремленья
Пробыть на пире весен до зарп
И чтоб окрепли крылья вдохновенья —
Иди на Мирзачуль мой посмотри!

В нем символ мощи моего народа!
Где нашей воле творческий порог?
Да нет его!

И отражают воды
В ночи сиянье ГЭС, как шабчирок.

Мы обуздаем прав природы дикой.
ГЭС эта — часть великого всего...
Но свет в ней вечный партии великой,
Труда и воли нашей торжество.

Во мгле синеют дальних гор отроги,
Живые воды плещут и блестят,
И тополя густые вдоль дороги
О нашей новой славе шелестят.

Все будет —
ток, могучие машины,
Порука в том — наш небывалый взлет...

Грядущее — за нами!
До вершины
Недалеко. Вперед, друзья, вперед!

Бульдозера громадина стальная
Гудит, грохочет...

Видя подвиг ваш,
Скажу, друзья:
жить вам, нужды не зная,
И мир и счастье пить из полных чаш.

1957

ЛЕНИН

В счастливый день рожденья Октября
Все ощутимей и прекрасней свет
Твоих идей. Тебе благодаря
Идем мы смело крутизною лет.

Ты рядом с нами, Ленин. Ты всегда
Как жизнь сама, как солнечный восход.
В дни битв лихих, в дни мирного труда
Твой голос нас к свершениям зовет.

Как много для людей ты отдал сил,
В грядущее бесстрашно устремлен.
Ты бедняков земли объединил,
Грозою озаря небосклон.

Издравле для возвышенных умов
Понятным было: мир печален, сир.
А ты,— пришедший с волжских берегов,
Сказал, как надо перестроить мир!

Народы постигали по слогам
Значенье мудрых слов, мечты разбег.
В деяниях твоих открылось нам
Величие понятия: Человек.

Горбатые, мы встали в полный рост,
Смиренные, познали непокой.
И в сумраке до чуть мерцавших звезд
Мы доставали мысленно рукой.

Не стало рас, религий и границ.
Точно туман, в глазах растаял страх.
Рабы разбили цепи и гранит
Темниц и тюрем обратили в прах.

Свободный труд людей преобразил,
С усталых лиц ночьюю коготь стер,

В мозолях черных руки окрылил
Всем бурям и ветрам наперекор.

Мы, как растенья, чувствуя тепло,
От солнца вешнего тянулись ввысь, росли.
Пли ходоки. Твое тепло влекло,
Звало их с четырех сторон земли.

Ты верил, как учитель, садовод:
Придет к народам зрелости пора.
Живая завязь обратится в плод
Всеобщей справедливости, добра.

Огромен Запад, и Восток велик.
Луч света расколел на части ночь.
Сквозь окна-щели в хижины проник
Больным и обездоленным помочь.

Дремоту разогнал багрец небес,
Предвестник дня, как наше знамя, ал,
Восстала в гневе Азия. И здесь
С трибуны времени ты, Ленин, выступал!

Неудержимо от сердец к сердцам
Стремилась революции река.
Восстала в гневе Африка. И там
Ты, Ленин, призывал с броневика!

Гудел, метался и бурлил поток,
Как полноводный и могучий Нил.
Идущим по труднейшей из дорог,
Борцам за счастье, жажду утолил.

Вдали от нашей солнечной страны
Своим родством с тобой всегда горды,
Надеждою одною сплочены,
Мужают стойких ленинцев ряды.

В счастливый день рожденья Октября
Все ощутимей и прекрасней свет
Твоих идей. Тебе благодаря
Идем мы смело крутизною лет.

Верны коммунистической судьбе,
Мы победили вековую тьму.
В победный час обращены к тебе —
Учителю родному своему!

НАМАНГАН

У стариков и молодых, чуть речь зайдет про Наманган,
Как будто сладость с языка медвяная течет.
Особенное солнце здесь; чудесней нет на свете стран,
Румянец нежный на щеках не вянет круглый год.

Кто захотел набраться сил, сюда весною приезжай,
Хоть ненадолго позабудь заботы и труды.
В себя влюбляет с первых дней
Благословенный этот край —
Его долины, гребни гор, тенистые сады.

Твою усталость и печаль смывает свежести поток,
Как будто с зеркала души смывается налет.
Ах, наманганские сады! Здесь воздуха любой глоток
Рождает юношеский пыл и бодрость придает.

Жизнь не купить и не продать,
Она уходит с каждым днем,
А здесь: живи себе, живи, пока не надоест.
Душа, как чаша, до краев нальется солнечным вином,
Слов не найдется передать всю прелесть этих мест!

Здесь воздух чист, всегда душист и золотист,
Как свежий мед,
А воды глубоки, ясны, как думы Навои.
Нет, то не ворот рвет Меджнун и не певец Машраб поет,
То, скалы тесные прорвав, поют в горах ручьи.

Кто хочет наяву найти источник юности и сил,
Пусть отправляется в Чартак — к целебным родникам,
И горечь, что за сорок лет в своей душе ты накопил,
Исчезнет с первого же дня и растворится там.

Как ты приветлив, Наманган, земли укромный уголок,
Благословенный климат твой ни в чем не упрекнуть,

И страпник, весь огромный мир пропедший
Вдоль и поперек,
Наверно, счастлив будет здесь окончить долгий путь.

Но солнце, воздух и вода тогда лишь пену обретут,
Когда хозяин-человек в цветущий мир придет,
А счастлив будешь, лишь когда и жизнь твоя, и труд
Не для тебя — для всех людей принесат добрый плод.

Да, мы живем в прекрасный век!
Плодами радостных трудов
Украшен родины моей обильный дастархан,
И в ожерелии страны среди яхонтов и жемчугов
Бесценным перлом ты горишь, любимый Наманган.

Все сказочней из года в год тебе цвести и зеленеть,
Благоухая в чаше гор, как сладостный шербет.
Слагая оду в честь твою, хочу я полной грудью петь,
Как в золотые дни любви, как в восемнадцать лет.

Чтоб садоводам петь хвалу, их удивительным трудам,
Гранатовое деревцо я в сердце посажу.
Инжиру, персикам, айве—твоим бесчисленным плодам—
Я тоже гимн хочу сложить да слов не нахожу.

Уже не раз я объезжал твои красавицы кишлаки,
Смотрел, как трудятся, живут хозяева полей.
О жизни будущей творцы, мои друзья и земляки,
Я ваши имена внисал в тетрадь души моей.

Чудесна жизнь, прекрасен век! Бурлит, не зная берегов,
Народных сил, свободных сил счастливый океан,
И в ожерелии страны среди яхонтов и жемчугов
Бесценным перлом ты горишь, любимый Наманган.

1958

ТВОРЦАМ СЕМИЛЕТКИ

Семилетье великое
 радостно славить поэту,
Первый год завершила
 с победою наша страна.
Нашу мощь, миролюбие наше
 явили мы свету.
Наша цель —
 процветанье и мир.
 Нам война не нужна.

Где-то путь эллиптический
 созданной нами планеты...
Вымпел наш утверждён
 на просторах пустынной луны.
Древний космос штурмуют
 могучие наши ракеты.
Наши дни
 новым смыслом,
 прекрасным и ярким, полны.

И покрылась земля
 одеялом зимы необъятным,
Дремлют мирные всходы —
 залог урожая — под ним,
И наступит весна
 и пойдёт по полям благодатным.
Горы белого хлопка
 стране мы под осень сдадим.

Экскаваторы трудятся,
 как исполины, в разрезах.
Открывает все шире
 для нас свои недра земля.
Что ни день, то все больше
 Отчизне угля и железа,

И все больше машин
помогать нам идет на поля.

Разве можно сравнить наши дни —
оглянься на бывшее,—
Разве дни наши можно
с печальным минувшим сравнить!
Посмотри, как работают
люди простые — герои,—
Чтоб земля расцветала,
чтоб всем было радостно жить.

Слава нашим ученым!
Сияющий светоч науки,
Разгорайся все ярче,
как солнце, народу свети!
Это гений народа,
и взгляд прозорливый, и руки
Сами чудо творят,
в коммунизм пролагая пути.

Ветет запахом почек
порывистый ветер весенний.
Все светлей и синей
над великой страной небосвод..
Это светит нам вечный,
немеркнущий Ленина гений,
Это партия к светлому счастью
народы ведет!

1958

САЛАМ ВЕЛИКОМУ МИРУ

С молниеносной быстротой, сверкнув падучею звездой,
«ТУ-104» прилетел в наш древний город Шаш.
Тебя воспел Фирдоуси, к тебе стремился Низами,
Сам Искандер тебя не взял, о славный город наш!

Сюда, в чудесный город-сад, слетайтесь, новые друзья,
С Мадагаскара и Бали — со всех концов земли.
Посадочной дорожкой вам да будет искренность моя,
С волнением радостным в сердцах мы встретить вас
пришли.

Вот у ворот в аэропорт, огнем весны озарена,
Стоит и дочь моя Ташхон, к груди прижав цветы.
Весь мир цветами затопить сейчас хотела бы она,
Как два доверчивых цветка, глаза ее чисты.

Друзей встречая дорогих, стоит седой Гафур Гулям,
Настало время теплых встреч и добрых новостей,
И сердце голубем из рук летит, друзья, навстречу вам:
Салам тебе, великий мир, приславший к нам гостей!

1958

ГРАНАТ

В руке я держу намавганский гранат,
на маленький глобус похожий,
В нем лучшие соки узбекской земли
под темной бугристой кожей.
А станешь за зернышком зернышко есть,—
граненые, словно рубины,
Багряною влагой они освежат
души утомленной глубины.
Любой, кто заглянет в мой дом или сад,
становится гостем желанным,—
Сегодня собратья мои по перу
сидят за моим дастарханом.
Пришли они за프로сто нынче ко мне,
как ходят соседи к соседу,
И слушают яблони в старом саду
застольную нашу беседу.

Горжусь вашей дружбой, создатели книг,
созвездье певцов и ученых,
Ведь каждая книга — открытие миров,
лучами любви озаренных.
По-братски сидят в нашем тесном кругу
и гости из стран зарубежных,
И мы говорим о сегодняшних днях,
суровых, прекрасных, мятежных.
Над всею землей, через гребни хребтов
и грозную зыбь океана
Листки из тетради свободы несет
могучий порыв урагана —
Листки телеграмм, долгожданных вестей,
туман разрывающих в ключья...
Да здравствует утро свободных времен,
да сгинут псадия ночи!
Порой хоть немного захочется мне
от жизненных бурь отрешиться,

И в солнечной комнате с веткой в окне
шуршат мотыльками страницы.
Подобно Хафизу, тончайшим пером,
склонясь над заветной тетрадью,
О мирном досуге, впе и любви
пытаюсь газели слагать я.
Но вихри эпохи врываются в дом:
мне видятся джунгли и скалы,
Вьетнамская девушка в форме бойца
нахмурила брови-кинжалы.
Я стар, для сражений уже не гожусь,
но сердце клокочет упрямо:
Проклятье убийцам, позор палачам
и слава героям Вьетнама!

Сидят за моим дастарханом друзья,
день ясный, осенний, погожий,
В руке я держу наманганский гранат,
на маленький глобус похожий.
И я обращаюсь к гостям дорогим,
к созвездью певцов и ученых,
Чьи книги пылают лучами надежд
и кровью сердец раскаленных.
Как дедов молитвы, как песнь матерей,
как внуков младенческий лепет,
Как волны могучей моей Сырдарьи,
как птичий восторженный щебет,
Так будет, клянусь вам, и чист, и правдив
мой тост перед дружеским тоем:
Добро к нам пожаловать в гости, друзья,
дома и сердца вам откроем!

Я сам эти пышные розы сажал, —
и вы посмотрите: любая
Могла бы в девичьей прическе пылать,
достойно ее украшая.
И каждый бутон в этом скромном саду
как сердце в тоске ожиданья,
Как знак, что друзей я забыть не могу
и братского жажду свиданья.
Индийский ученый, арабский поэт,
добро к нам пожаловать в гости,
Докучное бремя забот и тревог
на этом пороге отбросьте.

Различные наций, одежд, языков —
для дружбы ничто не помеха,
И вам на большом караванном пути
желаю большого успеха.

Души я открою для вас тайники,
мой жребий поистине светел:
Одною дорогой с народом я шел
и правду великую встретил.
Все в жизни познал я: и радость, и скорбь,
с врагами смертельные схватки,
А ныне счастливую старость свою
встречаю в почете, в достатке.
В руке я держу наманганский гранат,
на нашу планету похожий,
Сидят за моим дастарханом друзья, —
что может быть в жизни дороже?
Цветите, сады, наливайтесь, плоды,
сердец умножайте богатство!
Да станет земля — наш чудесный гранат —
планетою дружбы и братства!

1958

К НАМ ПРИЕЗЖАЙТЕ ПОГОСТИТЬ, ДРУЗЬЯ!

Когда вы будете в Узбекистане,
То, как бы вы с дороги ни устали,
Я знаю, каждый звать вас в гости станет
Радушными, пелживыми устами,—
Но в первый дом входите в мой, друзья!

Гафур Гуляма знаете, конечно!
Мой адрес даст в Ташкенте каждый встречный.
В мой дом входите, я вам рад сердечно!
Без проволочек — жизнь так быстротечна —
Ко мне шагайте, я вас жду, друзья!

Мой садик — ваш! Пусть только скрипнет
дверца!

На грядках зелень мяты, кинзы, перца,
Вот свежая вода, вот полотенце,
А вот открытое вам настезь сердце!
И в сад и в сердце вас пушу, друзья!

Над огородом я для вас трудился,
Всего к столу нарвать распорядился!
На что б хозяин иначе годился!
Жаль только вот, шафран не уродился,
А остальное — ваше все, друзья!

Цветов хотите? И цветы есть тоже,
То цвета неба, то на кровь похожи,
То все в росинках на прохладной коже...
Но нашему обычаю, заложим
Но красной розе за ухо, друзья!

Ковер постелим и, чтоб слаще отдых,
Подушки бросив в шелковых разводах,
Прогнав печаль, забывши о невзгодах,
На языках пятнадцати народов
Споем, что в голову придет, друзья!

Кто детям рад, кто без детей скучает,
Зятьев и снох в придачу получает,
А там и внуков на руках качает...
Под детский крик по пиалушке чая
До ужива не вышить ли, друзья?

Я в юности еще пришел к решению:
Дом без детей как стол без угощения,
Как шар земной без вечного вращения!
За шумный дом свой не прошу прощения!
Мы сами будем в нем шуметь, друзья!

Вином и мясом пахнет синий воздух.
Стол как земля, а вы вокруг как звезды!
Вот наш инжир, вот винограда грозди!
Лепешки теплые, пока не поздно,
Я по куску вам отломлю, друзья!

Горит очаг, смешав в домашнем дыме
Дыханье сада с ветерком пустыни.
Вот персики с бочками чуть седыми,
Но раньше их давайте взрежем дыню!
Мы в этом не раскаемся, друзья!

Теперь, когда уже всерьез сидим мы:
Отведайте самсы, казы, нарына!
Пусть их названия непереводимы,
Но, чтобы суть понять, необходимо
Их все попробовать, друзья!

Вино у нас домашнее, густое,
В нем слиток солнца плавает в пастое.
Есть предложенье, самое простое:
Без лишних слов кувшина дно пустое
В кратчайший срок исследовать, друзья!

Вот вносит Муххарам, моя супруга,
Два блюда с пловом, два горящих круга!
Она прикладывает к сердцу руку,
И не спеша плывет от друга к другу,
И к плову приглашает вас, друзья!

А после плова, за зеленым чаем,
Мы к берегу поэзии причалим:
Фуркат, и Пушкин, и Джами вначале,

Ну, а потом, друг другу отвечая,
И что-нибудь свое прочтем, друзья!

Есть ваши книги у меня на полках,
Есть и мои. Взгляните втихомолку:
Писал я много, жил довольно долго,
И сколько их, я сам не знаю толком,
Пусть, если захотят, сочтут друзья!

Я заболтался! Время пролетело!
Душа бы вечно бодрствовать хотела,
Но, к сожаленью, спать желает тело...
Ночуйте здесь! Мы быстро это дело
Устроим каждому из вас, друзья!

Кто помоложе, тем ковров наносим,
Кощу в саду, под абрикосом, бросим,
Молодоженов на чердак попросим:
В Узбекистане ведь такая осень,
Что простудиться мудрено, друзья!

Итак, устами старого поэта
Я вас зову, прошу запомнить это.
Пусть издали, пусть даже с края света,
Хотите — осенью, а не боитесь — летом,
К нам призжайте погостить, друзья!

1959

ПОЙДЕМ СО МНОЮ РЯДОМ

Ярче бархата тюльпановый простор.
Перед ним рисунок ткани — сущий вздор.
Здесь естественность — о ней и разговор.
Час цветенья, чья-то песня возле гор.
Черноглазая, сама ты как весна.

Твои щеки от смущения горят.
Сладость меда на губах и аромат.
Хмуришь брови, но не скроешь нежный взгляд.
Убегаешь — возвращаешься назад.
Но скажи, куда путь держишь ты одна?

Всколыхнулось мое сердце, как родник,
А в ответ твое забилося в тот же миг.
Сколько радости, волненья скрыто в них,
Два ручья бегут, давай догоним их!
Только внешне ты грустна и холодна.

Оглянись и посмотри по сторонам:
Вся краса земли и неба — это нам.
По тропинкам побежим и по холмам,
Счастье юности разделим пополам.
Говорят, дорога жизни так длинна...

Не устанет тонкострунный, звонкий саз,
Выручающий влюбленных всякий раз.
Он мелодией простою, без прикрас,
Сокровенное признание передаст.
Ты послушай, как поет, звеня, струна.

Будь со мною. Не дразни, не обещай,
Как росу, желанных чувств не иссушай.
Скоро лето. Полон зноя южный край...
Приходи, пока вокруг бушует май,
Черноглазая, сама ты как весна!

МАЙСКИЙ ПРИВЕТ

Выйду в поле на заре весенней
и гляжу — никак не нагляжусь,
Запах свежих трав доносит ветер,
и дышу — никак не надышусь.
Сам ли я свирелью стал певучей
иль сумел постичь ее напев —
Чуть светает, жаворонкам вторю,
от лучей рассветных опьянев.
Не узнать сейчас долин знакомых —
разоделись в красочный наряд,
Листья на тутовниках могучих
шелком переливчатым горят.
Но не только щедрая природа
в эти дни справляет праздник свой,
Начался разгар страды весенней —
бурный праздник жизни трудовой.

Свежие, тугие, в три листочка,
всходы хлопка дружно шелестят,
На дехкан с улыбкой детской смотрят
и сказать «спасибо» им хотят.
Оглянись — узорными коврами
с четырех сторон поля легли,
И летит с приветом майский ветер
к вам, друзья, — к хозяевам земли.
Голубцы из виноградных листьев,
сытный плов да с луком пирожки —
Это деловито, прямо в поле,
завтракать уселись земляки.
И блестя на их морщинках добрых,
пропикая в тайники сердец,
Всю долину утреннее солнце
затопило из конца в конец.
Свод — лазорев, край земли — пурпурен,
зелены чинары вдоль реки —

Будто радуга течет мне в душу
сквозь мои орлиные зрачки.
Петь начну хвалу земле и людям —
весь я перелиться в песнь готов,
И, как чаша чуткого тамбура,
грудь полна созвучий до краев.
Но возможно ль выразить словами
прелесть этих утренних минут?
Словно радость первых поцелуев —
столько свежих сил они дают!
Угрызений совести не ведать —
вот в чем вечной юности секрет,
Чтить, как мать, свою родную землю —
вот сыновней верности обет.
Годы — караван неутомимый,
стрелы мыслей вдаль устремлены,—
Да, друзья, в большое семилетье
мы вступаем с нынешней весны.
А придет пора — еще увидим,
пусть уже на склоне наших лет,
Крыльями обнявший всю планету
коммунизма радостный рассвет!
В эти дни на вас, мои родные,
я гляжу — никак не наглажусь,
Выхожу в простор полей весенних
и дышу — никак не надыхусь.
Кровь стучит по-юношески пылко,
не беда, что голова седа,
Славит сердце старого Гафура
майский праздник мира и труда!

1959

Живых твоих строк
никогда не пройдет обаянье.

Как в зеркало я погляделся
и затосковал:
Я весь поседел, словно хлопок...
Ровесник мой, где ты?
Где дни, когда ты под дутар
за столом запевал?
О верный соратник,
о искренний в песнях мой, где ты?

Добро, что я вижу все новых и новых друзей
среди учеников...

Их беседы —
мое утешенье;
Пусть жизнь моя повести древней
Хорезма длинней.
В их спорах горячих —
мое и твое продолженье.

Тебя они благодарят, о мой брат
Алимджан!
От сердца тебе говорят:
— Рахмат, Алимджан!

1960

ИСТОЧНИК ЛЕНИНА

Когда козленок джейрана,
отбившись от стада в пустыне глухой,
Измученный жаждой,
бредет, материнские ищет следы
И вдруг увидит оазис
с зеленой травой, с журчащей водой,
То как ему дороги
каждый листочек, каждая капля воды!

Не так ли народ мой,
многострадальный, древний народ,
Спасен был Россией
от губительной бури в пустыне времен?
И силу и мудрость
из источника ленинской мудрости пьет,
И стал не последним
в саду человечества он.

Настала пора,
о которой великий учитель мечтал:
Гражданская честь нам к лицу,
современник, товарищ и друг!
Достоинство наше
блистает, как твердый кристалл.
И жизнь расцветает —
что ни утро, то ярче вокруг.

Мой друг-современник,
отныне судьба наша —
в наших руках!
Ты дышишь свободно —
ярмо и нужда твою грудь не гнетут,
С тобою в застолье —
и дружба, и радость, и смех на губах.
Но горы сотрет наша мощь,
вдохновенный наш труд.

Когда своим залпом
«Аврора» весь мир потрясла,
Неся на восток и на запад
великую весть,
Она миллионы рабов
на бой подняла,
Сбивая оковы,
неся угнетателям месть.

И мы — туркестанцы —
мы к Ленину слали своих ходоков.
И он принимал их
любовно, как братьев, с открытой душой.
Внимательно слушал,
на все отвечал, —
он во всем был таков! —
Беседовал с ними
О будущей славной судьбе их большой.
Мы тех туркестанцев потомки —
их внуки, сыны.
Мы стали свободны —
узбек, и туркмен, и казах, и таджик.
В великой семье
мы хозяева полные нашей страны,
И мудростью Ленина
братский народ наш велик.

Ворота познания и света
нам Ленин открыл.
В республике каждой,
как солнцу, — университет.
Мы к знанию рвемся,
мы новых исполнены сил.
Советский Союз! — в целом мире
прославленной имени нет.

Декреты, которые Ленин
для нас написал,
Цветут Мирзачулем,
сверкают в чирчикских огнях.
Кто ленинский разум
душою и сердцем впитал,
Тот нить путеводную
держит надежно в руках,

На наших героев,
на труд их великий взгляни.
Их мышцы как бронза,
их воля как твердый булат.
Пред дикою мощью природы
не дрогнут они,
Но дэвы стихий
отступают пред ними назад.

Эй, ленинское богатырское племя!
Красуйся, цвети,
Под знаменем партии нашей
работай и строй.
Вперед по залитому
ленинским светом пути!
Спяющий день коммунизма
встает пред тобой!

1960

ПЛАТА ЗА СОЛЬ

Помню дедовский жалкий надел
шириною с танап,
На земле неполютой
кустики тощце хлопка.
От работы у бабушки
не разгибалась спина...
В поздних сумерках — ужин,
горшок кукурузной похлебки.
Урожая не хватит,
чтоб саван старухе соткать,
Все уходит на подати
да на уплату закята.
В жаркий день для питья
иногда не хватало глотка,
Но вода разливалась, журча,
у соседей богатых.
Сколько слез подсмотрел я...
Не молкнут в сиротских ушах
Вздохи робкие жалоб,
что мир этот плохо устроен.
Вижу темные лица,
печаль, безнадежность в глазах,
Слышу стои веретен
и глухой перестук маслобоен.

За стеною
работа тяжелая ткацкая шла;
Ну а мне на штапы
даже бязи куска не хватало.
Дочь от оспы единственная
у ткача умерла,
Медлил он и вздыхал,
видно, силы от горя не стало.
У плотины мираба
бадейками хлюпал чигирь,

ПЕРВОМУ КОСМОНАВТУ

Мы о небе издревле мечтали и пели.
Ты вступил на его голубые ступени.
Ко всему, что веками поэты слагали,
Ты прекрасную песню добавил, Гагарин!
Было небо загадкой, а стало задачей —
Штурм высот поднебесных победою начат.
Человеку достойно быть сильным, крылатым,
Он — гигант, человек, а не крохотный атом!
До прекрасной Зухры нам осталось немного —
Станет путь до нее караванной дорогой.
Караванным путем к звездам двинутся люди.
Так хотим мы идти. Так идем. Так и будет!

1961

НАЧАЛО ЛЕТА

Я хочу написать о начале чудесного лета,
Чтобы строчки журчали, струясь, как прозрачный ручей.
Я вручу базилик со словами любви и привета
Тем, кто в сад мой войдет,
пожелав мне безгорестных дней.

Полюбуйтесь на мир, как душа моя, щедрый, широкий,
На сури отдохните под сенью раскидистых ив.
Или в сердце войдите, не надо стоять на пороге,
Я приму вас радушно, в почетном углу усадив.

Дастархан изобилья раскрою бутон за бутоном,
Не скупясь угощу долгожданных гостей дорогих.
Как подружка заветной подружке, немного смущенно,
Шепотком расскажу о мечтах и желаниях моих.

Посмотрите на эти прелестные саженцы тута.
Сотни дней не прошло, а уже завязались плоды.
Прикоснешься слегка и сияешь, как ясное утро.
Если цель благородна — не будут напрасны труды.

Тут подарит плоды розовато-жемчужного цвета.
Мы их «балхом» зовем, «марвартоком» ферганцы зовут.
Он подпорье семье, украшение лучистого лета.
Не ленитесь, друзья, посадите в саду своем тут.

Ароматная, с запахом амбры, мерцает клубника,
Первозданно сладка, точно жаркие угли, красна.
Нет, не угли. На губы красавицы нежной взгляни-ка.
Вот с чем схожа и цветом и сладостью нежной она.

Положу на хрустальное тонко узорное блюдо
Темно-красные ягоды лучшей черешни моей.
Кто отведаст это пурпурное сочное чудо,
Скажет: «Нет на планете черешни вкусней и сочней».

И за вишни, друзья, похвалите хозяина сада.
Съешь и спросишь себя, не попал ли ты, случаем, в рай.
Девять ягод раздавишь, положишь кусок рафинада,
Чаю в чашку нальешь — несказанный получится чай!

Гнется модное блюдо под грузом сладчайших урючин,
Точно шарики меда, лежат они желтой горой.
Стрелка каждой ворсинки сверкает,
Как маленький лучик,
Как летящая мысль, как росника рассветной порой.

Всюду нынче в избытке созревшие сладости эти.
Вся отчизна — цветник,
В каждый сад можно гостем войти.
Небольшую газель я хотел сочинить на рассвете,
А прошелся по саду — и вышла поэма почти.

1961

БУКЕТ МИРЗАЧУЛЯ

Прохладой Сырдаря неспешно дышит,
Пропахла дыней степь за пядью пядь.
Сад весь в цвету, письмо для солнца пишет
В сто тысяч листьев. О любви опять.

Земля кругом, земля — не хватит взгляда,
И мысль как ток, летящая, как свет.
Им для начала слиться было надо,
Чтоб все вокруг постичь, держа совет,

Чтобы песчаный лунный лик пустыни
Стал всех земных на радость не скупей.
В простом быту есть вещи непростые,
Чтоб их познать, из глубины испей...

Шла замуж за Юлдаша тракториста
В Бяуте хлопководка Латофат,
И жар от их любви пылал на триста
Окрестных верст, и пелась песня в лад,

И новобрачных круг гостей согласный
Смущал безбрежьем дружбы и родства,
И предсказал им старец седовласый
По веку счастья. Пусть их сложат в два!

А в хрустале пылали розы немо,
Что ни бутон — в яйцо величиной.
То был не стих в шесть строчек, а поэма,
Покамест не написанная мной.

И старшка рябого, безбородого
Спросил я: чьи взрастили их края?
— Хоть дом их — наш совхоз, а нянька я,
Не перечеть мне всех колен их рода.

И если есть до поисков охочие,
Так тут и выбор полный, и простор:
Их маточники из Москвы и Сочи,
Из Киева и Бостанлыкских гор!..

И разомлел сосед мой, и распелся:
— В них все слилось, все свой нашло уклад —
Роса лесов, рябины сок и персика,
Рассвет над рожью, над волной закат...

Ты прав, старик, прав, соловей в ударе.
Прав, мастер от мотыги и поэт.
Я знаю сам сердца, дороги, дали,
Откуда этот свет и этот цвет.

Все сеяно тут нами и лелеяно,
И всякий труд благословен и свят,
Но начинался от декрета Ленина
На Мирзачуле каждый дом и сад.

Нам сто народов братья и попутчики,
Но вместе все мы — спутники при нем!
В совхозе свадьба.

Пробки бьют, как пушки,
Пылают розы полднем и огнем.

1961

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

К цветку урюка пчела припадает,
На свежей розе дрожит роса.
Кирмак в тутовнике оживает,
А вечер словно невеста-краса.

Чтоб юность весны воплотилась в пенье,
Пусть будет тамбур как чаша вина.
Чтоб высказать смысл любого мгновенья,
Как мир, огромная книга нужна.

Ковровые травы цветут на склонах,
Друзья беседуют на суе...
И как не сравнить сегодня влюбленных
С двойным орешком в одной скорлупе?

Перепел звонко кричит, зовет...
О чем этот щебет и пересвист?
У ног ручеек поет, не смолкает,
И цвет любви, как солнце, огнист.

И вот восток, как тюльпан, необъятный
Раскрылся. Последняя меркнет звезда.
И все наполнил звучный, приятный,
Победный мирный голос труда.

С кручи Могол обнимаю я взглядом
Весь кругозора синееющий круг.
Вижу от Оша до Чуцпаната
Степи весенней тюльпановый луг.

Здесь бы мне краски взять для дастана,
Здесь бы стихам потечь Сырдарьей,
Чтобы в потоке их — вешний, духмяный —
Сок растворился долины родной,

Чтоб они спутником Родины стали,
Чтоб на челе ее солнцем блистали.

Не потому ли я прошлое вспомнил,
Чтоб настоящему ярче блеснуть,
Чтоб меня разум верой наполнил
В силу, могущую к звездам взлететь.

Ранней зарю в весенней росе мы
Трактором вспашем поля для людей.
В срок по долинам хлопок посеем
Сеялкой силой во сто лошадей.

Коль хитроумное наше создание —
Здесь культиватор прошел по рядам,
Древний кетмень перед силою знания
В сумрак отступит, к былым чигирям.

От Сырдарьи, словно жилы по телу,
Воды живые текут по полям.
Утро ли там в облаках зазелело?
День ли Коммуны близится к нам?

Дела по горло, хоть сделано много...
Зерна алмаза подобен твой пот,
Самоотверженный труд твой — залог нам,
Что изобилье несет этот год.

1962

АВГУСТ

Помню юность. Мир в цветенье
утешал мой жадный взгляд.
Был я в бедствии в ту пору —
обнищавший сирота.

В сторожа пришлось наняться:
охранял я чей-то сад.
В шалаше одном со мною
жил старик Назир-ата.

Хорошо бекмес варил он,
капал мед с его руки,
Над огнем в котле клокочет
зимней сладости запас.

Под котлом пылают жаром
сучья, ветки и пеньки,
По краям сбивалась пенка,
это лакомство для нас.

А бекмес обычно варят
в августе и сентябре,
И его медвяный запах
разливался по садам.

Мы, продрогшие бедняги,
просыпались на заре.
А горячая лепешка
к чаю только снилась нам.

Но доныне месяц август
мне приятен, как бекмес...
«Сундула» — Созвездье Девы,
созревание плодов.

СЧАСТЛИВЫЕ СТРОКИ

Весной копейку назвать вполне могу я стригуна —
Ведь вправду из него коня нам вырастит весна.
Я славлю мой народ — и все прошедшие года,
И завтра, — им душа моя особенно горда.

Вот говорят в народе: «Кто мудрее, чем народ?»
«Коль друг твой — караванщик,
Стань творцом больших ворот».
Вы слышите, вы видите, идут большие дни!
Должны мы с вами быть большими тоже, как они.

Мы хлопок в поле сеем, это наш привычный труд.
Что сделано с любовью, то и годы не сотрут.
Рабочие мозоли засыхают на руке,
Но след от поцелуя свеж навеки на щеке!

Металл Алтынтопкана... Всех богатств страны не счесть!
А честь у всех своя, а хлопок — это наша честь.
Гордимся белым золотом, красотой его жпвой.
Отцы из рода в род для нас хранили опыт свой.

Когда мы удивляемся, мы говорим: «Ой-бой!»
Сегодня, изумленные, толкуем меж собой:
«Ой-бой! Вот это год! Тут разве вымолвишь одно:
Такого урожая мы не видели давно!»

Спасибо хлопкоробу за труд и честный пот.
Избавил хлопкороб меня от всех забот.
Родной кишпак приветствует героя своего,
И город по-рабочему спешит обнять его.

Летите, годы быстрые, день, счастье нам дари,
Широкое и щедрое как воды Сырдарьи.
И пусть поэт почувствует, к столу садясь с утра,
Как жизнь на лист торопится сбежать с его пера.

СИЛА ОДНОГО ПРИВЕТСТВИЯ

Чайхана, прозрачный хауз. Мы сидим под сенью ивы,
Перед нами чай, лепешки, содовый душистый мед.
Мы беседуем. Беседа, как ручей неторопливый,
Никому не досаждая, рассудительно течет.

Мы довольны белым светом, белый свет доволен нами.
Да и как не быть довольным?
Мы не зря прошли свой путь.
За плечами груз познания, опыт жизни за плечами,—
Любо-дорого послушать, любо-дорого взглянуть.

Если бы сама природа услышала наши речи,
Позабыв дела другие, к нам подседа бы тотчас.
Все слова как поцелуи, мы друг другу не перечим.
Потрудились мы на славу, славен и покой у нас.

Мы давно друзья. Юлдашев — тестомес на хлебзаводе,
Абдулла — бухгалтер в школе. Стаж работы тридцать лет.
Захиджан — артист известный. Весельчак, одет по моде.
Шестеро — пенсионеры — щедрой осени букет.

Мы друг друга угощаем, как завещано от дедов,
Прижимая руку к сердцу, щелкая о край пиал.
Каждому — седьмой десяток, каждый многое изведал,
В каждом искренностью светел сердца доброго кристалл.

Вдруг — вот не было печали! —
в чайхану ввалился пьяный,
С пьяной руганью похабной, с пьяной яростью в глазах.
Стал толкаться, стал швыряться хуже вихря-урагана,
«Всех, — кричит, — перелоначу!
Все и всех вас — в пух и прах!»

Бог ты мой, какую мерзость вынуждено слушать ухо,
И никто от этой грязи защититься не волен.

Вмиг беседа омрачилась, будто в чай попала муха...
Будь ты трижды проклят, пьяный,
Смрадом дышащий дракон!

Но рванулись два джигита к хулигану-самодуру,
Завернув, связали руки, подтолкнули, увели.
Мы подавленно молчали, переглядывались хмуро:
«Как обидно, что такие пачкают лицо земли!»

Долго разговор заглохший не налаживался снова,
Будто сел верблюд на скатерть, все изгваздал, все измял.
Наконец Нурмат литейщик произнес такое слово:
«Вот они, шальные деньги! Весь в отца пошел шакал.

Я их знаю — мы соседи. Спекулируют плащами,
Кофтами из-за границы, а потом вот эдак пьют».
«Воры», — пробурчал Юлдашев. И опять все замолчали.
Может, по домам податься? Может, разойтись? Но тут...

Тут вошел румяный парень с кучерявой черной челкой.
Это был наборщик Первой типографии Авзал.
«Здравствуйте, отцы! — сказал он. —
Счастья вам и жизни долгой!»
И почтительно, с поклоном руку каждому пожал.

Чуть привстав из уваженья, мы Авзалу отвечали:
«Будь и ты, сынок, удачлив! Будь и ты здоров, сынок!»
И опять беседа наша зажурчала, как вначале.
Вот каков он, слов приветных чудодейный огонек!

Ну и хватит! Многословье не для старого поэта.
Чувствуй меру. Много воли не давай в стихах словам.
Рассказал о животворной силе доброго привета —
Дальше не тяни рассказа, точку ставь, Гафур Гулям.

1962

ПО ВОЛЕ КОММУНИСТОВ

Гаснет огненный след в безграничном пространстве,
И чужая звезда — как алмаз на ладони.
Марс, Нептун и Плутон на пути твоих странствий,
Ты летишь, и луч света тебя не обгонит!
...Пусть — мечта! Но ведь въявь увидала планета
Новый гордый прорыв в неизвестные дали.
Воплощеньем мечты в небо взмыла ракета.
Плыл виток за витком — мы их сердцем считали.
...До Луны — только шаг. Рейс проходит отлично!
Засветилась Венера зарей золотою.
Залюбуется глаз твой такой непривычной
Горизонтов невиданных синей чертою.
Глянешь в черную бездну с орбиты Сатурна,
И родная земля вспыхнет звездочкой малой.
Где-то там океанские воды лазурны,
Солнце плавится в них раскаленным металлом,
...Пусть — мечта! Но не знают пределов дерзанья,
Неустанна в исканиях мысль человека.
Ей под силу постигнуть закон мирозданья,
Звезд бесчисленных исчислить алмазные реки.
Перед светом ее отступают все тени —
Он Отчизной свободы стократно умножен.
Мы разыщем в Галактике жизни цветенье
И к далеким туманностям путь свой проложим.
Древний эпос воспел богатырскую силу,
А про силу науки не сложены песни.
Не она ль с космонавтами вместе свершила
Величавый их подвиг, полет их чудесный?
Так восславим же наших советских ученых,
Инженеров — творцов и рабочих умелых,
Математиков, делом своим увлеченных,
Чудеса кибернетики, поиски смелых!
Так восславим же их, четырех космонавтов,
Покоряющих высь, обгоняющих время!
Это дети народа, идущего в завтра,

**Нашей партии дети, орлиное племя!
Все равны под советским родным небосводом.
Рядом с русским — чуваш, украинец взлетает.
Нам завещана Лениным дружба народов,
И в космических далях она расцветает!**

1962

ЗАВТРА ВЫБОРЫ

Вонзаясь в розовеющее небо,
над гордым кряжем Кураминских гор
Лучи рассвета брызнули снопами,
как будто вспыхнул золотой костер.
А не пройдет и нескольких мгновений,
как из-за синей выгнутой черты
Горячим шаром выкатится солнце,
омыв огнем долины и хребты.
Все ближе, ближе, ближе миг восхода,
и, как певучих струн тугая сеть,
Все чувства напряглись мои внезапно,
готовясь от восторга зазвенеть.
А в старом сердце, в тайниках заветных,
проснулись лучшие слова мои,
Чтоб мог я гимн запеть Заре и Солнцу,
как пел когда-то мудрый Навои.
Свершилось!.. Встало солнце над горами!
И сразу в блеске молодого дня
Все вспыхнуло, запело, запестрело,
все стало праздничным вокруг меня.
Зажглась роса, листва заулыбалась,
над маком загудел мохнатый шмель,
И соловья в тени кустов прибрежных
послышалась восторженная трель.
Стою замороженный, просветленный,
весь мир я в этот миг обнять готов,
А у меня в руке — букет пахучий
из диких трав и полевых цветов.
Его чуть свет собрал я по дороге,
решив зарю встречать среди полей,
Так пахнет он, как будто в нем сгустилось
дыханье всей родной земли моей.
Какая даль! Так широки долины,
что взор от их просторов устает.
Вот трактора ползут с упорным гулом,
как пчелы, собирающие мед.

Куда ни глянь, — блестя под вешним солнцем,
 лежат поля, румяны, горячи,
Точь-в-точь большие сдобные лепешки,
 недавно вынутые из печи.
А вон и Сырдарья вдали сверкнула,
 из желтой глади солнце отразив,
Сулит полям обилье, людям счастье
 ее весенний царственный разлив.
Да, вот наш мир, цветущий, изобильный, —
 блеск солнца, шум листвы, волнение рек,
А в самом средоточье мирозданья
 стоит хозяин жизни — Человек.
Мы соль земли, творцы добра и счастья,
 мир украшаем мы своим трудом,
Мы строим коммунизм, как строят новый,
 просторный, светлый, нерушимый дом.
Есть среди нас и лучшие из лучших:
 их жизнь как пламя и как песня труд,
Недаром за упорство, мудрость, доблесть
 в народе маяками их зовут.
День начался. Рабочий день... А завтра
 с рассвета флаги полыхнут огнем,
Вдоль улиц, полных праздничного шума,
 мы всей семьей на выборы пойдем.
Надень, дочурка, платье понарядней —
 шуршащий, переливчатый атлас,
Ведь этот день — твой настоящий праздник:
 ты завтра выбираешь в первый раз.
Да, завтра все увидят — друг и недруг,
 как нерушим наш справедливый строй
И как сплочен народ, когда свободу
 он может называть своей сестрой.
Пусть будут управлять родной державой —
 могучим, исполинским кораблем —
Лишь те, которых сами с полным правом
 мы маяками нашими зовем!..
Вот мысли, что меня переполняют,
 пока вдыхаю запахи полей
И слышу соловья в кустах прибрежных,
 гул тракторов, жужжанье шмелей,
Пока слезу, как ширится в лазури
 зари весенней золотой костер
И как торжественно всплывает солнце
 над гордым кряжем Кураминских гор.

НУ И ЧТО Ж...

Эта девушка — радуга, солнце само.
Я увидел ее у ворот СамГУ.
Скинуть годиков тридцать бы! Да не могу.
Значит, сердце я распахнуть не смогу?

Нет, не так-то я прост, чтобы просто уйти.
Говорю, чтоб ей уста отворить:
— На изюмный базар, как, скажите, пройти?..
Вот что я говорю. А что говорить?..

Нежно-нежно звучит в ответ голосок —
Ветерка самаркандского утренний вздох:
— На изюмный базар? Ай, узбек! Вот простак!
Среди белого дня заблудился, чудак...

В этом городе я от рожденья живу.
Знаю каждую улицу, каждый дом.
Только пусть говорит, даже, может, бранит,
Я навряд ли о том пожалею потом.

Лишь бы слушать ее, лишь бы видеть ее...
Ну а что тут поделывать, раз это так?
Самаркандская звездочка, да, я влюблен.
Ну и что ж?

Полюбил.

Ну, узбек...

Ну, простак...

1962

ГОНЧАР И ЮВЕЛИР

Мирмухсину

Ты сказал мне смущенно:— Я сын гончара...—
Что ты видишь зазорного в этом, мой друг!
Глина стоит и золота и серебра,
Коль из глины изделие творческих рук.

Ведь железо, и золото, и серебро —
Все берем мы из недр материнской земли.
Только труд наш богатство творит и добро!
Нашей волей в пустынях поля расцвели!

Из стекла и бетона мы строим дворцы,
Но они на земле нерушимо стоят.
Рвутся к звездам отважные наши птенцы,
Но они возвращаются наземь — назад.

Видишь глинистый берег, холмы и луга
В дымке утренней пастбища отчей страны...
Этой почвы нам каждая горсть дорога,
И цветы и кусты, что на ней взращены.

Чашки глиняные твой отец создавал
На потребу вседневную людям труда.
Искандеру он чаш золотых не ковал,
Не чеканил он кубков Даре никогда.

На гончарном кругу возникает каса —
И вечерних и утренних трапез краса;
Как чудесно вместилищем служит она
Для гуджи, ширвака и для кумыса!
Восстанавливать силы усталых людей,
Жажду их утолять — назначенье у ней.

Прожил век благородно твой честный отец,
Круг певучий вращая и глину меся,
Не надеясь в нужде: мол, поможет творец,
Веря в труд и подачек судьбы не прося.

Лик прекрасной земли этой — Родины лик,
Свет его как лица материнского свет.
Самый малый любовью к отчизне велик,
Жалок тот, в ком любви к своей матери нет.

Друг, пиши! Но чтоб стих твой не внешне блистал,
А чтоб внутренним солнцем он был озарен!
Глыбы клинописи... Ашшурбанипал...
Но ведь в глиняной книге и жив Вавилон.

Сон истории долог, тяжел и глубок,
Но пришел археолог, нашел черепок.
И по странным узорным следам по складам
Он прочел, чем когда-то велик был Восток.

Чей там холм? Кто насыпал вот этот курган,
Строил стены, узором кирпич уложив?
Чье здесь племя пастушье поставило стан?
Кто здесь пел и какой был надеждою жив?

Так ученый, миллионом догадок томим,
Ходит полем раскопок, как в облаке чар.
И встает, как из воздуха, вдруг перед ним
С чашей глиняно-звонкою древний гончар.

Мы творцы, мы ваятели новых времен,
Духом творчества весь наш народ вдохновлен.
Утром счастья, рассветом грядущего дня
Кругозор нашей доброй земли озарен.

Мы сегодня творим этот будущий день,
Мы сегодня, о друг, коммунизм создаем,
Мы прогоним навеки зловещую тень,
Пыль с земного чела мы любовно сотрем.

Не десятки, а сотни миллионов людей
Месят глину для знания будущих лет.
В этом доля работы твоей и моей,
В этом — честь и бессмертия нашего свет.

Труд сливает людей, словно братьев родных,
Но великое зреет без крика, в тиши.
Пусть в известке и краске одежда на них,
Ты величье души их, поэт, опиши.

Если жизнь твоя ляжет страницей одной
В книге, нами творимой, в поэме времен,
Если был ты правдив пред людьми и собой —
Твое имя останется в сонме имен.

Пусть горит высоко нашей славы звезда.
Но о славе ль подумает тот на веку,
Кто душою и сердцем с народом всегда,
Как лопата, что веет зерно на току?

Стих чеканить, конечно, не всем по плечу.
Честь поэту, когда это подлинный дар.
Но и все же спросить у тебя я хочу:
Чем золоточеканщика хуже гончар?!

1963

АВТОРУЧКА

Мне дочка авторучку подарила,
Изделе ленинградцев — марка наша.
И линию на пробу прочертила
Нежнее трещинки на древней чаше.

Спасибо тем, кто сталь пера готовил,
Кто корпус ручки отлил из пластмассы.
Я взял перо и крепко обусловил:
Писать правдиво, сильно — без прикрасы,
И прославлять народ и труд его,
И свет побед, и правды торжество.

1963

БЫВШЕЙ МОЕЙ ЛУНОЛИКОЙ

Любовь моя, ты для меня, наверное,—
Вся жизнь, все, что в ней вечно, что мгновенное —
Заря, отрада,— искренняя, верная,
Дышу тобой, иначе — не могу.

Лицо твое сквозь дни и годы — юное,
В лучах моей любви — золотолунное,
Я сравнивал с луною в полнолуние.
Я сравнивал, а нынче — не могу.

Когда луна с «Луною-9» встретилась,
В подлунном мире что-то вдруг наметилось
Такое, что влюбленным, мной замечилось:
По-старому писать я не могу!

Прощай, бывшего лирика великая,
Прощай, моя бывшая лунолика!
Но неужели станешь ты безлика?
Нет, допустить такого не могу!

В твое лицо смотрю с утра до вечера,
Твои глаза распахнуты доверчиво,
В твоих зрачках весна качает веточки,
И я без них все так же не могу.

Опять вдвоем в работу мы впрягаемся,
И даже если иногда ругаемся
И так ругаться не остерегаемся,
Без этих ссор я тоже не могу!

Товарищ мой, мы — что-то неделимое,
И это, видно, непреодолимое.
На счастье жизнью каждый день даримое —
Отдельно не хочу и не могу.

А годы как цепочка журавлиная:
Коротенькой была, а стала — длинная.
Прощайте, птицы! Их живому клину я
Машу печально вслед, пока могу.

Ах, много было, милая, налетано.
Но сколько впереди еще наметано!
А небо нам с тобой на пару отдано —
Летать один, как прежде, не могу.

Все, что мое — твое, вдвоем освоили,
Построено — так, значит, вместе строили,
Пусть спорили, но строили, хоть спорили,
И я уже иначе не могу.

Старинным слогом слуха не насилуя,
Луну в покое я оставил, милая,
Но чувствую в себе, как прежде, силу я
Любить тебя — иначе не могу.

1964

ВЕСЕННИЙ ТОЙ ТРУДА

Весна волнистый горизонт
с утра накарсила усмой,
Трава одела склоны гор
густой зеленой бахромой,
И первый аист, верный друг,
уже вернувшийся домой,
На пне, как зоркий часовой,
стоит подтянутый, прямой...
Пришла весенняя страда —
веселый той труда!

Еще проснувшейся земли
едва заметен аромат,
Еще на утренней заре
дрожит, поеживаясь, сад.
А жизнь уже кипит ключом,
и в поле третий день подряд
Плуга распахивают зыбь
и важно трактора пыхтят.
Пришла весенняя страда —
веселый той труда!

Весь мир поет!.. Звенит вода,
струясь в арыках и ручьях,
И каждый крохотный листок,
смеясь, купается в лучах.
В траве кузнечики трещат,
в листве щебечут стаи птах,
А вот и соловей запел
над самой речкою, в кустах...
Пришла весенняя страда —
веселый той труда!

Зеленый, влажный бархат лег
по теплым берегам реки,

И пчелы ищут, где с утра
уже раскрылись лепестки?
Все на полях — и молодежь,
и даже деды-старикки,
Пестреют пери озорных
цветные платья и платки.
Пришла весенняя страда —
веселый той труда!

Капуста в парниках взошла,
укроп, редиска и томат,
И дружным строем гордый лук
уже выходит на парад.
Овощеводам много дел
среди бесчисленных рассад,
Минуты даром не теряй,—
дни все стремительней летят...
Пришла весенняя страда —
веселый той труда!

Сегодня в рубищах гнилых
нигде не встретишь бедняков,
У всех в обед горячий плов,
над головой — надежный кров,
И лишь ленивому быку
в кормушку не дают жмыхов,
Кто не работает — не ест,
для всех закон у нас таков!
Пришла весенняя страда —
веселый той труда!

«Муштур» с усмешкой говорит:
«Повсюду нужен глаз да глаз!
Всю вашу трудовую жизнь
привык я видеть без прикрас.
Пусть лежебока или плут
закрывается хочет среди вас —
Его я выставлю тотчас
всем народу напоказ!..»
Пришла весенняя страда —
веселый той труда!

Давно на свалке сгнил омач,
и в доме прялка не нужна,
В полях не видно бороны —
она теперь в утиль сдана,

Густым гудением машин
земля из края в край полна,
И с доброй вестью журавлей
на синий север шлет весна.
Пришла весенняя страда —
веселый той труда!

Да, это дружная весна
еще щедрей, чем год назад:
Смелее всходы поднялись,
пышнее расцветает сад.
На свежих пастбищах не счесть
ягнят, телят и жеребят,
Поля богатый урожай
уже сегодня нам сулят.
Пришла весенняя страда —
веселый той труда!

Влюблен в зарю и в мирный труд
народ — чудесный великан,
Есть воля, есть мечта у нас,
и есть наш семилетний план.
Под путеводною звездой,
в строю свободных, братских стран,
Шагает смело в коммунизм
наш солнечный Узбекистан.
Пришла весенняя страда —
веселый той труда!

1964

ВЫМПЕЛ

Это знамя науки и знамя победы для всех на планете.

В горы трубит Прометей: просыпайтесь, живые,
уже вы не дети!

Это факел над миром, до дна осветивший зрачки человека,
Наше «здравствуй!» Луне, встреча старого века
и нового века.

Нас веками свет лунного диска манил в неизвестные дали.
Верим, сбудется все, что мечтатели-предки до нас
загадали.

Это чудо: частица советской земли
прикоснулась к Луне желтолицей.

Праздник в каждой семье, и в деревне любой, и в столице.
Мысль летит среди звезд, мысль спешит, обгоняя светила,
Мысль бездонную тьму бесконечных галактик
для нас осветила.

Алишер Навои, вдохновляясь, глядел на Луну и писал,
за страницей страницу листая.

Я, Гафур, может статья, строку завершив,
на Луну отдохнуть перед новой строкою слетаю...

1964

ВИШНЯ

Уж если хочешь ты узнать ей цену,
К ее рубинам руку протяни,
Перелистай неспешно Авиценну,
На наманганских девушек взгляни.
Так благодатны земли Намангана,
Так сочно кровь здоровая красна,
Что вишня здесь и созревает рано,
И поражает аlostью она.
Кровавит губы плод ее бескровный...
Когда же оторвусь я, наконец?
Болят язык, припухли губы, словно
Всю ночь я целовался, как юнец!
Вишневый сок, живительная влага,
Прости мои смятенные слова,
Искрись, вливайся в кровь мою на благо,
Пока она, вишневая, жива.
А вишенки мои в саду — все выше.
И я желаю другу своему:
— Пусть твое счастье множится, как вишни! —
Немалого я пожелал ему.
Сухая вишня нам зимой отрада —
Люблю ее чистейший аромат.
Вишневое варенье! Тоже надо!
Поэт варенью, как ребенок, рад.
Дочь сада, вишня, дай припасть губами
И за такую жадность не кори.
Хотя б на миг разбереди мне память,
Пожаром лета сердце уколи!

1964

У МОГИЛЫ АЛИШЕРА НАВОИ

Я чувствую сердца биенье, и грустно ему, и светло.●
Склонен над твоею могилой, раздумье меня унесло,
И, хоть ты не можешь услышать
из сердца исторгнутых слов,
Приветы шепчу, — твоим книгам, наверно,
равно их число.
Я ради тебя, Навои, этот путь совершил — в Мусалло!

От всех городов — Самарканда, Ташкента, Хивы,
Бухары —
От памятных мест, где впервые мы радость и жизнь
обрели,
От нового века принес я свершенных мечтаний дары,
От наших Фархадов, чьи руки в пустыне канал провели,
Букет я привез — в лепестках его нашего солнца тепло.

В краю нашем дома не сыщешь, где б не было
книги стихов,
Влюбленных таких не найдешь, чтоб не знали
напевов твоих,
Потомки твои просвещенные мудрость познали веков,
Историю рода людского сто раз перечли, Навои,
Но времени нету такого, чтоб с нашим сравниться могло.

Как будто бы тысячи солнц, светят звезды
на небе родном,
Нас тысячи тысяч — строителей, смелых,
могучих творцов.
С огнями, что мы зажигаем, ночами светлее, чем днем.
Ты глаз не сомкнул бы, увидев красу наших улиц,
дворцов
Покуда дня судного время свое не простерло крыло...

1964

УЧЕНОМУ ДРУГУ

Пусть гордо красуется башня Мешхеда,
надменно вздымается под облака,
Но ты — человек, а не древняя башня,
зачем же взираешь на всех свысока?
Себя ты считаешь великим ученым!
Допустим. И все же нескромный вопрос:
Премудростью мозг твой набит до отказа,
а людям какую ты пользу принес?
Отвергнутый жизнью сухой теоретик,
бесчувственных знаний ходячий тайник,
Ты в старый сундук превратился, где глеют
страницы червями изъеденных книг.
Признаться, на знахаря очень похож ты,
что воду болотную в ступе толчет,
Лишь в тесном мирке почитателей робких
тебя окружают восторг и почет.
Остаться единственным авторитетом
решил ты, как видно, любой ценой,
Холодная спесь, неприступная гордость
тебя окружает броней ледяной.
На воду плесни керосину немного,
и станет на радужный шелк он похож,
Вот так же и ты своей жизни бесплодность
рядить научился в искусную ложь.
Начнешь говорить — как пророк изрекаешь,
темна, нарочито запутана речь,
Не хочешь другим ты отдать свои знания —
решил их, как видно, в секрете сберечь.
Зачем от кипучей, стремительной жизни
себя заслонил ты незримым щитом?
«Считался премудрым, а умер невеждой!» —
так люди с усмешкою скажут потом.
Послушай, мы вместе росли, постарели,
быть может, уже сочтены наши дни,

И все же, пока еще, друг мой, не поздно,
по-новому жить и трудиться начни,—
Народу открой свое сердце и разум,
от жалкой гордыни своей излечись,
Учи бескорыстно, учи неустанно
и сам у людей и природы учись.
Мудра и сложна бесконечно природа;
любое растение от самых корней
До первых цветов изучить ты захочешь —
на это не хватит всей жизни твоей!
А время не ждет, все течет непрерывно:
сегодня цветами долины полны,
Когда же пройтись по лугам соберешься,
увянет уже разноцветье весны.
Да, время не ждет... Словно стрелы — мгновенья:
упустишь — уже не вернешь никогда.
Спеши! А не то одиноким скитальцем
по жизни пройдешь, не оставив следа.
Без пользы сгниют семена твоих знаний,
а дашь их народу — они прорастут,
Лишь память людская, где столько сокровищ,
сумеет сберечь и умножить твой труд.
Все людям отдай! Отточи свои мысли,
как точат тупой, заржавевший клинок,
И думай, свой день трудовой завершая:
«А чем я сегодня народу помог?..»
Будь светочем, даже в тени оставаясь,
будь щедр — но не ради похвал и наград.
«Кто трудится ночью, рассвет приближает», —
недаром в народе у нас говорят.
Что признаком служит величия духа?
Дерзанье и скромность, упорство и труд.
Мы лишь кирпичи в основании зданья,
не мы — наши внуки его возведут.
С годами становятся глубже морщины —
таков уж суровый закон бытия,
Но помни: чем больше ты людям подарить,
тем будет счастливее старость твоя.

ТВОЙ ГОЛОС — ЭХО НАШИХ ДНЕЙ

*Нашей чудесной поэтессе Зульфийе
в день ее пятидесятилетия*

В объятиях родных небес да будет вечен твой полет,
Твой голос—эхо наших дней, пусть он звучать не устает.

То вторя отзвукам веков, то трепету живых сердец,
Звенит твой многострунный саз,
как будто жизнь сама поет.

Вслед за Мехри и Надирой, Зебинисо и Увайси
Ты новым факелом зажглась,— и к новой жизни он зовет.

Когда на радость людям ты с утра берешься за перо,
Сиянию светлого ума дивится солнечный восход.

На крыльях радостных надежд в грядущий мир
устремлена,
Летит к Плеядам песнь твоя и с неба звезды достает.

В твоих твореньях—пенье струн, свет, озаряющий сердца,
Твой тонкий ювелирный труд пленительней из года в год.

Как зеркало твоя душа, в ней отразился весь Восток,
За щедрый, солнечный талант благодарит тебя народ!

1965

МЕТАНИЕ ЯБЛОК

Песня хорезмских девушек

Мои косы волнисты, как волны Аму,
А зрачки от волнения зыбче волны.
Эй, джигит! Еще яблока я никому
Не бросала по правилам старины.

Прямо к сердцу хорезмской девчонки стартер
Подключи, комбайнер! Это сердце — огонь.
А язык у хорезмской девчонки остер.
Что, не веришь мне, Джуманияз! Ну-ка тронь!

Там, где хлопок, нельзя хлопотать без души,
А в твоей — нынче столько души и добра...
Матназар, так кого же ты выбрал, скажи! —
Черноглазый, с бровями как шерсть у бобра...

Если это — красивая Мамашариф,
Не тревожься, по девушкам взглядом скользя.
Вас и в песне, и в наших сердцах поженив,
Завтра будем женить и взаправду, друзья!

Когда кончено дело, приходит пора
Спелых яблок, цветов и счастливой любви.
Пусть метание яблок — всего лишь игра,
Я тебе его брошу не в шутку. Лови!

1965

ВСТРЕЧАЯ БУДУЩЕЕ

Над нашей родною, священной страной
зарделся торжественно новый рассвет,
И кажется мне: то кремлевские звезды
окрасили небо в рубиновый цвет.
Немало таких новогодних рассветов
уже повстречал я с народом моим,
Взрастили мы сад небывалой эпохи —
теперь на него с восхищеньем глядим.

Мечты превращаются в ясные цели,
а цели становятся явью живой,
Сердца миллионов слились воедино —
не знала история силы такой!
Врывается в космос наш разум крылатый,
покровы срываем мы с тайн бытия,
Бессмертны творенья и подвиги наши,
а значит, мы сами бессмертны, друзья.

И вправду народ наш достоин бессмертья, —
бывал ли когда-нибудь подвиг трудней?
В заложенных нами фундаментах прочных
нам видятся здания будущих дней.
Какое бы дело народ наш ни начал,
уж он ни за что не свернет с полпути, —
Где первые саженцы мы посадили,
там скоро могучему саду цвести!

Над нашей страной — новогоднее небо,
хребты и поля — в снеговой пелене,
Седой Дед Мороз отдыхает под елью —
не хочет и думать о близкой весне.
Но даже на самых морозных высотах,
где тянется Федченко мощный ледник,
Уже порвались ледяные оковы —
рождается первый весенний родник.

Законов зимы признавать не желая,
в ущелье грохочет и брызжет река,
И в каждой сверкающей, радужной капле
мне чудится блеск золотого песка,
А рядом — с беспечным, восторженным смехом
девчата и парни, румяны, крепки,
Со снежного склона стремительней ветра
на лыжах спускаются вперегонки.

На карту республики нашей взгляните —
на Сыр и Аму, Зеравшан и Сурхан,
На чаши долин, в цветники превращенных
руками упорных и дружных дехкан,—
Вот наша земля, вот наш мир благодатный,
что тысяч других нам дороже миров,
И к этой широкой груди материнской,
как сын благодарный, припасть я готов.

Зима на дворе... А уже в наших душах
весна разгорелась, ручьями звеня,
Весь год трудовой мы отчетливо видим
в сияющем зеркале этого дня,
И как муравьи, шелкопряды и пчелы
заботливо трудятся в каждом саду,
Так будем в саду необъятной отчизны
трудиться и мы в наступившем году.

Да, скоро снега потемнеют, растают,
айва и миндаль зацветут в кишлаках,
И вздуются наши бурливые реки,
как жилы на крепких рабочих руках.
Горды мы успехами прошлого года,
но их превзойти наступает пора,
И те, кто сегодня гоняют на лыжах,
весною усядутся на трактора.

Давайте же год наступающий встретим
с друзьями, за праздничным, шумным столом.
Всю ночь попируем на славу, а утром
в бокалы зарю золотую нальем.
Вдоль улиц пройдемся компанией дружной
навстречу лучам, озарившим восток,
И яркой, алмазной дорожкой к счастью
покажется выпавший ночью снежок.

Недаром сегодня из самого сердца
струятся ручьи этих радостных строк:
Из тысячи добрых моих пожеланий
пусть все до единого сбудутся в срок!
Я столько волнующих зорь новогодних
уже вместе с нашим народом встречал,
В народе — исток моего вдохновенья,
в народе — начало всех наших начал!

1 января 1965 г.

ПРАЗДНИК СВОБОДНОГО НАРОДА

Предрассветное утро. Весна. Изумрудные нивы.
Вольно дышат сердца. Скоро, скоро зардеет восток.
Блещут блюдца озер, пробегают ручьи говорливо,
Шелковистые травы колышет шальной ветерок.

Соловьиный птенец, хоть и петь он еще не обучен,
Голосит как умеет, от утра весеннего пьян.
Славя в рокоте волн белоцветную пышность урючин,
Мчится в русле своем неумный, как жизнь, Зеравшан.

Пробудясь ото сна, шелкопряд обвивает свой кокон.
Будто нет ей конца, серебристая тянется нить...
В неустанном труде все мы движемся к цели высокой.
Наше солнце, наш праздник вовеки веков не затмить.

За ушко — за листок — солнце тянет хлопчатник:
«Не мешкай,
Не ленись, вырастай, всеми силами кверху стремись!..»
Спросишь, как этот край преисполнился радости вешней?
Нелегко рассказать — в этой книге без счета страниц.

Завитки на висках у кокетливых модниц-красавиц,
Как волнистый каракуль, воздушны, округлы, нежны.
Шестеренки часов движут время, друг друга касаясь,
С каждым днем возрастает могущество нашей страны.

Наши планы точны, наши ритмы отчетливо строги.
Каждый час в пятилетке ревниво берем на учет.
Мы уже и сейчас подведенными видим итоги
За еще не пришедший стократ знаменательный год.

В этот год всей страной величайшую дату отметим —
День столетия вождя, гениальнейшего из людей.
С ним по жизни идем, с ним, бессмертным,
идем по планете,
Озаренные светом его благотворных идей.

Съезду партии слава! Он счастья наметил программу
Так, как будто сам Ленин с трибуны для нас говорил.
Трасса радости мирной начертана твердо и прямо:
Умножай нашу силу, будь верен отчизне, твори.

Электронная техника людям обязана жизнью.
Для пытливого мозга пределов доступного нет.
На какую вершину поднимется наша отчизна
Через пять, через сто созидательных творческих лет?..

Все решит человек. Мир бескрайный бесклассовым будет,
Будет вечен единства народов блистательный мост.
Если дружно возьмутся свободные мирные люди —
Долетим до любых необжитых таинственных звезд.

Друг мой, брат мой, встречающий белое утро,
Новый день за окном, он тебе улыбается, друг.
Смой остатки дремоты, взгляни просветленно и мудро
На рожденье зарю, на простор, что открылся вокруг.

Слово «Первое мая» — на лозунгах, на плакатах,
Четок шаг демонстрантов, уверенно бьются сердца.
Вся планета сегодня в багряных знаменах крылата,
Всюду — люди и стяги, ни края им нет, ни конца.

Наш Нарпайский район сдал отчизне добротный каракуль,
Наш хлопчатник взошел хорошо — был удачен посев.
Скоро наш урожай, как весною на север — журавль,
Полетит в самолетах в привольный Донецкий бассейн.¹

Там в колхозе Шевченко и мне предстоит потрудиться.
Там народом доверье по-братски оказано мне.
Если дружат сердца, то распахнуты настежь границы.
Ждите, хлопцы, Гафура, я к вам прилечу по весне.

В яркий день Первомая на светлых просторах отчизны
Всюду улицы, площади, словно долины, в цвету...
Вольно дышится нам. Мы творим не для смерти —
для жизни.
Мы свободны и, значит, любую возьмем высоту.

1966

¹ Депутат Верховного Совета УзССР от трудящихся Нарпайского района Гафур Гулям был избран почетным членом колхоза имени Шевченко Артемовского района Донецкой области Украинской ССР.

Поэмы и оды

ГОТОВ СТАТЬ ЗНАМЕНОСЦЕМ

I

Эх, почему
не пришлось мне родиться
вместе с поколением
бойцов-партизан?!

И мне
на коне бы,
летащем, как птица,
мчаться с ними
в бой-ураган.

И мне бы
вброд
с боевым эскадроном
переходить ледяные воды.
Отважным, как Фрунзе,
лихим, как Буденный,
биться за счастье народа...

Вот Бухара —
золотая чаша,
слезами и кровью
налитая всклянь.

Эмир бухарский
всех гадин гаже,
жестокая,
пьяная дрянь.

Девушки наши — его невольницы,
дети наши — его бачи...

Мчится
народная
грозная конница,
жаждой возмездия блещут мечи.

За всех убитых рабочих
возмездие,
за всех убитых крестьян
возмездие
За расстрелянных,
за повешенных...
Эх, почему

не был с ними вместе я,
пылая злобой
святой
и бешеной!

II

Эх, почему
не пришлось мне родиться
с теми,
что с ромбами
на петлицах,

с теми,
кто с ветром
в скорости споря,
гнали врага
к Хазарскому морю,

И враг,
получивший шах и мат,
враг,
хвастливый и наглый вначале,
теперь орал, как пугливый ишак:

«Пропали!

Пропали!

Пропали!»

Асфандияр,
беглец Джунаид,
Абдулла — разбойник беспутный...

Где укрыться?

Земля горит,
всюду Волнение,
всюду — смута.

Но не был я,

не был в ту грозную пору
Красной Армии
рядовым знаменосцем!

Ах, как погнали
английскую свору

и всех курбаши,
и прочих японцев!..

III

Ладно!
Прошедшие десять лет
дали мне разум,
отвагу дали.
Я был слабосилен,
разут,
раздет.
Теперь я крепче стали.
И это кстати.
Для мощи страны
тысячи тысяч таких нужны.

Силу мою
воспитала Партия.
Она прозорливым
сделала парня,
гордым сделала
и могучим,
как Гауризанкар,
уходящий в тучи.

Жгучими искрами
полон кремень.
Бывают мечты
большие
и куцые.
Разве не может
завтрашний день
сделаться днем
мировой революции?
Я бы тогда
беззаветно, как надо,
сражался за счастье всех людей
рядовым солдатом,
безвестным солдатом,
погибшим за искру мечты своей.

IV

Эй, рабы
Африки чернокожей,
Европы,

Азии,
всей планеты!
К вам обращаюсь,
вас тревожу.
Слушайте, слушайте
слово это.
Дамаска, Басры
сироты, вдовы,
мужи Марокко,
львы Сиама,
будьте готовы,
будьте готовы
водрузить над миром
алое знамя!
Сплотив для победы
сердца и души,
руки
в пожатьи братском сплетая,
Вал Искандера
в прах разрушим,
вернем свободу народам Китая.
Хваленая роскошь
Соединенных Штатов
только для избранных —
для богатых.
На месте всех этих
«монте-карл»,
где бесятся с жиру
и травятся,
для тех,
кто кровью в боях
истекал,
построим
светлые здравницы.
В борьбе за победу
рассвета над ночью,
за то, чтоб свободу
увидеть воочию,
чтоб счастьем над миром сиять —
каждый крестьянин,
каждый рабочий
готов
знаменосцем
стать.

1930

КУКАН

ПОЭМА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КУКАН-БАТРАК

1

Так было или не так, начнем рассказ.
Жил в Чусте хлебороб Маманияз.
Аллаха чтил, имел земли клочок,
Где пробегал арычек-ручеек.
Был вдов, уныло дожил до седин.
Одна отрада — подрастает сын.
Решив, что лучше не вступать в колхоз,
Колочкой жалкий свой клочок обнес.
И вместе с сыном, одинок и хил,
Надсаживался до потери сил.
Он не был, честно говоря, умен:
Хотел, чтоб сын таким же был, как он.
Однажды он сказал: «Кукан, сынок,
Я, кажется, не в шутку занемог.
Дрожу, как тал трухлявый на ветру,
Сдается мне, что скоро я умру.
Ты слушай, что я говорю, не плачь.
Останется тебе земля, омач,
Бычок, упряжка, домик наш, арба —
Достаточно для божьего раба.
Веди хозяйство бережно. Женись.
Дом без жены не дом, а жизнь не жизнь.
Вот так... Сумеешь — землю прикупай.
Старайся стать таким, как Шарифбай.
Что невдомек — не делай наугад,
Спроси у тех, кто знает, кто богат.
У бая, у муллы... Плохого нет —
От мудрых мудрый выслушать совет.
Ну вот и всё», — вздохнул Маманияз.
Потом пришел его последний час...

Оставшись без отца, Кукан сперва
Не знал, как быть. Кружилась голова:
Все прожито, кормов пропал и след,
Пучка сухой соломы в доме нет.

Подумал, потомился, а потом
Пошел за наставленьем в байский дом.
Два раза поклонился и сказал:
«Шариф-ака, что делать, я пропал!
Скажите, как мне справиться с бедой.
Отец мой умер, стал я сиротой.
Поминки, саван — вот и пуст карман.
Хоть в петлю лезь: ни денег, ни семян!»
«Ну, это пустяки, — ответил бай, —
Найдем тебе деньжат, не унывай.
Но знай: посеешь хлопок — пропадешь.
Работы много, а доходу — грош.
Пшеницу сей. Посеешь по весне,
Потом две трети урожая — мне.
А деньги вот. Ну что ж, бери, Кукан!»
Так бай заманивал юнца в капкан.
Кукан замялся: «Взять или не взять?..
Взять не хитро, сумею ли отдать?»
Минуту помолчал, махнул рукой,
Сказал: «Посмотрим!» — и ушел домой.
Подумал: «Если вдруг неурожай —
Бай все отнимет, обездолит бай».
Продав халат, продал большой казан,
Купил полмеры луковых семян.
Решил поглубже землю бороздить,
Решил прополку чаще проводить,
Сказал себе: «Коль хорошо взойдет,
Тогда женюсь на следующем году».
Изматывался не жалея сил,
Отсеялся, шалаш соорудил.
Сидит и сторожит... А для чего?
Кто столько лука купит у него?
И не купили. Заработал грош,
Хоть урожай и вправду был хорош.
«Беда, — сказал бедняга, — ах, шайтан!
Каких же мне теперь искать семян?
Спросить, узнать... А у кого узнать?
Бай оскорблен — не станет отвечать...»

Не зная, посоветоваться с кем,
Так маялся Кукан. А между тем
Колхозники уже не раз, не два
Беседовали с ним: «Эх, голова!
Уперся на своем, как в землю врос.
Тебе давно пора вступить в колхоз,

Для бедняков таких, как мы и ты,
Колхоз — осуществление мечты.
Когда мы вместе, кто сильнее нас?
А кулачью уже недолог час.
Решайся, парень. Станет общим труд —
Пустыни цветниками расцветут».
Но был упрям Кукан. Всё «нет» и «нет».
«Я буду жить, как мой отец и дед».
И вспомнив кстати о словах отца,
Пошел к мулле. Склонился у крыльца,
Прочел вечернюю молитву «шам»,
Сказал: «Святой отец, я с просьбой к вам.
Затмила мне глаза незнанья тень.
Что сеять мне: пшеницу иль ячмень?»
Вздыхнул, и так, чтоб увидал мулла,
Рублевку положил на край стола.
Муллу благословенье пробубнил,
Раскрыл коран и сказку сочинил.
Сказал: «Велик аллах! Внимай, Кукан.
На твой вопрос мне дал ответ коран.
Устами бога так глаголет он:
«Кто сеет просо — будет награжден».
Усвоил речь? Уразумел — о чем?
Уснешь ни с чем, проснешься богачом».
И заключил, дурача простака:
«Аминь, да будет жизнь твоя легка!»

Пришел домой обманутый Кукан,
Взял в долг у друга пять пудов семян.
Посеял просо, чтоб ему сгореть!
Изныл душою, желтым стал, как медь.
Земля была, как жизнь, тоща и зла,
Взяла все силы, горсточку дала.
Не хватит даже долг вернуть. Беда!
А впереди — морозы, холода...
Но, если взял — отдай. Таков закон.
Кукан скорбел: зачем родился он?!
Уж лучше камнем быть, лежать в пыли,
Чем жить крестьянином — рабом земли.
Но плакать да стонать — какой же толк?
Вновь продал часть пожитков, скинул долг.
Потом, чтоб худо-бедно, как нибудь
До теплоты, до лета дотянуть,
С корчагами расстался, с хомутом...
Так оголяя двор, сарай и дом,

Порою сыт, порою натошак,
Дождался вешних дней Кукак-бедняк.
Сказал: «Что сеять, сам теперь репу.
Ни у кого совета не спрошу».
И выбрал репу. Хороша к столу
И на продажу, а ботва — волю.
Опять залез в долги, семян купил,
Опять трудился до потери сил,
А результат — о господи! — опять
Такой, что впору лечь и помирать.
Повез на рынок ворох чуть не с дом,
И хоть бы кто-нибудь спросил: «Почем?»
Вокруг смеются: «Караул! — Вайдот!
Мы репу хрутали в голодный год.
Иль ты соскучился по той поре,
Рехнувшись на своем пустом дворе?»
Язвят, подкусывают так и сяк.
Совсем лишился головы бедняк.
Пошел, вола навьючил и — айда
В далекий путь. Куда? А вот куда.
Был у него знакомый Кулунтай,
Жил в Вуадиле. Не сказать, что бай,
Но не из бедных. Вкусно пил и ел,
Поскольку маслобойкою владел.
Кукан нанялся на зиму к нему.
Крутил машину, поджидал весну.
Весной в кишлак вернулся и опять:
«Что посадить? Как семена достать?»

Вот тут-то бай Шариф, неждан, незван,
Пришел к бедняге: «Как живешь, Кукан?
Ой, вижу, подсекла тебя нужда!
И это все — твои земля, вода.
Томишься, маешься уж третий год...
Отдай их мне, избавься от забот.
Стань у меня издольщиком, Кукан.
Не пожалеешь, будешь сыт и пьян.
Посеешь на земле морковь и маш,
Оставишь долю, девять мне отдашь.
Ну что замылся? Соглашайся, брат.
К зиме получишь сапоги, халат.
Чем не житье? Хоть в стужу, хоть в грозу
Сиди и попивай себе бузу».
Понасулил, с три короба напел
И, усмехаясь в бороду, ушел.

Кукан помаялся еще денек
И согласился. Устоять не смог.
Поставил снова на поле шалаш,
Посеял, вырастил морковь и маш.
И что ты скажешь! Неудача вновь.
Маш — точно камень, несладка морковь.
И — недород. Произвели дележ —
С одной десятой с голоду умрешь!
Быть может, бросить землю и бежать?..
Нет. Так себя не станешь уважать.
Опять — на маслобойку? Нет, не так.
Там прижился уже другой батрак.

И вот доел он маш, доел морковь,
Стал желт и тощ, как потерявший кровь.
А тут — зима. Земля белым-бела.
Махнул рукой: «Пойду, продам вола!»
Повел, погнал скотину на базар.
А вол — совсем скелет, хоть и не стар.
Кого прельстит? Найдется ль вертопрах —
Взять эту грусть на четырех ногах?..
Один съязвил: «Да разве он живой?»
Он — призрак, тень, ручаюсь головой!»
Другой сказал: «Покуда не подох,
Задаром я бы взял. Уж больно плох!»
Тут маклеры вмешались: «Покунай!
Откормишь, станет гладким, точно бай!
А ты продай, но много не проси,
А то упустишь, боже упаси!»
Кукан подумал: «Чтоб не прогадать,
За три червонца надо бы вола продать».
Но так как он совсем не ел с утра,
Два попросил, отдал за полтора.
Всего лишь? Да, не более того.
Но лучше что-нибудь, чем ничего.

2

Прошло немного дней. Взволнован Чуст.
Большая весть у всех не сходит с уст.
Еще сто пять дехкан (Да-да — сто пять!)
Колхозниками захотели стать.
Кишлак шумит, гостей из центра ждет.
В день смерти Ильича назначен сход.
Предсельсовета ходит по дворам,
К середнякам заходит, к беднякам,

Зовет и женщин, не одних мужчин.
У нас теперь для всех закон один.
Кукана встретил. «Как живешь?» — спросил.
Поговорил и тоже пригласил.
Но вот и день настал, и час настал.
Повсюду заспешили стар и мал:
«Скорей, друзья, скорей, уже вот-вот
Приедут гости и начнется сход!»
Собрали бедняков, середняков,
Собрали молодых и стариков.
Всех работяг собрали на майдан.
Явился, озираясь, и Кукан.
Стал с краешку, оперся на дувал,
«Не уставать вам!» — вежливо сказал.
И услышал: «И ты не уставай.
Что стал в стороночке? Сюда давай.
Ну как у бая? Роскошь? Благодать?»
Кукан молчал, не зная, что сказать.
Дул быстрый ветер, трепетал врасяг
Багряный с траурной каймою стяг.

Вдали заметно заклубилась пыль,
К майдану подкатил автомобиль.
«Приехали, приехали! Ура!» —
Ликуя, закричала детвора.
Приехавшие не спеша сошли,
К столу президиума подошли.
Предсельсовета встал и встретил их.
Сказал: «Внимание!» — и майдан затих.
«Собрание трудящихся крестьян
Открыто!» — услышал бедняк Кукан.
И тут оркестр колхозный заиграл
Великий гимн «Интернационал».
Все поднялись. Торжественна, сильна,
Лилась, лилась мелодия волна,
Потом, когда последний звук затих,
Один из хлопкоробов молодых
Сказал, затронув души и сердца:
«Товарищи, в честь Ленина-отца
Одну минуту молча постоим».
И стало тихо, тихо... Недвижим
Стоял Кукан. Растроган, удивлен,
Едва от слез удерживался он.
Всё было ново, всё наперекор

Тому, что видел он до этих пор.
Кто вел собрание? Батрачка. Вот она
Спокойно поднялась, ловка, стройна,
Сказала всем: «Сейчас начнет доклад
Инструктор из райкома Халмурад».
Рукоплескания, приветный гул.
Встал парень в кожанке, вперед шагнул.
Заговорил. В словах — задор, призыв.
Кукаан внимал, дыханье затаив.

«Товарищи! Прошло уже шесть лет,
Как умер Ленин, но его завет,
Его дела, мечты его размах —
Не в наших ли стремленьях и делах?!
Объединясь, идя его путем,
Мы людоедам-баям сердце рвем.
Везде у нас кипит ударный труд.
Растут заводы, фабрики растут.
Гиганты эти каждый день и час
Ударных темпов требуют от нас.
Ишаны, баи строят козни нам,
Шипят, язвят, желают розни нам.
Пускай! Мы тоже не лежим, не спим.
Наш каждый трактор — оплеуха им.
Распахем, унавозим все поля —
Богатый урожай вернет земля.
Коль станет сплошь колхозным наш кишлак —
Мулла увянет, скрючится кулак,
Кто он — мулла? Он груз, что тянет вниз,
Петля на шее, байский блюдолиз.
Прочь этот сор! Пусть будет чистым дом,
Пусть нашим другом станет агроном.
Товарищи! Весна уже вот-вот.
Что даст ткачам колхозный хлопковод?
Пора, давно пора нам перестать
У заграницы хлопок закупать,
Растрчивать свой золотой запас
На тех, кто явно точит нож на нас!
Пусть ни одной полоски поливной
Не будет не засеянной, пустой.
Чтоб каждый, кто бы нам не угрожал,
Увидел нашу силу — урожай,
И проиграв бескровный этот бой,
Задохся бы от ярости слепой.
Вы знаете: среди союзных стран

Наилучший хлопкороб — Узбекистан.
В единстве братском, став сильней вдвойне,
Мильоны тонн должны мы дать стране.
Понять, в чем суть колхозов, не хитро:
Совместный труд, совместное добро.
Но, если будем мы дружны и впредь,
Мы всех врагов заставим онеметь.
Ведь силу многих воедино слив,
Становится гигантом коллектив.
«Твоя земля, моя земля» — не жизнь.
Для блага всех разрушим все межи!..
Товарищи! Наш уровень возрос:
Еще сто пять хозяйств войдут в колхоз.
Вы сами тут решите, как вам быть.
Но наш совет — не надо сил дробить.
Разумнее всем новым ста пяти
В уже сплоченный коллектив войти.
Хотя бы — «Кзыл Курган»¹. Тогда бы он
И вправду мощным стал, как бастион.
Тогда бы он за множество заслуг
Прославился на сотни верст вокруг.
Вот так, друзья. Могучий наш союз,
Не оступясь, любой поднимет груз.
Да, Ленин умер. Умер, но живет.
Его дорогой мы идем вперед.
Мы ленинцы. Он с нами — вождь и друг.
Штурвал машин не выпустим из рук!»

Так он закончил речь, и всё кругом
Потряс рукоплесканий гулкой гром.
Потом, советуясь, как быть, как жить,
Другие тоже стали говорить.
Сначала вышел острый на язык,
Видавший много бед батрак Разык.
Сказал: «Мы всей душою за колхоз.
Что видел я у бая, гол и бос?
Трудился, набивал ему амбар.
Ему быд плов, а мне от плова пар.
Все наши баи так. Шариф, Ильхам,
Саид, Наби, Кудрат, мулла Бахрам.
От чьих трудов у них что хочешь есть?
Коней не счесть, коров, овец не счесть,
Угодий не обмерить поливных...»

¹ «Кзыл Курган» — «Красная крепость».

Всё это добыто для них!
Довольно! К дьяволу! Пришла пора
Самим взять вожжи своего добра.
Себе — свой разум, свой умелый труд.
А баев — прочь! Пусть баи глину жрут!
Их надо ликвидировать как класс.
Земля — для тех, кто трудится. Для нас.
Но враг упорен. Враг не сдастся сам.
Он лезет к беднякам, к середнякам,
Морочит их, вливает в уши ложь:
«В колхозе зло. В колхозе пропадешь!»
И что скрывать! Пороку их аркан
Не зря летит. Вот, например, Кукан.
Спросите-ка его, как он живет,
Как мыкается он четвертый год.
А что причиной?.. На свою беду —
У бая, у муллы на поводе.
Юн, зелен, опыта в хозяйстве нет.
Пришел к Шарифу: «Дайте мне совет».
Ну и пропал! Что есть у парня? Пыль:
Вол полусдохший и омач-горбыль.
А ходит в чем? А ну, бедняга, встань.
Пять лет уже он носит эту рвань!
Хоть раз бывал он сытым? Нет. И что ж?
Нейдет в колхоз. Вот как дурманит ложь!
Мы знаем их слова: «Толпа слепа.
К добру не может привести толпа».
«Зачем колхоз? Зачем артельный труд?
Где много пастухов, там овцы мрут».
Лгут хитрецы. Сулят не жизнь, а рай.
«Ты только землю, — говорят, — отдай».
А ну, Кукан, сейчас при всех ответь,
Не так ли ты попал к Шарифу в сеть?»

Кукан стоял потупившись, краснел.
«Я кончил», — объявил Разык и сел.
Потом поднялся, покосясь на стяг,
Женоподобный средних лет толстяк.
Он так сказал: «Эй, постыдись, Разык!
Совсем ты уважать людей отвык.
Ты на Шарифа зря не нападай.
Шариф-ака почтенный, добрый бай.
И зря муллу ты пачкал так и сяк.
Смотри...» Но досказать не смог толстяк.
«Умолкни!» — раздалось со всех сторон. —

«Торгаш поганый!», «Убирайся вон!»
«С дружками вместе — с баем и с муллою
В одной могиле сгинь, пузырь гнилой!»
«Теперь уж мы не батраки, не те,
Что всех боясь, томятся в нищете!»
«А кто тебя пустил сюда, паук?!»
И тут же, в десять иль в двенадцать рук,
Схватили цепко и, намяв бока,
С майдана вытолкали толстяка.
И снова — речи, реплики... Но вот
Пришел и заявлениям черед.

Азиз... Надир... Астанакул... Баймат...
Ладоней гром, приветствий водопад.
Вступивших вписывают в чистый лист...
Тут встал один партийный активист
И, вскинув руку, предложение внес:
«Пусть Ленинским зовется наш колхоз!»
И снова будто шквал потряс майдан.
Потом Разык сказал: «А что ж Кукан?
Так в нищете и проживет все дни?..
А ну-ка сам откликнись, кашляни!»
Кукан замялся, думал, оробев:
«Вступив, не навлечешь ли божий гнев?
Не запятнаешь ли грехом души?..»
Но все ж решился, выдохнул: «Пиши!»
И рукавом халата вытер пот...

Кукан навек запомнил этот сход.

3

Чует на подъеме. В прошлом время бед.
Единоличников здесь больше нет.
Нет кулаков. Их выгнал коллектив.
Мулла Бахрам, Наби, Саид, Ариф
Лишь вспоминаются порой, как сон.
Фундамент новой жизни возведен.
За быстрый рост, за славные дела
Колхозу Ленина везде хвала.
Крестьяне: молодежь и старики
Те, что и ныне молодо крепки,
Хлопчатник вырастив на целине,
Большой подарок сделали стране.
Верны заветам Ленина-отца,

Сверх плана дали сотни тонн сырца.
Египетских семян у них гора.
Коней у них сменили трактора.
Всё обновилось. И батрак Кукан
Теперь уже не тот простака Кукан.
И не батрак уже, а тракторист.
Исчезла робость, ум, как утро, чист,
Достаток в доме. Все, что нужно есть.
Ешь хоть весь день, когда захочешь есть.
Где круг не мал, там и доход не мал.
Кукан поздоровел, улыбчив стал.
Женился ровно год тому назад.
Довольны оба. В доме добрый лад.
Ребенка ждут в начале ноября —
И счастливы. Сияют, как заря.
Мечтают: Кто родится? Он? Она?..
У них уже готовы имена.
Для девочки, как песня: Пахтаой.
Для мальчика — Пулат, чтоб был стальной.
Эх, кто бы ни был — скажем: «В добрый час!»
Мы ленинцы. Заря светла для нас.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КУКАН-КОЛХОЗНИК

ТОЗАРИЩЕСКОЕ ПИСЬМО

Сперва напомним, кто такой Кукан.
Колхозник. Я писал о нем дастан.
Он горемыкой жалким прежде был.
Наивным простаком, невеждой был.
Батрачил, проливал потоки слез,
Покуда, к счастью, не вступил в колхоз.
Но вот беда! Хоть мы с ним и друзья, —
Так вышло, что его обидел я.

В те дни, когда он был еще бедняк,
Прощаясь, мы уговорились так:
«Чтоб не прервалась нашей дружбы нить,
Чтоб классовых врагов вернее бить,
В сторонке от борьбы, ленясь, не спать,
Подбадривать друг друга, навещать».
И что ж?! Нет, нет, я не оставил фронт,
Я не молчал, набравши воска в рот.

В борьбе эпох, безжалостно, остро
Разило недругов мое перо.
Но в жаре схваток, в суматохе дел
Я побывать у друга не успел.
А мог бы... Слово не берут назад.
Сказал — исполни. Каюсь, виноват.
Забыл. Не знал о друге ничего.
И вот — письмо. Из Чуста. От него.
Письмо такое: «Молодец, поэт!
Выходит — честной верной дружбы нет.
А ну-ка вспомни, кем я был, кем стал,
Когда ты обо мне писал дастан.
На нищенском клочке, трудясь, как мул,
Бесплодно, бестолково спину гнул.
На маслбойке, чтоб ей сгннуть, был,
Последних сил лишаясь, масло бил.
Батрачил у Шарифа-кулака,
Узнал, как доля рабская горька.
Ходи в отрешьях, в холоде ночуй.
Захочешь есть — давясь, объедки жуй.
Потом, поэт, я встретился с тобой,
С надеждой, с новой встретился судьбой.
Ты и твои друзья сказали мне:
«Вступай в колхоз, трудись на целине».
«Когда молотят на большом току —
Охвостьев нет» — внушили бедняку.
Я внял советам. А затем, поэт,
Уехал ты и всё — пропал и след.
А мы ведь, помнишь, в дружбе поклялись.
И не на час, не на день, а на жизнь.
Вот так-то, друг-поэт... Раз пять иль шесть
Случалось мне стихи твои прочесть.
Читал взахлеб. Но тут же, что скрывать,
Ругал твое уменье забывать.
А дочка-говорушка Пахтаой
Выпытывала: «Это кто такой?»
Ну ладно, друже, собирайся в путь.
Не прогадаешь, есть на что взглянуть.
Все ветхое давно пошло на слом.
Как говорится, слоник стал слоном.
Колхоз в расцвете. Сыт, обут, одет.
Имамы не в почете, баев нет.
Жизнь бьет ключом. Наполнен каждый час.
Я убежден что, побывав у нас,
Ты сочинишь еще один дастан.

Ну, до свиданья. Жду. Твой друг Кукаш».
Прочел я это, жарясь как в огне,
Как будто оплеуху дали мне!
Что возразить?.. Забыв про все дела,
Я стал конем, грызущим удила.

В колхоз

Вперед, верблюды желанья, вперед!
Помаявшись, собрался я в поход.
Запасся крепким вещевым мешком,
Взял флягу, хлеба взял, пошел пешком.
Свищу, пою, шагаю широко.
Прозрачен воздух, дышится легко.
Пускай привал далеко. Ничего!
Приду, увижу друга моего.
Побуду, погощу, потом опять —
Перо, бумага, чай... Писать, писать!
Но вот окончен путь. Передо мной,
Украшенный трудом простор земной.
Рядки, рядки — без края, без границ,
Прямы, как сорок девичьих косиц.
В коробочках упругих каждый куст.
Посмотришь — скажешь: в нитках крупных бус.
Еще посмотришь — сразу видно, он
С любовью, с уважением взращен.
И все они несметные цветут,
Стократно оправдав упорный труд.
Как зелень их чудесна, как сочна!
Ее краса красе небес равна.

А вот и те умельцы-мастера,
Чья добрая забота так щедра.
Проворны руки их, верны сердца.
Их этот мир без края, без конца!
За пояс полы подвернув, идут.
Поют. Задорно, весело поют:
«Едут с хлопком караваны, яр, яр!
Бусы девушек багряны, яр, яр!
Кто живет без коллектива, яр, яр!
Тот не может быть счастливым, яр, яр!
Ароматом дышат розы, яр, яр!
Расцветает сад колхоза, яр, яр!»
Скорей, бодрей пошел навстречу я,
Сказал: «Салам, не уставать, друзья!»

Обрадовались, тискают бока:
«Салам! Салам! Где пропал, ака?»
Как дети? Как семья? Здоров ли сам?»
«Здоров, спасибо», — говорю друзьям.
«Ой, неужели это ты, Кукан?!»
Едва узнал его. Усат, румян.
Пудов на пять детина. Грудь бугром.
Рубаха — ластик, голенища — хром.
Сажеными шагами подбежал,
Почти до боли крепко руку сжал.
Сказал с усмешкой ласковой: «Ну как?
Не будь письма, ты б не пришел в кишлак?
Работы, говоришь, невпроворот?
А здесь у нас забот не полон рот?»
Потом мы с ним пошли, в руке рука,
В колхозный клуб, что в центре кишлака.
Там был детишек целый караван.
«Они здесь временно, — сказал Кукан. —
Мы строим для колхозных малышат
Отдельные и ясли и детсад».
Тут к нам девчущка-крошка подошла,
За шею Куканджана обняла.
Туга, круга, как золотой ранет.
Глазенки черные, чернее нет.
Кукан сказал ей: «Дядя — в гости к нам.
Знакомься, дочка, говори салам».
Как славно было на нее смотреть!
Свет глаз моих, как шелковая сеть
Окутал нежно с головы до ног
Чудесный этот молодой росток.

Затем, когда мы вышли, Куканджан
Вернулся вновь на полевой хирман,
А я, поотдохнув, решил пока
Взглянуть на новый облик кишлака.
Да, много сделал Ленинский колхоз.
Как в сказке он три этих года рос!
На каменистых землях, на буграх,
Построил новый мир. Какой размах!..

Корыстный мир бесстыден и нелеп.
Где честные дела, там честный хлеб.
Вот цифры урожаяев на щите —
Свидетельство о сбывшейся мечте.
Сто, полтора, двести шестьдесят...

Три года роста — доблести парад.
Да, тут умно организован труд.
Тут нету зря потраченных минут.
И здесь не на пуды, на тонны счет.
Вот он свободный труд, свободный взлет!..

Но дальше, дальше!.. Новый скотный двор.
Стоят быки — красавцы на подбор.
Крутые лбы, прищур багровых глаз.
Породисты, надменны. Экстра-класс!
А вот — крольчатник. Ух ты, сколько их
Молочно-белых, серо-голубых...
Но тут меня окликнули: «Салам!
Кукана видели? Надолго к нам?»
Я посмотрел — Халпош, его жена.
Но изменилась как! Бойка, полна.
На свадьбе, помню, стебельку под стать,
Сидит, молчит, не смеет глаз поднять.
Теперь не то. Сказала тотчас мне,
Что трудится в колхозной опшхане..
Что на обед Кукан придет домой
И будет очень рад поесть со мной.
«Прошу, не опоздайте!» — и ушла,
Сославшись на служебные дела.
Я дальше зашагал. Увидел склад.
Мешки тугие, полные лежат.
Пшеница. Золотистое зерно.
Тут закурить мне захотелось, но,
Случайным взглядом по стене скользя,
Прочел я надпись: «Здесь курить нельзя!»

НОВЫЕ ЛЮДИ

Какие жители, таков кишлак.
Над сельсоветом вьется алый флаг.
Дома: как будто вышли на парад.
Белым-белы вдоль улицы стоят.
Легенды блекнут, легендарна быль.
Здесь высились бугры, вихрилась пыль.
Но честного труда обильный пот
Не даром пролил доблестный народ.
Тут каждый занят хлопком, стар и мал.
Для всех он тут заботой главной стал.
Ударничество здесь впиталось в кровь.

Здесь труд надежен и крепка любовь.
Кто скажет, что в колхозе этом есть
Пятнающие трудовую честь,
Летящие, как глина, из края в край,
Чтоб ухватить побольше каравай,
Таких здесь нету! Здесь, гордясь трудом,
Не покидают свой родимый дом.
Здесь на большое дело сплочены
Не только для себя — для всей страны.
Спадает зной. Добреет, блекнет день.
Литого солнца золотой кетмень
Все ниже, все краснее — и пропал.
Пылает горизонт прозрачно ал,
Снежок луны украсил небосвод.
Гудит карнай, крестьян домой зовет.
И вот они идут, богатыри.
Их лица в алых отблесках зари.
Глаза ясны, задорно звонок смех.
Тут все за одного, один за всех.
Им не нужны молитвы и мечеть.
Идут, поют... Давайте с ними петь.
«В пышных россыпях белого золота
Веселитесь и радуйтесь молодо.
Шире площадь хлопковых плантаций,
Зерновые пускай потеснятся.
Вместо ветхих училищ-развалин
Строим сотни просторных читален.
Вместе в поле мы, вместе за партами.
Нас ведет большевистская партия!»

Куда их путь? Дневной закончив труд,
Они сейчас в столовую идут.
Им хорошо. Смеясь, острот клинки
Умело скрещивают остряки.
Да, о былом никто здесь не скорбит.
Культурно дело их, культурен быт.
Пришли, умылись. Тут царит Халпош.
К ней в ошхану неряхой не войдешь.
Заманчиво кипит-бурлит котел,
Свежи скатерки, чисто вымыт пол.
Присели, распустили пояса.
С едой покончили за полчаса.
Тут встал один, вниманья попросил,
На общее собрание пригласил.
Сказал: «Вопрос ответственный, друзья,

Откладывать его никак нельзя». И все собрались в красной чайхане. Пришел и я со всеми наравне.

ПЛАНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Про все, что было там от «а» до «я»
Рассказывать сейчас не буду я.
Вопрос был в том, кого из этих мест
Отправить в город на колхозный съезд;
Кто, эту честь большую заслужив,
Доложит, как работал коллектив.
Что говорить, нешуточный вопрос!
Приходится задуматься всерьез.
А рапорт наш? Каким он должен быть?
Тут встал Кукан и начал говорить.
И что же? Признаюсь, его доклад
Легко и просто дал мне шах и мат.
«Вот,— думал я,— как нужно тему знать,
Чтоб легковесных строк не сочинять!»
И все, кто был тут, согласились с ним:
«Пусть рапорт будет именно таким!»
Видны в нем и сегодня и вчера,
Он яркий уголь общего костра.
Но к делу, к делу! Хватит общих слов.
Доклад Кукана в целом был таков:

В 31-м году у нас было 146 хозяйств, сейчас — 461 хозяйство.

В 31-м году у нас было 200 гектаров земли, в 33-м году — 978 гектаров.

В 31-м году мы получили с гектара 100 пудов урожая, в 32-м году — 160 пудов, в 33-м году по 200 пудов с гектара.

305 хозяйств обзавелись коровами и телятами.

В 31-м году на трудодень было выдано по 1-му рублю 20 копеек и по 2 килограмма пшеницы.

В 32-м году колхозники получили по 2 рубля 15 копеек и по 5,4 килограмма пшеницы на трудодень.

В нынешнем 33-м году мы выдали на трудодень по 3 рубля 50 копеек и по 7,1 килограмма пшеницы.

Участие женщин в общественной работе достигло 90 процентов.

В 31-м году грамотных было 12 процентов, в 33-м году — 97 процентов.

63 процента наших работ механизированы.

125-ти хозяйствам мы построили новые дома.

Да, вот как вырос он — Кукан-батрак!
А были дни — боялся сделать шаг.
Всего три года минуло с тех пор,
Как шел он разуму наперекор —
Поверив, что колхоз — источник бед,
Трусливо упирался: «Нет» и «нет».
Все то, что ввали бай, торгаш, имам,
Как жемчуга подвешивал к ушам.
И все-таки смотри — оумел батрак
Покончить с нищетой, рассеять мрак!
Раскован разум, чист и прост язык...
Какого мудреца он ученик?!
Не скрою, этот строй звенящих строк —
Взволнованной души моей восторг.
Диктует их горячая любовь.
Ведь наши перемены, наша новь
Не только в том, что сыты кишлаки,
Что новых фабрик множатся гудки,
Что ныне пашет землю не соха,
А мощные стальные лемеха.
Еще важней воздвигли зданье мы,
Расширили свое сознание мы.
В бесклассовый отрадно новый век
Войдет свободный новый человек.

Вернусь к рассказу. Председатель встал,
«Теперь приступим к выборам,— сказал.—
Есть предложение, чтоб на съезд от нас
Поехали Кукан и Бекнияз».
Согласный шум, рукоплесканий шквал...
Избранники, достойные похвал,
С улыбкой встали, опустив глаза.
Все дружно проголосовали «за».
Так завершился день. Был поздний час.
Халпош давно уж поджидала нас.

ЗАДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР

Хороший дом был у него теперь.
Высокая двустворчатая дверь,
Двойные рамы, деревянный пол...
Да, не за зря трехлетний срок прошел!..
В окно звездой жемчужной смотрит ночь,
Тихонько спит в резной кровати дочь.
Широкой ниши правильный овал.

Гора подушек, горка одеял.
Над дастарханом вьется легкий пар,
Сопит блестящий белый самовар.
Лепешки белые, кишмиш, каймак...
Ну что ж, Кукан достоин этих благ.
Не просто он все беды превозмог.
Сбивался с шага точно стригунок.
Недоедал, недосыпал порой.
Без тени летом, без тепла зимой.
Теперь все эти муки позади,
Теперь пнявок он сорвал с груди.
В ряду борцов, борясь за нашу новь,
Он шел вперед, пролив и пот и кровь,
И разгромил кулацкий вражий стан.

«Ну что же ты сидишь молчишь, Кукан?
Три года жизни не короткий срок.
Рассказывай, разматывай клубок».
«Да, было всякое, — сказал Кукан. —
Не сразу улетучился дурман.
Вот — курсы трактористов. Верь не верь,
Я не легко шагнул за эту дверь.
«Вдруг, это грех, вдруг покарает бог!..»
Пятнадцать дней отважиться не мог.
Ну, как-никак решился, поступил.
Сам иногда дивлюсь, каким я был.
Что дальше?.. Наконец за трактор сел.
Как видишь сам, окреп, поздоровел.
Дела у нас с женой пошли вперед.
И то сказать, где труд, там и доход».

Он говорил о том, кем был, кем стал,
Как бы тетрадь передо мной листал.
Как рос он, как менялся с каждым днем,
Как чувство класса пробуждалось в нем.
И вдруг, рванув рубашку на груди,
Сверкнул глазами, выдохнул: «Гляди!
Вот здесь, пониже. Как? Добротный шрам?..
От бая, от хозяйна — салам!
Ужалил змей! Актив и партбюро
Пришли к нему описывать добро.
Пезеленел, затрясся Шарифбай,
Сказал: «Смотри, щенок, не прогадай!»
А через день — за пазуху кинжал —
И в камышах на зорьке поджидал.

Я шел, стережясь не видал причин.
И вдруг, как на колючку наскочил.
Успел узнать, успел схватить его...
А что потом — не помню ничего.
Очнулся на кровати, еле жив:
«Где мироед проклятый? Где Шариф?!»
Исчез Шариф. Искали — нет и нет!
И все-таки попался мироед.
Он как схитрил? Усы, бородку сбрил.
Очки потолще на нос нацепил.
Ушел от нас подальше налегке,
Стал счетоводом в горном кишлаке.
Таился, притворялся целый год,
Пока не разгадал его народ.
Да, здесь борьба порой была жестка.
Немало мы повыжгли сорняка!..
Вот так-то...» — заключил рассказ Кукан.
Неторопливо расстегнул карман...
«Ну, что, поэт, получится дастан?» —
И книжицу ударника достал.
«Смотри, — сказал он, посветлев лицом, —
Вот знак того, каким я стал борцом.
Борцом за качество, за урожай,
Борцом за то, чтоб цвел родимый край.
А знаешь, как живу? За прошлый год
На трудовень мне дали семь-пятьсот!»

«Да, брат, — сказал я, — ты живешь не зря».
А за окном уже взошла заря.
Добротная, подобная горе,
Корова замычала во дворе.
Запел петух, за ним — округа вся...
День трудовых свершений начался.

Кукана путь — десятков тысяч путь.
Рассвет, который вспять не повернуть.
В дастане этом бой за счастье масс.
Герой дастана — победивший класс.
Наш мудрый вождь, наш авангард в борьбе —
Родная партия ВКП(б).
Поля сражений — грудь родной земли.
Всю грязь, всю нечисть мы с нее смели.
Сгорели звери-баи, начадив.

Все страны мира слышат наш призыв:
Эй, труженики, хватит вам терпеть.
Вставайте, стройтесь, капиталу смерть!
Друзья, не все, что я хотел сказать,
Мне удалось вместить в мою тетрадь.
Ну ничего! На съезде, будет час,
Кукан-ака дополнит мой рассказ.

1930—1933

И сараи,
И пасть неостывшей печи
Беспризорного маят приютом
В ночи.
Все холодные ветры
Несутся к нему.
Он под снегом колючим
Продрог и промок.
Он, как ножик в кармане,
Уткнется во тьму,
И умолк,
И затих,
И свернется в клубок,
Навсегда предоставлен себе самому.
Каждый поезд на станции
Подан ему.

Средь камней городских
Он прирос, как грибок.
Ему пыльная улица —
Школа и дом.
Там и дружбу
И скудную пищу
Найдешь...

К непривычной судьбе
Привыкает с трудом
Беспризорный,
Раздетый,
Разутый
Юлдаш.

Он добытчик
Чужих кошельков
И часов.
Он отличный бегун,
И насмешник,
И лгун.
Виноград
И урюк
Он хватает с весов,

А попавшись —
Из рук
Ускользает, как вьюн.

По бутылкам стучит,
Как по тысяче струн,
И танцует,
И свищет на сто голосов;
Любит фокус и трюк,
Хоть отчаянно юн,
И уздечки ворует
С коней и ослов.

Озорник,
Над красоткой
С накрашенным ртом
Посмеяться умеет
И остро и зло.
Он в подвал опустевший
Вползает кротом,
Он нырнет в подворотню,
Как птица в дупло.

Озорней
И грязней
Паренька не найти.

О, как просто в те годы
Было сбиться с пути!

Так бы жил он
И жил,
Бедовал,
Не тужил...
Но неожиданно
Облаву
Затеял детдом
И, забытый подвал
В темноте окружив,
Молодых сорванцов
К новой жизни позвал.

3

Сколько ласковых глаз,
Сколько бережных рук
Удивленный Юлдаш
В интернете нашел!

Сколько верных друзей,
Сколько славных подруг!
Как легко здесь дышать!
Как тут жить хорошо!

Все настойчивей
Звонкое пенье пилы,
Перестук молотков
И удар топора.
Как светлы
Все углы,
Нет ни пыли,
Ни мглы.
За работу
Берется с утра
Детвора.
Здесь простор
Для души,
И простор для ума.
Здесь не надо стучаться
В закрытую дверь.
Страсть к работе
В сознание входит сама,—
Все осмысли,
Осиль,
Изучи
И проверь...

4

Мне хотелось бы дать
Долгожданный покой
Всем,
Кто эти страницы
Упорно листал,
Кто читал
Эту повесть
Строка за строкой
И читать ее
Без передышки
Устал.

Много времени
Поваром я прослужил
В интернате,

Где вдруг очутился Юлдаш.
Я Юлдаша любил,
Я с Юлдашем дружил.
А потом
Я работать пошел
На Сельмаш
И Юлдаша все реже и реже
Встречал.
Боевой комсомолец
Семнадцати лет,
Он с азартом
Себя к ремеслу приучал.
Большой радости нет,
Чем встречать свой рассвет
Так, чтоб голос твой
В хоре согласном звучал.

Он текстильщиком был,
Нерастроченный пыл
В этом юноше
Ни на минуту не гас.
Неужели
Меня он уже позабыл?
Где он трудится?
Где веселится сейчас?
Уж давно
Не слыхал я о нем ничего.
Хоть бы меньше комарика
Весточку вдруг
Мне прислал как-нибудь
Мой исчезнувший друг.

Но пришла наконец
Долгожданная весть:
В Самарканде Юлдаш,
Он примерный боец.
Защищает он Родины славу и честь.
Храбреца не смутят
Ни басмачский свинец,
Ни внезапный огонь.
Ты границ наших,
Враг зарубежный,
Не тронь!
У Юлдаша
Награда высокая есть,—

Символ
верных,
бесстрашных
и честных
сердец.

Орден Красного Знамени
Золотой
На груди его
Яркой сверкает звездой.

5

Годы шли,
Но Юлдаша отец не забыл,
В годы голода,
В пору басмаческой мглы,
От селенья к селенью
Он в горе бродил.
Борода его стала
Вроде метлы,
Стал на вид он
Как выходец
Из могил.
Не на посох
Склоняться бы старику.
А в объятья упасть
К дорогому сынку.
Слаб он стал
И беспомощен,
Словно «дал».
Он Юлдаша искал,
Он к аллаху зывал
И, заслыша азан,
Бормотал он коран.
— Вы Юлдаша не видели?—
Говорил.
Вопрошал у людей.
У камней.
У могил.
И однажды обрадовали старика:
В Самарканде видали его сынка.

Сердце
Словно согрето чудесным лучом.
Он спешит к Самарканду,
Надеждой влеком.

Как в наряде военном
 Хорош
 Первоклассный боец,
 Наездник
 Юлдаш.
 Ровно
 Выстроены в ряд
 Скакуны.
 Это красная конница,
 Гордость страши.
 И как признак того, что боец не трус,—
 У каждого закручен
 Буденновский ус.

Эта армия
 Дружит с победой всегда,
 Ее слава и подвиги высоки.
 Дисциплина тверда,
 За Отчизну труда
 Постоянно
 Готовы к атаке клинки.
 Если б не были спаяны
 Чувством одним
 Эти крепкие,
 Словно литые, ряды,
 Враг вошел бы
 В твой дом,
 Надругался б над ним,
 И никто бы не спасся
 От лютой беды...
 И ни я,
 И ни вы
 Не снесли б головы.
 Среди несчетных бойцов
 Как отыщешь сына?
 Застилает туман
 Глаза старика.
 Точно бисер,
 Слезинки
 Роняют глаза.
 Словно в блестках росы
 Борода у отца.
 Только вытрет слезу —

Набегают слеза.
Согня славных Юлдашей
Стоит перед ним.
Он согрел бы их всех
Добрим сердцем своим.
Вот он руки раскинул
Юлдаша обнять
И с улыбкой шагает
Вдоль стройных рядов.
«Нет, не этот
Юлдаш.
И не тот!»
И опять
Он любого обнять
По-отцовски готов.
Жеребенка он ищет
Среди жерсбят,
Соколенка,
Что вышал
Давно из гнезда,
Ягненка, с которым
Разлучила беда.
— Ваш Юлдаш на посту,—
Старику говорят,—
А с поста
Отлучаться нельзя никому.

— На посту?
Что за пост,
Не пойму.
Я военного
Не изучал языка.
Поспешите к нему,
Пусть аллах успокоит
Отца-старика,
Пусть скорей приведет
Дорогого сынка.
Но смеются джигиты:
— Аллах ни к чему.
Вы пойдите-ка сами
К сынку своему.
Вон стоит ваш Юлдаш
На почетном посту.
Но к нему
Приближаться нельзя никому.

— Что ж он будет стоять
От отца за версту!
Даже если б гора
Преграждала мне путь,
Я пройду сквозь нее,
Чтобы к сыну прильнуть,
Чтоб склониться скорей
На сыновнюю грудь,
Чтоб дыханье сыновнее
Глубже вдохнуть,
Чтоб с любовью
В родные глаза заглянуть.
Почему не могу я
К нему подойти,
Чтоб навеки забыть
Все печальные дни,
Все чужие дома,
Все чужие огни,
Кипшлаки,
Где сыночка
Мечтал я найти?—

И, не выдержав,
Крикнул он громко:
— Сынок!

И, живого волнения полно
И тепла,
Это слово
К Юлдашу летит,
Как стрела.
И в груди
Возникает горячий комок.
И, за словом своим
Поспевая едва,
Прямо к сыну
Спешит удивленный отец.
Весь в слезах он,
И кругом идет голова:
— Неужели
Нашел я тебя наконец?
Почему же, Юлдаш,
Ты упорно молчишь?
Может, саблей тебе
Отрубили язык?

Как высок ты
И статен,
Мой смуглый малыш!
Почему ж ты молчишь?
Ты отвык
От меня?
Подойди,
Положи мое сердце
Себе на ладонь.
Как трепещет оно
И пылает в груди
Что огонь!
— Милый, добрый отец, —
Отвечает Юлдаш наконец. —
Я вас вижу, но я подойти не могу,
Я стою на посту.

— Что ж, мне так и стоять
От тебя за версту?
В старом сердце
Опять воцаряется мгла...
Но отходчиво
И незлобиво оно, —
То звенит,
Как надтреснутая пиала,
То отцовского счастья
И света полно...

Все обиды отец
Поутру позабыл,
Он с Юлдашем стоит
На военном плацу.
Проявляя живой,
Нерастраченный пыл,
С увлеченьем Юлдаш
Объясняет отцу:
— Этой самой винтовкой
Своей боевой
Я немало в бою
Уложил басмачей.
Поплатились
Семнадцать из них головой.
В наш сияющий край
Не проникнуть врагам.
Им от конницы нашей

Не скрыться нигде.
Погляди-ка
На мой безотказный наган:
Он со мной,
Под рукою
Всегда и везде.
Этим верным наганом моим
Поражен был убийца детей Ибрагим.—
И старик,
Умиленный Юлдашем своим,
Говорит:
— Ой, сынок,
Не погибни от пули шальной.
Будь я молод,
Неплохо нам было б двоим
Поработать
Испытанной шашкой стальной.
Рассчитаться с врагом,
В клетку вора загнать,
Чтоб лисе неповадно
Было кур воровать.

7

Славься, кровью воеванное
Знамя труда!
Развевайся
Горячей зарей на ветру!
Пусть
С пятью остриями наша звезда
Озарит
Вековечную темноту.
Не сломить,
Не осилить
Великой страны,
Где джигиты, Юлдашу подобные,
Есть.
Для труда и войны,
Как один, сплочены,
Мы всегда отстоим
Нашей Родины честь.
Не возьмут нас
Ни ложь,
Ни угроза,

Ни лести.
Мы своей величавой Отчизне
Верны.
Светит
Алое знамя ее
С вышины,
Как живая заря,
Как победная весть.

1931

НУРМАТ И САВРИ

Нурмат и Саври в своем доме живут,
и тесно им тут,
и скучно им тут,
Но жить в коллективе — зазорно для них,
Хоть мало дает им их труд.

Сапожник Нурмат целый день в закутке
то с шилом в руке,
то с дратвой в руке.
И, отдых забыв, от зари до зари
По дому хлопочет Саври.

Не хочет кустарь-одиночка Нурмат
вступить, как собрат,
в рабочий отряд —
Не хочет вмешаться в большие дела,
Хоть сам своей жизни не рад.

Саври, пробудившись в каморке от сна,
немыта, грязна,
суетится одна —
Она постирать, приготовить обед,
Убрать за коровой должна.

Ребенок в своей колыбельке кричит,
похлебка кипит,
корова мычит,
И волосы дыбом встают у Саври —
Она точно ведьма на вид!

Едва она примус свой старый зажгла —
застряла игла,
и в комнате мгла,
И мечется снова по дому Саври,
На мир и на жизнь свою зла.

С досады Саври закурила чилим,
и стелется дым
по стенам сырým...
Что ж делать теперь ей! Кури не кури —
Тоску не разгонишь, Саври!

А ночью воротится пьяный Нурмат,
и стекла звенят,
и слышится мат,—
С веревки сорвется в испуге телок,
Ломая гнилой палисад.

И муж избивает веревкой Саври:
«Эй, черт подери,
молчи, не ори!»
Неграмотны оба — ведь им, беднякам,
Не снились во сне буквари!

Однажды вбежал он и крикнул: «Жена!
Послушай, жена!
Плясать ты должна!
Здесь фабрика обуви будет теперь,
Сегодня открылась она.

На фабрику эту с тобой мы пойдем
и будем вдвоем
сидеть за станком.
Довольно ютиться по жалким углам!
Бросай и кастрюли и хлам!

На фабрике много машин и станков —
лишь скажут нам: «Шов!»
а шов уж готов!
Не нужно глаза или руки трудить —
В машину вставляется нить!»

Неделя прошла, и уж в цехе Нурмат,
работать оч рад
две смены подряд.
Из первой полочки Нурмат, говорят,
Жене своей купит наряд!

В их доме приветливо, чисто, светло,
сверкает стекло,
и сердцу тепло,

И грамоте стала учиться Саври...
Хорошее время пришло!

«Шермат будет школьником в этом году,
Дильбар же — в саду,
я сам отведу!

Так, — молвил за ужином как-то Нурмат, —
Приучим детей мы к труду!»

Теперь они дружны: забот у них нет,
в столовой — буфет,
готовый обед...

Нурмат и Саври уж не кустарц,
Теперь отдохнула Саври.

Заботы, заботы, сбивавшие с ног, —
кумган, котелок,
корова, телок.

Очаг не горит, а Саври перед ним
Не курит свой дымный чилим.

И в жизни их словно развеялся дым:
Нурмат стал другим —
совсем молодым.

По праздникам он уж не бьет фонари,
Не пьет, не ругает Саври.

На фабрике мастером стал он, да, да!
Ударник труда.
Он первый всегда.

И в соревнованье он всех победил, —
Саври своим мужем горда.

С работы веселый приходит Нурмат:
«Идут ли на лад
дела у ребят?»

Дильбар научилась уже лопотать,
И в школе отличник Шермат.

«Нам в новую жизнь открывается дверь —
все краше теперь,
все наше теперь —

И радость, и смех, и сиянье зари,
Все наше сегодня, Саври!»

ВЫШИВКА

Эта вышивка,
льющаяся, как ртуть,
сверкающая серебром
и позолотой,—
чью изнуряла
чистую грудь?
Чьих

рук
работа?

Чья печаль,
терпеливо втыкая иголку,
пришивала жемчужины
к этому шелку?

Жемчужины,
на желтом пламени роз,
подобные каплям
скорбных слез...

Чей талант,
продал себя за копейку,
растрачивался
на эту тубетейку?

Но кто же в мире
достиг идеала?
Взгляни

на рисунок

позорче.

Минусов тут
не так уж мало,
хоть в целом он
не испорчен.

Какая-нибудь рисовальщица
старая, старая

вывела старый
пракский узор.
Рука у нее
была усталая,
усталая с давних пор.
Вышивальщица
расцветку составила паскоро:
фисташковый,
желтый,
капустный...
А молодежи сейчас
правится красное.
И — чтоб не прозрачно,
а густо.
Стежка
местами груба,
негожа,
околыш заметно великоват,
верхушка излишне остра...
Но кто же,
кто же тут виноват?
Рисовальщица?
Разве ее не простишь?
Много детей,
бессчетно внуков...
Начала узор —
заплакал малыш:
бросай кисточку,
иди баюкай.
С вышивальщицы тоже
спросишь не очень.
Дел по хозяйству
невпроворот.
За шитье берется
поздней ночью,
когда
весь дом
уснет.
Обстирай всех,
накорми всех.
Завтрак,
обед,
ужин...

А со стежильщицы
и вовсе
спрашивать грех:
вчера
похорошила
мужа...

Помню, —
мы были тогда мальчуганами, —
по улице бродили
плечистые парни,
задорные,
форсистые,
чванные —
один другого шикарней.
На каждом
по несколько
поясных платков,
расшитые тюбетейки
набекрень.
Стучат подковками
высоких каблуков,
усами пронзают
солнечный день.
Старики на таких
смотрели, млея:
«Ай, красавец!
Ой, молодец!
Такой на улаке
всех одолеет.
Узнать бы,
кто у него отец...»

Сегодня
у нас
мера иная.
Сто лет жизни
этому
рабочему парню!
Руки в мозолях,
глаза пылают...
Первый на нашем заводе ударник.
В нем и достоинство.
и удалство.

Он с другом вступил
в соревнование.

Металл оживает
в руках его,
ревет,
как лев
раненый.

Других
рабочих парней
вдохновив,

Он их повел
за собою,
и был ликвидирован
в цехе прорыв,
и план перевыполнен
вдвое.

А слышали вы
про его жену?
А слышали вы
про его сестру?

Им тоже
почет по праву,
им тоже
плечи выпрямил труд,
дал

и силу
и славу.
На фабрике
первые
среди ткачих, —
талантливые,
искусные...

Побольше бы нам
девчат таких,
побольше бы нам
парней таких,
множащих
мощь
индустрии.

Нет,
не торчащие в небо усы,
не тюбетейка,

что ярко расшита —
основа достоинства
и красы,

основа
славы джигита.
Достоинство в том,
чтоб жену свою
Кундуз,

Хайри,
Халпош,
Зульфю

освободить
от тяжких забот,
лишающих сил,
вгоняющих в пот —
от стирки,
от варки,
от целого ряда
пустых суеверий,
нелепых обрядов.

Женщины!
Славьте
новый рассвет.
Старому быту
скажем «нет!»

Скиньте чачваны
позорные, черные!
Вас ожидают
квартиры просторные.
Вам

радушно
откроют объятя
магазины готового платья,
вас
ожидает пища
в новых
незакопченных
чистых столовых.

Ваших малюток
ясли ждут,
вас
фабрики ждут
и заводы.

Свободный
для общего блага труд —
бодрость

на многие годы.
Ваши способности,
сдавленные в клетке,
вбитые
в тюбетейки,
ковры,
пояса,
должны теперь
служить пятилетке,
тогда засверкает
ваша краса.

Хватит!
Покончим
с наваждением веков!
Пускай,
почетом и славой
увенчаны,
радуясь жизни,
цветут у станков
наши спутницы —
женщины.

Пусть им поют
заводские гудки.
Час пробужденья
светел.

Пусть
кумачовые их платки
вольный
ласкает ветер.

А вы,
тюбетеек расшитых любители,
в кепках рабочих
ходить не хотите ли?

1931

СВАДЬБА

Ударник колхоза «Байналминал» Андижанского района, комсомолец Шадман, решив жениться, написал товарищам, спрашивая, каким должно быть супружество. Вступая в колхоз, Шадман был батраком с одним лишь кетменем да старым халатом.

(Из газеты)

Да, свадьба, что ни говори, большой и редкий праздник.
На новый незнакомый путь вступает человек.
Любовь сплетает два цветка благоуханных разных,
Два юных чистых существа сближаются навек.

Два жарких сердца бьются в лад, горят неугасимо,
За счастьем нежности летят, как перышко легки.
Из ясных девичьих зрачков, заранее любимы,
В зари грядущую глядят дочурки и сынки.

Шадман, дружок, и я, как ты, был женихом когда-то,
Сияньем глаз, сетями кос и я был взят в полон.
Как у тебя, моя душа была в те дни крылата
И учащенно бился пульс, желаньем опален.

Все было схожим. Жизнь текла стремительным потоком.
Как ты, я бредил по ночам, слова любви шепча.
Томясь, как ты, мечтал о ней, прекрасной, черноокой,
Но догорела до конца мечты моей свеча.

Теперь то время для меня лишь в памяти осталось.
Вернуться в юность не дано куда никому.
На сердце старое мое легла годов усталость.
Горячей страсти сладкий груз уж не поднять ему.

Я не грущу. Всему свой срок. Дел у меня без счета:
Помочь товарищам, друзьям, работать вновь и вновь...
Вот, например, сейчас моя насущная забота
Сложить поэму про твою счастливую любовь.

Давно ли был ты батраком?.. Вчера — бесправье, голод.
Чуть притомился — по плечам со свистом хлещет плеть.
Сегодня в коллективе ты, удачливый, веселый.
Как мимо этого пройти? Как это не воспеть?

Твоя невеста, говорят, работает на славу.
Чуть свет ласкает ветерок волпу ее кудрей.
Ударный труд в краю родном дал ей почет по праву,
Дал гордый блеск ее очам, дал радость жизни ей.

Еще слышал я, что заря ее целует нежно,
Когда она выходит в сад по утренней росе;
Что руки быстрые ее, как лебедь белоснежны,
Что тал склоняется пред ней, дивясь ее красе,

Что звонок голос у нее, что даль и ширь степная
Благоговеино внемлют ей, когда она поет.
Что изумрудная листва, от ветра убегая,
Уроки верности берет у верности ее.

Слышал, что в сердце у нее — пылающее солнце.
И потому она всегда светла и горяча;
Что как-то месяц молодой к ней заглянул в оконце
И после клялся ей в любви на лезвии луча.

Ей тушь и пудра не нужны, ей не нужна помада.
Она проста и весела, красавица полей.
Ее косметика — цветник и яркий бархат сада,
Ее рубины — россыпь звезд, а зеркало — ручей.

Слышал я также, что она на сборе урожая,
Проворно меж рядков скользя, чуть-чуть сгибая стан,
Всех соревнующихся с ней легко опережая,
За сотню килограммов в день припосит на хирман.

Еще мне довелось узнать, что многие джигиты
О ней мечтали день и ночь, вздыхали не таясь.
Но верный путь к ее любви был лишь тебе открытым,
Лишь для тебя в ее очах заря любви зажглась.

Ну что ж, кому же как не вам быть неразлучно вместе?
Вы в чистом небе две звезды, вы в поле два цветка,
Лишь для тебя теперь звучат ее девичьи песни,
Лишь для нее — твоей любви горячая река.

Как родинка, ее красу дополнило уменье
Любую книгу прочитать и все усвоить в ней.
А как чудесно шьет она, ну прямо загляденье.
Все гладко, все к лицу, а швы — не отыскать ровней!

Отрадно поглядеть на вас, когда стоите рядом.
Могучий, точно карагач, ты ей вполне под стать.
Полей колхоза не объять и не окинуть взглядом.
А ты на тракторе своем их все сумел вспахать.

У нас дороги широки, возможности безбрежны.
На сущность мира смотришь ты не темным простаком,
Не мутным взглядом дурачка, дремучего невежды —
Обязан твой широкий лоб познания платком.

Но слушай, все имеет срок. Не бесконечна сила.
Я часто вижу одного седого старика.
Ему за восемьдесят лет, в глазах его застыла
Давящая, как ночь без звезд, жестокая тоска.

«Отец,— сказал однажды я,— когда б я вас ни встретил,
Вы будто что-то на земле пытаетесь найти».
Он поднял блеклые глаза, невесело ответил:
«Здесь жизнь моя прошла, сынок, по этому пути.

Здесь жемчуг юности моей я разбросал беспечно.
Рубины молодости здесь исчезли без следа.
Тогда не знал, что зоркий взгляд дается не навечно.
Что есть у бодрости предел, не понимал тогда.

Знал кое-что, но мало знал. Все думал: наверстаю!
А что теперь? Почти слепой, беспомощный старик.
Ах, если б возвратить назад годов минувших стаю:
Весь мир бы досыта познал, все тайны бы постиг».

Да, книга мира велика, в ней каждая страница —
Сокровищница многих тайн, в ней важен каждый знак.
Того, кто не читал ее, все будут сторониться.
Не нужен будет людям он, как стершийся пятак.

Сейчас идущим впереди нужны большие знания.
Ты знаешь грамоту, Шадман, по это мало, друг.
Чтоб строить прочно, нужно знать законы созиданья,
Знать все ремесла на земле и сущность всех наук.

Учись, Шадман, всю жизнь учись, пускай в очах подруги
Не гаснет никогда любовь, прекрасна и светла.
За все, чего достигнешь ты в работе и в науке,
Пускай повсюду о тебе разносится хвала.

Давай припомним прошлых лет минувшее несчастье.
Прислужник в байском доме ты, черна судьба твоя.
Ни крошки ласки и любви, ни капельки участия...
Разбитой чашки черепок на свалке бытия!..

«Готов», «Извольте», — слов иных ты говорить не умеешь.
Дрожащий голос, робкий взгляд... Затравленный, худой,
Ты будто сорванный листок, желтеющий в канаве...
Легко и просто помыкать безродным сиротой!

Коровник чистишь, двор метешь, ведешь на выгон стадо...
Хозяйке нравится каймак, хозяину — творог.
А ты?.. Ты разве человек? Тебе немного надо.
Сухая корка и вода. Поужинал и лег.

Ночь. Тихо шелестит листва. Везде покой и дрема.
Спят на нашесте петухи, спит шавка в конуре,
Спит карагач на берегу большого водоема.
Храпит хозяйка на суле, подобная горе.

Всем отдых, всем. И лишь к тебе не прибывают силы.
Ты знаешь, понял: боль твоя не тронет никого.
Глазами, мокрыми от слез, беспомощный, унылый,
Читаешь скорбную тетрадь сиротства своего.

«Ох, солнце, солнце, почему лучей своих отраду
Ты щедро даришь тем, кто сыт, кто счастлив и богат.
А бедным — только жгучий зной без тени, без пощады...
Скажи мне, солнце, почему кто слаб, тот виноват?»

«И почему...» Да, много раз, не находя ответа,
С тоской, с мольбой, в ночной тиши шептал ты:
«Почему?»

Тебя не грел приход весны, не радовало лето,
Как наказанье ты встречал студеную зиму.

Те почи минули, мой друг. Те беды, те несчастья
Зачеркнуты. Уже ничто их не вернет назад.
Утратил власть твой грозный бай, открылись двери
счастья;
Где прежде были сорняки, теперь — цветущий сад.

А помнишь, как пришел в колхоз? Давно ли было это?..
В истрепанном халате, бос, тощ, одинок, несмел.
Едва стоял, дрожал как лист от дуновенья ветра...
Имущество? Тупой кетмень — вот все, что ты имел.

Но встреченный как друг и брат советским коллективом,
В колхозе ты воспрял душой, поправился, окреп.
Печальным, неказистым был, стал бодрым и красивым.
Отменным трактористом стал: недаром ешь свой хлеб.

Ты понял: бан и купцы, имамы и ишпаны —
Твои и класса твоего заклятые враги.
Ты понял: если на земле не хочешь быть бурьяном —
Не уклоняйся от борьбы, свободу береги.

Ты написал друзьям письмо, ты ждешь от них ответа,
Как нужно свадьбу провести, как по-советски жить?
Друзья напишут. Но позволь и мне чуть-чуть об этом,
Без назиданья, просто так с тобой поговорить.

Что важно в свадьбе — в торжестве начала новой жизни?
Что весело гостям, что плов на славу удался?
Что богатейшим в кишлаке твой пир счастливый признан
И долго будет вспоминать о нем округа вся?..

Что—свадьба?.. Прозвучит сурнай, слух и сердца лаская,
Протяжно, тонко выводя мелодию «Гульяр»,
Сложнейших, быстрых ритмов дробь на бубнах рассыпая,
Веселые певцы споют веселое «Яр-яр».

Кольцо с рубиновым глазком на пальчике невесты.
Листочки клевера блестят, омытые росой..
Томится молодая кровь, ей в жилах стало тесно.
Как сладок первый поцелуй — огонь во мгле ночной!..

Что — свадьба? Наступает час, когда нарчовый полог
От взоров спрячет молодых, как в гнездышке горлят..
Каков он будет, их союз? Короток или долгод?
Как знать! Сердец не разгадать, когда глаза горят.

Но не для нас то, что пришло от жирных богатеев,
Порядки их, законы их, как нечисть смоем с рук.
Недобрый, обветшалый мир разрушив и развеяв,
Мы по-прежнему будем жить и праздновать, мой друг.

Нет, мы не против торжества и бубнов и сурная!
И в наших жилах не вода, и наша кровь жарка.

Но нам нужна иная жизнь, семья нужна иная.
Где все шаги — плечо к плечу, всегда — в руке рука.

Что проповедуют они, какого жаждут быта? —
«От одинокого кося не закружится пыль».
«Под шапкою не разглядеть, что голова пробита».
Вот сущность их! Снаружи — лоск,
внутри — разврат и гниль..

На окнах — розы, а котел сто лет не мыт, не чищен.
При неудачах — дикий вой, царапанье лица.
Всё — для наживы, всё — себе, с рожденья до кладбища.
Кого из нас прельстит уклад такого образа?..

Теперь послушай, что еще хочу тебе сказать я.
Лишь в дружбе с коллективом жизнь полна и хороша.
А только личное — крючок, оторванный от платья.
Что толку в нем, в таком крючке? Не стоит и гроша.

Что — свадьба? Первый шаг семьи. Два члена коллектива
Соединяются навек для дружбы и труда,
Для созидающей любви свободной и счастливой,
Где ясного доверья луч не гаснет никогда.

Мы смотрим так: муж и жена — два полноправных друга.
Никто не властвует, никто не раб, не падишах.
Теперь не счесть таких семей от севера до юга.
Одна у них большая цель, одна у них душа.

Вот, например, есть у меня приятель в Гиждуване.
Женат, счастлив. Ударник он, ударница жена.
В колхозе, на поле, он с ней вступил в соревнованье.
И это не ущерб семье, когда семья дружна.

На первый взгляд, ну что тут есть? Сюжетик для заметки.
Но в нем большой чудесный смысл, в нем нового росток.
Мужают, множатся у нас герои пятилетки,
Богат духовной красотой советский наш Восток.

Что ждет тебя, мой друг Шадман, уже сейчас я знаю.
Я вижу ясным, как заря, твой путь — твою судьбу.
О судьбах солнечных таких настойчиво мечтаю,
Шли революции бойцы на смертную борьбу.

Я вижу счастье двух сердец, я вижу ваше завтра,
Когда вы встанете чуть свет, волнуясь, и когда
Друг другом радостно гордясь, войдете в двери закса,
Войдете в двери долгих лет отрады и труда.

Вот ваши подписи легли на белую страницу.
Она, Шадман, для вас окно в большой чудесный мир...
Я трижды славлю новый строй, что дал нам возродиться,
Дал нам права и сделал нас свободными людьми.

1934

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Айван — терраса, веранда.

Айтыс — состязание народных певцов, акынов.

Азан — призыв к молитве.

Ака — старший брат. Почтительное обращение к мужчине.

Акын — народный певец, поэт.

Ала-тау, — горный хребет в южной части Казахстана.

Алишер — великий узбекский поэт XV века Алишер Навои.

Аллах, алла — бог.

Апа, ападжан — старшая сестра, почтительное обращение к женщине.

Арафа — канун большого праздника.

Бедиль — поэт XVII—XVIII веков (1644—1720), писал на персидском языке.

Бекасам — полосатая шелковая материя.

Бурхан — буддийский идол.

Гуджа — жидкая каша из крупы.

Гульканд — сладкий пирог или варенье из лепестков роз.

Дал — арабская буква. Пишется в виде согнутой черты. Сравнение с «далом» в поэзии народов Востока употребляется для выражения приверженности, печали.

Джамбиль — пахучее мятное растение.

Джайхун — арабское название Амударьи.

Джейляу — горные пастбища.

Джидинка — небольшая мучнистая ягода, плод дерева джиди (лоха).

Дугар — двуструнный музыкальный инструмент.

Дугарчи — музыкант, играющий на дугаре.

Дэв — демоническое существо, олицетворение коварства и зла.

Закят — подать, взносы с имущества богатых в пользу бедных.

Зиндан — темница.

- Зухра* — Венера (планета).
Искандер — Александр Македонский.
Каляндар — нищенствующий монах, странник.
Калам — перо.
Капсан — религиозная подать натурою (зерном) сельскому духовенству.
Каса — обеденная чашка, имеющая форму пиалы.
Карагач — вид вяза.
Карнай — узбекский медный инструмент, длинная медная труба, по регистру близкая к тромбону.
Кафир — у мусульман название иноверца.
Кетмень — вид мотыги с круглым широким лезвием.
Кирмак — червь, вредитель тутовника.
Куляш Байсеитова — народная артистка СССР, знаменитая казахская певица.
Мавджуда — знатная ткачиха.
Махалля — квартал.
Машираб — узбекский поэт, казненный в 1711 г. по приговору реакционного духовенства.
Мизан — месяц мусульманского календаря, примерно соответствует сентябрю.
Мукими — узбекский поэт-демократ (1851—1903).
Наво — узбекская классическая мелодия, один из макамов.
Патлаван — богатырь.
Пери — фея, красавица.
Райхон — базилик.
Рубаб — музыкальный инструмент.
Сабит — Сабит Муканов, казахский писатель.
Савт — симпривизированное музыкальное добавление к основной классической мелодии макама.
Сайхун — арабское название Сырдарьи.
Салам — привет.
Саз — музыкальный инструмент (общее название).
Сеид-Азим Ширвани — азербайджанский поэт (1835—1888).
Сурьма — краска для ресниц и бровей.
Такдузи — тонко расшитая тюбетейка.
Тамбур — трех- или четырехструнный инструмент.
Танап — $\frac{1}{2}$ часть гектара.
Той — свадьба, пир.
Усма — трава, соком которой красят брови.
Уфор — вид танца.
Фагфуры — династия китайских правителей.
Физули — азербайджанский поэт XVI века.
Хакулло — религиозная подать, взимаемая с крестьян.

Хамза — Хамза Хаким-заде Ниязи, узбекский поэт и драматург (1889—1929), основоположник узбекской советской литературы. Убит врагами Советской власти.

Хидыр — мусульманский святой.

Хирман — ток.

Хольвайтар — сладкое блюдо из муки, сахара и масла.

Сахар — раннее утро (перед рассветом).

Чарьки — грубая обувь из сыромятной кожи.

Чигирь — особое колесо, служащее для подъема воды из арыка.

Чигит — семена хлопчатника.

Чилим — кальян.

Чинар — дерево из семейства платановых, с лапчатыми листьями.

Шабчирок — ночной огонек.

Шаир — поэт.

Шариат — совокупность духовных и светских норм, по которым творят суд в мусульманских странах.

Янга — сноха, невестка, старшая тетка.

СОДЕРЖАНИЕ

Шараф Рашидов. Всегда с нами.	3
Гафур Гулям. Из прожитого и пережитого. Перевел Н. Ивашев.	7

Стихи

1923—1940 годы

Ища красоту. Перевел П. Шубин.	11
Женитьба. Перевел В. Соколов.	12
Зима и поэты. Перевел В. Соколов.	13
Опять на тот же лад. Перевел Р. Фархади.	14
На путях Турксиба. Перевел В. Державин.	15
Алкоголь. Перевел В. Липко.	19
Хлеб. Перевел С. Бологин.	22
Ташкент. Перевел В. Державин.	25
Воспоминание о комсомольских годах. Перевел В. Липко.	27
Конь. Перевел В. Липко.	28
Сад. Перевела В. Поганова.	30
Не марсия. Перевел Р. Фархади.	33
На подступах к небу. Перевел С. Лиходзиевский.	35
Все твое. Перевел Р. Фархади.	37
Вечер на стадионе. Перевел В. Журавлев.	39
Мавджуда. Перевела В. Поганова.	41
Итог. Перевел В. Липко.	42

1941—1945 годы

Народ поднялся. Перевел В. Липко.	44
Проводы. Перевел В. Сикорский.	46
Я — еврей. Перевела С. Сомова.	48

Ты не сирота. Перевела <i>С. Сомова</i>	54
Зима. Перевел <i>В. Державин</i>	58
Жду тебя, сын мой. Перевела <i>С. Сомова</i>	60
Праздник на нашей улице. Перевела <i>С. Сомова</i>	63
Женщина. Перевел <i>Л. Пеньковский</i>	65
Небо земли. Перевел <i>Л. Пеньковский</i>	69
Прощанье. Перевел <i>В. Липко</i>	72
Свет и вода. Перевела <i>С. Сомова</i>	75
Клятва. Перевел <i>В. Державин</i>	78
Победители. Перевел <i>Р. Фархади</i>	79
Арафа. Перевела <i>В. Попова</i>	82
Праздник победителей. Перевел <i>В. Луговской</i>	84
Моя золотая земля. Перевела <i>С. Сомова</i>	86
Время. Перевела <i>С. Сомова</i>	88
Большой праздник казахского народа. Перевела <i>Т. Стреш-</i> <i>нева</i>	90
Разум и перо. Перевел <i>В. Луговской</i>	92

1946—1966 годы

Не забыть никогда. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	93
Рассвет счастья. Перевела <i>Т. Стрешнева</i>	94
Ташкент. Перевел <i>П. Шубин</i>	96
Снег. Перевел <i>С. Северцев</i>	98
Первое стихотворение в новом году. Перевел <i>В. Соколов</i>	100
Колыбель отчизны. Перевел <i>В. Липко</i>	103
В день победы. Перевел <i>В. Липко</i>	105
Самарканд. Перевела <i>С. Сомова</i>	107
Моей дочке. Перевела <i>С. Сомова</i>	109
Бесцеремонность. Перевел <i>В. Сикорский</i>	110
Новый день. Перевела <i>Т. Стрешнева</i>	111
«Москвич». Перевела <i>С. Сомова</i>	112
Чернильница. Перевел <i>С. Северцев</i>	114
Обычаи весны. Перевела <i>С. Сомова</i>	115
Полюбуйся на узбекские крыши. Перевел <i>В. Слуцкий</i>	116
Девушкам. Перевела <i>С. Сомова</i>	117
Волосы. Перевел <i>С. Северцев</i>	118
Ковер. Перевел <i>С. Северцев</i>	119
Алишер. Перевел <i>В. Журавлев</i>	120
Лето. Перевела <i>Т. Стрешнева</i>	123
Праздник человечества. Перевел <i>В. Липко</i>	125
Осенний саженец. Перевел <i>Я. Ильясов</i>	127
Разгадка сна. Перевел <i>С. Северцев</i>	128
Ленину. Перевела <i>С. Сомова</i>	129
Советской Армии. Перевел <i>В. Липко</i>	132

Рукопись славы. Перевел <i>В. Липко</i>	135
Девушка из Ферганы. Перевел <i>В. Державин</i>	138
Не соблюдайте уразы. Перевел <i>В. Липко</i>	141
Поэт Поль Робсон. Перевел <i>С. Бологин</i>	143
Река Ферганы. Перевел <i>В. Липко</i>	145
Диплом. Перевел <i>С. Северцев</i>	148
Век коммунизма. Перевел <i>В. Липко</i>	150
Это подпись твоя. Перевел <i>С. Лиходзиевский</i>	153
Друг у друга учимся. Перевел <i>С. Лиходзиевский</i>	155
Аму. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	157
В честь победителей. Перевел <i>В. Костыря</i>	160
Наши старики. Перевел <i>Б. Слуцкий</i>	162
У могилы Хамзы. Перевел <i>В. Липко</i>	164
Мать. Перевел <i>Я. Ильясов</i>	166
Капля меда. Перевел <i>В. Сикорский</i>	167
Праздник чести. Перевел <i>Р. Фархади</i>	168
Приветствие таджикскому народу. Перевела <i>Т. Сикорская</i>	170
Лучшая моя строка. Перевел <i>С. Северцев</i>	172
Бумага. Перевел <i>С. Северцев</i>	173
Зпамя надежды. Перевел <i>Р. Фархади</i>	174
Великому индийскому народу. Перевел <i>В. Сикорский</i>	176
Славу Ленину, партии славу пою. Перевел <i>Л. Пеньковский</i>	178
Ленину. Перевел <i>В. Сикорский</i>	180
Матерям. Перевел <i>С. Бологин</i>	182
Поэт — поэту. Перевел <i>С. Северцев</i>	185
Строка будущей песни. Перевел <i>В. Державин</i>	187
Лепин. Перевел <i>Р. Фархади</i>	189
Наманган. Перевел <i>С. Северцев</i>	191
Творцам семилетки. Перевел <i>В. Державин</i>	193
Салам великому миру. Перевел <i>С. Северцев</i>	195
Гранат. Перевел <i>С. Северцев</i>	196
К нам приезжайте погостить, друзья! Перевел <i>К. Симонов</i>	199
Пойдем со мною рядом. Перевел <i>Р. Фархади</i>	202
Майский привет. Перевел <i>С. Северцев</i>	203
Воспоминание о друге. Перевел <i>В. Державин</i>	205
Источник Ленина. Перевел <i>В. Липко</i>	207
Плата за соль. Перевел <i>В. Державин</i>	210
Первому космонавту. Перевела <i>Р. Казакова</i>	212
Начало лета. Перевел <i>В. Липко</i>	213
Букет Мирзачуля. Перевел <i>Н. Грибачев</i>	215
Цветник. Перевела <i>Р. Казакова</i>	217
Весенняя песня. Перевел <i>В. Державин</i>	218
«Не потому ли прошлое я вспомнил...» Перевел <i>В. Державин</i>	219
Август. Перевел <i>В. Державин</i>	220
Счастливые строки. Перевела <i>Р. Казакова</i>	222

Сила одного приветствия. Перевел <i>В. Липко</i>	223
По воле коммунистов. Перевела <i>З. Туманова</i>	225
Завтра выборы. Перевел <i>С. Северцев</i>	227
Ну и что ж... Перевела <i>Р. Казакова</i>	229
Гоцпар и ювелир. Перевел <i>В. Державин</i>	230
Авторучка. Перевел <i>В. Державин</i>	233
Бывшей моей луноликой. Перевела <i>Р. Казакова</i>	234
Весенний той труда. Перевел <i>С. Северцев</i>	236
Вымпел. Перевела <i>Р. Казакова</i>	239
Вишня. Перевела <i>Р. Казакова</i>	240
У могилы Алишера Навои. Перевела <i>З. Туманова</i>	241
Ученому другу. Перевел <i>С. Северцев</i>	242
Твой голос — эхо наших дней. Перевел <i>С. Северцев</i>	244
Метание яблок. Перевела <i>Р. Казакова</i>	245
Встречая будущее. Перевел <i>С. Северцев</i>	246
Праздник свободного народа. Перевел <i>В. Липко</i>	249

Поэмы и оды

Готов стать знаменосцем. Перевел <i>В. Липко</i>	251
Кукал. Перевел <i>В. Липко</i>	255
Юлдаш. Перевел <i>В. Липко</i>	276
Нурмат и Саври. Перевела <i>Т. Сикорская</i>	289
Вышивка. Перевел <i>В. Липко</i>	292
Свадьба. Перевел <i>В. Липко</i>	298
Пояснительный словарь	305

Гафур Гулям

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

Том первый

Перевод с узбекского

Редактор Н. Бондаренко

Художник Ш. Булгаков

Художественный редактор А. Бобров

Технический редактор Е. Патапова

Корректор Э. Расулова

ИБ № 2524

Сдано в набор 09. VIII. 82. Подписано в печать 14. XII. 82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Обыкновенно-новая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 16, 38+0.52 вкл. Уч.-изд. л. 13.59+0,4 вкл. Тираж 20000. Заказ № 1503. Цена 1 р. 60 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Г- П. ТПОО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, ул. Навои, 30.

Гулям, Гафур.

Избранные произведения: В 3-х т. [Сост.: А. Ахмедова, Р. Фархади; Редкол.: Рашидов Ш. Р. и др.; Предисл. Ш. Р. Рашидова]. — Т., Изд. лит. и искусства, 1983. —

Т. I. Стихи, оды, поэмы. 312 с.

В 1983 году исполняется 80 лет со дня рождения великого узбекского советского поэта, академика, лауреата Ленинской премии Гафура Гуляма (1903 — 1966). В связи с этим издаются на русском языке избранные произведения поэта в трех томах.

В первый том включено все лучшее из богатейшего поэтического наследия Гафура Гуляма — стихи и поэмы, ставшие шедеврами советской поэзии, «Кукан», «На путях Турсиба», «Ты не сирота», «К нам приезжайте погостить, друзья» и другие.